С 286

Седов А.

ПАРТИЗАНЫ 1812 г.

112667

Въ двухъ стахъ верстахъ отъ Москвы лежало помѣщичье имѣніе Воронихино, принадлежавшее богатому помѣщику Ивану Филипповичу Груздеву. Въ этомъ имѣніи числилось четыреста душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Поэтому Иванъ Филипповичъ считался человѣкомъ богатымъ и даже держалъ своихъ крѣпостныхъ музыкантовъ. Музыкантами управлялъ свой же крѣпостной, Никита Мизуевъ, нѣсколько лѣтъ обучавшійся въ Москвѣ играть на скрипкѣ и на другихъ инструментахъ. Никита былъ еще молодой парень, лѣтъ двадцати семи, и, живя въ Воронихинѣ, страшно скучалъ отъ бездѣлья, потому что Иванъ Филипповичъ давно уже не давалъ ни баловъ, ни обѣдовъ съ музыкой.

Въ молодости Груздевъ служилъ въ военной службѣ, дослужился до чина секундъ-маіора, вышелъ въ отставку, женился на благородной дѣвицѣ, Екатеринѣ Михайловнѣ Огурцовой, переѣхалъ въ

1912

родовое имѣніе Воронихино и здѣсь очень скоро облѣнился. Онъ охотно принималъ у себя гостей—сосѣ й, но самъ почти никуда и ни къ кому не ѣздилъ, и все сидѣлъ дома или объѣзжалъ свои поля. Хотя онъ и выписывалъ „Московскія Вѣдомости“, чтобы не отстать отъ сосѣдей, но не читалъ ихъ и всѣ новости узнавалъ отъ сосѣдей или же главнымъ образомъ отъ лѣкаря Артура Богдановича Краузе.

Въ семейной жизни Иванъ Филипповичъ былъ очень счастливъ. Супруга его Екатерина Михайловна играла на фортепіанахъ и была большой мастерицей изобрѣтать всевозможныя лакомыя кушанья, до которыхъ Груздевъ былъ большой охотникъ и весьма часто объѣдался, но больше всего страдалъ отъ скуки, такъ какъ въ деревнѣ было положительно нечего дѣлать.

Пріѣздъ лѣкаря Артура Богдановича былъ всегда желаннымъ событіемъ въ Воронихинѣ. Лѣкарь былъ добродушный, толстенькій, средняго роста обрусѣвшій нѣмецъ, съ бритымъ подбородкомъ. Онъ постоянно разъѣзжалъ по уѣзду отъ одного помѣщика къ другому, гостилъ у каждаго дня по два, сообщалъ самыя послѣднія новости, непремѣнно находилъ у хозяина или хозяйки какую-нибудь болѣзнь, варилъ изъ привезенныхъ съ собою травъ какія-то чудодѣйственныя лѣкарства и затѣмъ уѣзжалъ дальше къ кому-нибудь въ гости. Ивана Филиппо-

вича онъ лѣчилъ отъ несуществующей болѣзни печени.

Благодаря Артуру Богдановичу, супруги Груздевы знали, что Наполеонъ со своею громадной арміей вторгся въ Россію и подвигался къ Москвѣ, истребляя и сжигая все, что попадалось ему на пути. Отъ него же узнали, что наши арміи отступаютъ передъ непріятелемъ, не даютъ ему сраженія и все уходятъ въ глубь страны. Свѣдѣнія эти, исходившія изъ третьихъ рукъ, очень волновали Ивана Филипповича, какъ бывшаго военнаго, и въ то же время задѣвали его за живое, какъ русскаго человѣка и патріота. Онъ никакъ не могъ представить, чтобы наши доблестныя войска могли отступать передъ непріятелемъ. Онъ не допускалъ даже и мысли о томъ, чтобы наши могли позволить французамъ держать свой путь къ Москвѣ.

— Тутъ, Катенька, что-нибудь да не такъ, сказалъ онъ однажды женѣ за обѣдомъ.— Или вѣсти Артура Богдановича не точны, или же тутъ измѣна военачальниковъ. Войска у насъ достаточно и духъ у войска такой доблестный, что мы врага однѣми только шапками закидаемъ... Подпустить врага къ Москвѣ невозможно...

Екатерина Михайловна озабоченно посмотрѣла на мужа и ничего не сказала. Тонъ, которымъ заговорилъ Иванъ Филипповичъ, показался ей подо-

зрительнымъ. Въ рѣчи его сквозило какъ будто бы безпокойство, а спокойствіе мужа было для нея дороже всего.

Тревога, закравшаяся въ душу Екатерины Михайловны, была не безъ причины. Съ того дня, какъ лѣкарь Артуръ Богдановичъ привезъ извѣстіе о томъ, что французы идутъ къ Москвѣ, Иванъ Филипповичъ сразу измѣнился: онъ сталъ ѣсть и пить меньше, началъ задумываться и по цѣлымъ днямъ ходилъ съ трубкою изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Что съ тобой, Ваня? съ тревогой спрашивала Екатерина Михайловна.—Здоровъ ли ты? О чемъ ты все думаешь?

— Все о непріятелѣ думаю, Катенька, отвѣчалъ Груздевъ.—Не можетъ быть, чтобы наши не могли съ нимъ справиться.

— Ничего, Ваня, Богъ дастъ обойдется, утѣшала Екатерина Михайловна.

Какъ-то дня черезъ три Иванъ Филипповичъ за ужиномъ какимъ-то особеннымъ тономъ сказалъ:

— Нѣтъ, Катенька, я, какъ бывшій секундъ-маіоръ, кажется не выдержу. Отечество, можно сказать, въ опасности, а я, какъ чурбанъ какой, прости Господи, только ѣмъ, пью, сплю и ничего не дѣлаю. Это и отъ Бога грѣшно...

На лицѣ Екатерины Михайловны изобразился ужасъ.

— Что ты, Ваня, задумалъ? проговорила она въ испугѣ.—Господь съ тобой!

— Въ полкъ поступить думаю. Товарищи мои, поди, давно уже до полковниковъ и выше дослужились и въ ряды защитниковъ родины стали, а я, какъ байбакъ, въ нору забился. Даже стыдно...

— Ты, вѣроятно, нездоровъ, Ваня, что тебѣ такія несуразныя мысли въ голову лѣзутъ. Сражаться на войнѣ и безъ тебя есть кому... На войнѣ, не дай Богъ, и убить могутъ.

— Каждый дворянинъ обязанъ жертвовать жизнью за отечество, Катенька, твердо возразилъ Иванъ Филипповичъ.

— Нѣтъ, Ваня, ты положительно боленъ, рѣшила Екатерина Михайловна.—Не ѣшь, не пьешь, задумываешься и Богъ знаетъ, что говоришь. Надо будетъ послать за Артуромъ Богдановичемъ: пусть онъ тебѣ аппетитныхъ капель дастъ или декоктъ какой-нибудь сваритъ.

Иванъ Филипповичъ махнулъ рукой и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Супруга озабоченно посмотрѣла ему вслѣдъ, вышла въ дѣвичью и велѣла позвать къ себѣ одного изъ дворовыхъ людей —самаго расторопнаго.

— Скачи сейчасъ же во всѣ стороны, отыщи

Артура Богданыча и зови его сейчасъ же къ намъ, приказала она, какъ только дворовый человѣкъ явился.—Скажи, что баринъ заболѣлъ. Пусть ѣдетъ какъ можно скорѣе, не теряя времени.

— Гдѣ же я его, матушка барыня, ночью искать буду? взмолился дворовый.

— Хоть на днѣ моря отыщи, а чтобы Артуръ Богданычъ былъ здѣсь, безповоротно рѣшила Екатерина Михайловна.—Всѣхъ до единаго сосѣдей объѣзди. Начни съ Селезневыхъ: можетъ-быть онъ у нихъ гоститъ.

Дворовый залѣзъ всей пятерней въ затылокъ, но ослушаться не смѣлъ и, горестно вздохнувъ, вышелъ изъ дѣвичьей. Но надъ нимъ повидимому сжалилась судьба. На дворѣ, несмотря на поздній, по деревенски, часъ, послышались стукъ копытъ и дребезжаніе дрожекъ и все это умолкло у самаго крыльца. Черезъ полминуты въ сѣни вошелъ Артуръ Богдановичъ. Вышедшая на шумъ экипажа Екатерина Михайловна даже всплеснула руками отъ радости.

— Артуръ Богданычъ! Васъ самъ Богъ принесъ! воскликнула она.—Если бы знали, какъ вы нужны!..

— А я былъ здѣсь недалеко у вашихъ сосѣдей, Петровыхъ, отвѣчалъ лѣкарь, подходя къ ручкѣ.—Заѣзжалъ къ нимъ по своей обязанности уз-

нать, всѣ ли тамъ здоровы. Славу Богу, здоровы всѣ; только у папаши и мамаши я нашелъ небольшіе завалы оттого, что они оба много кушаютъ и мало гуляютъ... А дѣтки всѣ ничего... Тамъ я пообѣдалъ и, погодя немного, пополдничалъ, а потомъ къ вамъ поѣхалъ. У меня для Ивана Филипповича есть большая новость.

— А мы только что сейчасъ кончили ужинать! Такая жалость! Идите скорѣй, садитесь за столъ: тамъ еще кое-что для васъ осталось — поросенокъ съ хрѣномъ, вареная курица и жареная утка съ яблоками. Тамъ для васъ хватитъ. Мы почти ни до чего не дотрогивались. У Вани аппетита нѣтъ, а я, глядя на него, почти ни до чего не дотрогивалась... Тамъ и водки и наливки...

— О, это ничего... Я могу и одинъ покушать, успокоилъ хозяйку лѣкарь.—Это совсѣмъ ничего.

— Ваня, Артуръ Богданычъ пріѣхалъ, крикнула Екатерина Михайловна мужу въ кабинетъ.—, Выходи.

Лѣкарь, усѣвшись за столъ, подвязалъ салфетку вокругъ шеи, съ удовольствіемъ выпилъ большую рюмку сорокатравника и принялся за ѣду. Хотя онъ былъ и не голоденъ, но ѣлъ съ аппетитомъ, потому что любилъ кушать и ѣлъ всегда много. Хозяйка сѣла за столъ и, угощая, разспрашивала о новостяхъ. Когда Иванъ Филипповичъ вышелъ

изъ кабинета, лѣкарь съ особеннымъ усердіемъ трудился надъ жирной уткой и съ набитымъ ртомъ заявилъ ему.

— Я вамъ привезъ большую и важную новость.

— Спасибо. Послѣ ужина разскажете, отвѣтилъ Груздевъ.

Артуръ Богдановичъ и въ самомъ дѣлѣ не спѣшилъ съ своей новостью, до тѣхъ поръ, пока не покончилъ съ уткой и не выпилъ три рюмки вишневой сладкой наливки. Лишь послѣ этого онъ, не спѣша, полѣзъ въ боковой карманъ своего сюртука и вынулъ оттуда сложенный вчетверо листъ бумаги.

— Это въ прошлое воскресеніе въ городѣ въ церквахъ читали, сказалъ онъ,—и раздавали господамъ дворянамъ... Я нарочно для васъ съ трудомъ выпросилъ у Сергѣя Петровича этотъ листъ, чтобы показать вамъ, потому что вы есть—человѣкъ Военный.

— Что это такое? полюбопытствовала Екатерина Михайловна.

— Это—царскій манифестъ, съ важностью проговорилъ Артуръ Богдановичъ.

Иванъ Филипповичъ развернулъ бумагу и, придвинувъ къ себѣ масляную лампу, началъ читать незадолго до этого выпущенный Императоромъ Алек-

сандромъ Павловичемъ манифестъ объ ополченіи.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое во внутрь Россіи... Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей, каждаго и всѣхъ... Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Народъ русскій! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ... и никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ!».

Груздевъ положилъ листъ на столъ и обвелъ присутствующихъ блестящими глазами.

— Государь призываетъ дворянство, заговорилъ онъ.—Ты видишь теперь, Катенька, что я, столбовой дворянинъ, не имѣю права сидѣть, сложа руки, и смотрѣть только, какъ другіе доблестные мужи защищаютъ дорогое отечество. Я не имѣю права ослушаться Государя и оставаться равнодушнымъ. Какъ хотите, а я записываюсь въ полкъ. Это мой непремѣнный долгъ передъ государствомъ.

Щеки Ивана Филипповича горѣли, но зато его жена поблѣднѣла, но не произнесла ни слова.

— Дайте мнѣ, Артуръ Богдановичъ, этотъ ма-

нифестъ, я перепишу его. Завтра утромъ я возвращу вамъ. Вѣдь вы у насъ ночуете?

— Да, да, я у васъ ночую и буду спать крѣпко, отвѣтилъ лѣкарь, наливая себѣ новую рюмку вишневки.

Груздевъ захватилъ съ собою листъ и, пожелавъ женѣ и лѣкарю спокойной ночи, удалился въ кабинетъ и заперся тамъ. Екатерина Михайловна долго сидѣла, неподвижная и подавленная, и наконецъ заговорила.

— Артуръ Богдановичъ! Вы слышали?

— Да, слышалъ. Вашъ мужъ проявилъ доблестное чувство благороднаго дворянина, отвѣтилъ лѣкарь.—Каждый дворянинъ обязанъ защищать свое отечество... Это долгъ каждаго гражданина.

Хозяйка поглядѣла на него испуганными глазами.

— И вы туда же?! Вотъ ужъ отъ васъ я этого не ожидала.

— А что такое? встревоженно спросилъ Артуръ Богдановичъ.—Я ничего нехорошаго не сказалъ. Вашъ мужъ хочетъ итти въ полкъ и я сказалъ вамъ, что это хорошо.

— Онъ хочетъ, да я-то не хочу! Поймите вы это! рѣшительно сказала Екатерина Михайловна.—На войнѣ его могутъ убить... Надо остановить его, воспрепятствовать ему...

— Ага, понимаю, протянулъ лѣкарь.—Но какъ

же мы можемъ воспрепятствовать ему, если онъ хочетъ?

— Найдите завтра же у него какую-нибудь болѣзнь, сварите ему какое-нибудь лѣкарство, скажите, что ему необходимо спокойствіе, и запретите выѣзжать изъ деревни... Я поблагодарю васъ за это отдѣльно...

— Это совсѣмъ другой разговоръ. На это я согласенъ, сказалъ Артуръ Богдановичъ.—Чтобы сдѣлать вамъ пріятное, я начну дѣйствовать завтра же...

Екатерина Михайловна посидѣла изъ приличія еще немного и ушла спать, оставивъ гостя одного допивать наливки, и болѣе о немъ не безпокоилась. Онъ ночевалъ не въ первый разъ и зналъ, въ какой комнатѣ для него приготовлена постель.

II.

На другой день за утреннимъ чаемъ съ сдобными булками Екатерина Михайловна пристально поглядывала мужу въ лицо и озабоченно проговорила.

— Ты сегодня что-то какъ будто бы блѣденъ, Ваня... Здоровъ ли ты? Хорошо ли ты спалъ?

— Слава Богу, Катенька, здоровъ, отвѣтилъ Иванъ Филипповичъ.—А спалъ дѣйствительно не очень крѣпко, но это потому, что вчера съ вечера здорово выспался и, кромѣ того, много думалъ о царскомъ манифестѣ.

— То-то видъ у тебя, Ваня, какъ будто бы нездоровый.

— Да, видъ не очень того, подтвердилъ лѣкарь. —Это отъ печени. Печень и раньше была у васъ въ безпорядкѣ. Послѣ чая пойдемъ въ кабинетъ: я васъ посмотрю и послушаю.

— Чего тамъ смотрѣть и слушать, съ неохотой отозвался Груздевъ. —Я совершенно здоровъ.

— Ну, ужъ это предоставьте лучше знать мнѣ, какъ доктору, сказалъ самоувѣренно Артуръ Богдановичъ. —Намъ лучше знать, кто здоровъ и кто боленъ. У васъ можетъ-быть скрытая болѣзнь, которой вы и не замѣчаете.

— Полноте, Артуръ Богдановичъ выдумывать. Какая тамъ скрытая болѣзнь, когда я здоровъ, какъ быкъ?!

— Не слушайте, Артуръ Богдановичъ, и не вѣрьте ему, вмѣшалась Екатерина Михайловна.— Какъ же Ваня можетъ быть здоровъ, когда у него аппетитъ совсѣмъ пропалъ... У тебя, Ваня, либо печень, либо завалы... Посмотрите его, Артуръ Богдановичъ, хорошенько и повнимательнѣе. Этимъ шутить нельзя. У меня покойница бабушка отъ заваловъ умерла...

Артуръ Богдановичъ, не взирая на сопротивленіе, увелъ Груздева къ кабинетъ и сталъ его изслѣдовать долго и внимательно; возился онъ съ нимъ

минутъ пятнадцать и, наконецъ, объявилъ.

— Вы Иванъ Филипповичъ должны беречь себя. Вы очень запустили вашу печень. Вамъ нуженъ покой. Вы должны сидѣть дома, побольше кушать то, что любите, и отдыхать. Я сварю вамъ сегодня особенное лѣкарство.

Иванъ Филипповичъ раскрылъ широко глаза.

— Какая тамъ печень?! Что вы выдумываете? Я здоровъ, какъ дай Богъ всякому. На дняхъ я въ полкъ уѣду.

— Никуда вы не поѣдете, рѣшительно отвѣтилъ лѣкарь.— Вы можете ѣздить только въ поле и гулять въ паркѣ и больше никуда. У васъ такой скрытый порокъ во внутренностяхъ, что этимъ шутить нельзя. У васъ...

Артуръ Богдановичъ сказалъ нѣсколько латинскихъ словъ и пояснилъ, что это очень опасно. Груздевъ, и безъ того слегка мнительный, струсилъ и покорился.

— Чортъ его знаетъ, можетъ-быть тамъ въ жасъ вотѣ и гнѣздится что-нибудь, чего я не подозреваю, пробормоталъ онъ.— Эхъ, какъ это все не въ время. Отечество въ опасности, служить надо, а тутъ какая-то печенка завелась...

Лѣкарь собственноручно сварилъ въ кухнѣ изъ травъ питье, далъ Ивану Филипповичу нѣсколько строгихъ наставленій и, получивъ отъ Екатерины

Михайловны за труды усиленную плату, уѣхалъ.

Иванъ Филипповичъ запер ся у себя въ кабинетѣ и затосковалъ. Незадолго до обѣда онъ велѣлъ позвать къ себѣ музыканта Никиту Мизуева. Тотъ явился блѣдный и тоскующій.

— Чѣмъ теперь занимаешься? спросилъ его Иванъ Филипповичъ.

— Ничего не дѣлаю, баринъ, грустно отвѣтилъ музыкантъ. — Иной разъ сходишь подальше отъ людей въ поле, поиграть на скрипкѣ, чтобы тоску разогнать, и опять назадъ. Да и это надоѣло, признаться... Вся душа моя, баринъ, въ Москвѣ. Тамъ теперь большія дѣла дѣлаются. Такъ бы и полетѣлъ туда...

— А что въ Москвѣ дѣлается? спросилъ Груздевъ.

— Тамъ теперь, баринъ, все, какъ есть, на ноги поднялось. Весь народъ всталъ противъ французовъ, какъ одинъ человѣкъ; купечество милліоны апр ополченіе жертвуетъ; благородное дворянство броше о балы и обѣды, сходятся каждый день въ Благородномъ Собраніи и обсуждаетъ свои дѣла. Всѣ дворяне на службу въ полки записываются, ополченіе изъ своихъ крестьянъ собираютъ и государю вѣрноподданные адреса подносятъ. Обѣщаютъ до послѣдней капли крови за отечество сражаться. Боль-

ные, старые и слабые—и тѣ наперерывъ на службу просятся.

Лицо Груздева передернуло болѣзненной судорогой.

— Откуда тебѣ это извѣстно? спросилъ онъ.

— Пріятель пишетъ... тоже музыкантъ, крѣпостной господъ Оленевыхъ... Мы съ нимъ вмѣстѣ въ Москвѣ у капельмейстера Бутронцы обучались: я на скрипкѣ, а онъ на флейтѣ...

— Что же онъ тебѣ пишетъ?

— Многое пишетъ... Французъ ужъ подъ Смоленскомъ... Скоро въ Москву ждутъ... Нашъ полководецъ, Барклай-де-Толли, почему-то все отступаетъ, а Наполеонъ все больше и больше смѣлѣетъ и наступаетъ...

— Гм... Такъ ты, говоришь дворянство...

— Всею душою къ войнѣ готовится, баринъ... Пріятель пишетъ, что одинъ престарѣлый московскій помѣщикъ самъ къ государю явился, троихъ сыновей и пятерыхъ внуковъ съ собою привелъ: «Прими, говоритъ,—всемилостивѣйшій государь насъ всѣхъ на защиту родины. Мы, говоритъ,—дворяне и это нашъ долгъ священный»...

Лицо Ивана Филипповича опять передернуло судорогой. Никита вдругъ повалился ему въ ноги.

— Отпустите, батюшка баринъ, меня въ солдаты, царю послужить... Пропадаю я здѣсь безъ дѣла и только душа понапрасну горитъ. Батюшка

царь всѣ сословія призываетъ: примутъ и меня. Теперь даже и слабыхъ принимаютъ. Одинъ отставной полковникъ, сѣдой совсѣмъ, на деревяшкѣ пришелъ—и того приняли... Государь даже поцѣловалъ его...

— А меня приняли бы?

— Васъ-то? Такого-то молодца?! воскликнулъ Никита съ блестящими глазами.—На вашемъ мѣстѣ, баринъ, я бы уже давнымъ давно въ полку былъ... Вамъ бы вотъ, какъ обрадовались и почетъ вамъ оказывали бы... Отпустите меня, баринъ...

— Да... Говоришь ты, давнымъ бы давно въ полку былъ... Я и радъ бы, да вонъ Катенька и Артуръ Богдановичъ находятъ, что я боленъ... Печенка какая-то завелась у меня.

— Это, конечно, ваша господская воля, уклончиво отвѣтилъ музыкантъ... Отпустите, баринъ, въ Москву. Вѣкъ буду за васъ Господа Бога молить...

Иванъ Филипповичъ задумался и запыхтѣлъ трубкою.

— Стало-быть тебя въ Москву тянетъ? спросилъ онъ.

Никита Мизуевъ ничего не отвѣтилъ и только снова повалился барину въ ноги. Груздевъ задумался еще глубже.

— Будетъ валяться, сказалъ онъ, наконецъ.— Поѣзжай ты въ Москву.

Музыкантъ вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный, и густо покраснѣлъ. Въ глазахъ его заблистала радость.

— Обрадовался, эфіопъ?! Погоди радоваться-то: за дѣломъ поѣдешь, заговорилъ шопотомъ и, опасливо оглядываясь, Иванъ Филипповичъ. — Только смотри, чтобы ни котъ, ни кошка объ этомъ не знали, и чтобы барыня Екатерина Михайловна ни-ни. И вотъ тебѣ мой приказъ: живи ты тамъ въ Москвѣ, за всѣмъ наблюдай, ко всему прислушивайся, слѣди за дворянствомъ и не рѣже, какъ черезъ день, мнѣ обо всемъ отписывай съ самой вѣрной оказіей... Все пиши: какъ война, какъ народъ, какъ Бонапартъ, а главное, какъ дворянство... У тебя тоска и у меня... это впрочемъ не твое холопское дѣло... Понялъ? съ самой вѣрной оказіей... Письма передавать мнѣ тайно, черезъ это окошко... А ежели случится что-либо особо важное,—самъ скачи сюда ко мнѣ.

Иванъ Филипповичъ подошелъ къ тяжелому бюро, щелкнулъ ключомъ и протянулъ Никитѣ пакетъ.

— Вотъ тебѣ на расходы. Когда выйдутъ, дашь знать.

Музыкантъ взялъ пакетъ и радостно повалился въ ноги.

— Паспортъ у бурмистра выправи. Скажи, что я за музыкальными инструментами тебя посылаю.

119667.

И чтобы завтра же утромъ и духа твоего здѣсь не было. Понялъ?

Никита съ чувствомъ поцѣловалъ барину руку.

— А теперь пошелъ съ глазъ долой!..

Екатерина Михайловна была очень огорчена и только разводила руками. Прошло нѣсколько дней и она почувствовала, что ея планъ не удался. Мужъ ея по прежнему запирался и окружалъ себя облаками табачнаго дыма Лѣкарство, сваренное Артуромъ Богдановичемъ, онъ пилъ лѣниво и все думалъ и думалъ. Но болѣе всего огорчало Екатерину Михайловну то, что ея мужъ совсѣмъ потерялъ охоту къ ѣдѣ. Онъ уже не объѣдался попрежнему за обѣдомъ и за ужиномъ, а пить даже совсѣмъ пересталъ. Добрая барыня совсѣмъ загоняла повара Потапа, изобрѣтая все новыя и новыя лакомыя кушанья, но толку изъ этого выходило мало.

— Ты совсѣмъ боленъ, Ваня, говорила она сокрушенно.—Не знаю ужъ, чѣмъ тебя и кормить...

Всегда кроткій и вѣжливый, Иванъ Филипповичъ однажды не выдержалъ и сурово сказалъ.

— Боленъ! Это вы съ Артуромъ Богдановичемъ сдѣлали меня больнымъ и придумали какую-то дурацкую печень... Развѣ я не вижу вашихъ шашней?! Я совершенно здоровъ и, когда придетъ время, не посмотрю ни на что и сдѣлаю по своему.

Екатерина Михайловна была не на шутку испу-

гана этой рѣчью и долго шепталась съ лѣкаремъ, когда тотъ пріѣзжалъ освѣдомиться о здоровьѣ больного и привозилъ новости. Но она пришла въ ужасъ, когда однажды Иванъ Филипповичъ выбросилъ за окошко только что приготовленное лѣкарство и сказалъ лѣкарю.

— Полно, Артуръ Богдановичъ, дурачить меня. Я не маленькій...

Съ новостями, которыми такъ гордился Артуръ Богдановичъ, вышло тоже что-то неожиданное. Не успѣвалъ лѣкарь открыть рта, какъ Груздевъ прерывалъ его и самъ сообщалъ ему со всѣми подробностями о томъ, что происходитъ въ Москвѣ и на войнѣ. Случалось даже, что лѣкарь съ удивленіемъ восклицалъ.

— О, этого я еще не слышалъ! Откуда вы все это знаете?

— Не вамъ одному знать, уклончиво отвѣчалъ Груздевъ.—Кое-что и я вѣдаю.

Не мало удивлялась и Екатерина Михайловна и въ свою очередь приставала съ разспросами, но онъ всегда отвѣчалъ ей одной и той же фразой.

— Сорока на хвостѣ принесла.

Артуръ Богдановичъ уѣзжалъ изъ Воронихина къ сосѣднимъ помѣщикамъ прямо-таки сбитый съ толку и всюду съ непритворнымъ удивленіемъ разсказывалъ о всевѣдѣніи Груздева. Всѣ недоумѣ-

вали, а въ сущности все было очень просто. Музыкантъ Никита Мизуевъ, пріѣхавъ въ Москву, повелъ дѣло очень умно. Онъ подрядилъ двухъ вѣрныхъ молодцовъ, которые поочередно скакали верхомъ курьерами изъ Москвы въ Воронихино и обратно и секретно передавали Ивану Филипповичу письма Мизуева въ кабинетъ черезъ окно. Такъ тянулось дѣло довольно долго.

Въ одну душную августовскую ночь, когда въ домѣ всѣ уже спали, подъ окномъ кабинета раздался шорохъ и, вмѣсто ожидаемаго письма, послышался сдержанный шопотъ.

— Баринъ! Иванъ Филипповичъ!

Груздевъ вздрогнулъ, вскочилъ съ дивана и подошелъ къ окну.

— Кто тамъ?

— Это я, баринъ, Никита Мизуевъ...

— Вернулся? зачѣмъ? кто тебя звалъ?

— Извѣстія важныя... Нарочно самъ пріѣхалъ передать.

— Влѣзай въ окошко... Только тише... Что случилось?

Въ темномъ окнѣ показался силуэтъ музыканта и черезъ три секунды онъ былъ уже въ кабинетѣ, запыленный, утомленный и взволнованный.

— Государь Кутузова назначилъ главнокомандующимъ.

Иванъ Филипповичъ привскочилъ даже на мѣстѣ.

— Ну? не врешь?

— Истинно говорю, баринъ, Барклаю-де-Толли отставка за то, что все отступалъ... А Кутузовъ уже выѣхалъ изъ Петербурга въ армію.

Иванъ Филипповичъ перекрестился и на глазахъ его показались слезы.

— Завтра же ѣду въ Москву, проговорилъ онъ.— Часъ насталъ... И такъ уже я обабился здѣсь... Спасибо, Никитушка, спасибо за твою вѣрную службу. Спасибо за то, что привезъ самъ лично это извѣстіе... Гдѣ Кутузовъ, тамъ и вѣрная побѣда... Завтра же ѣду къ нему на службу... И ты поѣдешь со мною...

Когда на утро баринъ вышелъ изъ своего кабинета, его не узнали ни Екатерина Михайловна, ни дворня,—до того онъ помолодѣлъ и оживился. Всѣ узнали скоро, что онъ ѣдетъ въ Москву къ фельдмаршалу, князю Кутузову.

III.

Въ три дня всѣ сборы были кончены. Екатерина Михайловна была въ безпрерывныхъ хлопотахъ и за это время два раза упала въ обморокъ и три раза съ ней дѣлалась истерика. Артуръ Богдановичъ не отходилъ отъ нея. Дворня съ утра до

ночи выколачивала платье, вынутое изъ сундуковъ, а крѣпостной портной цѣлыхъ двое сутокъ утюжилъ секундъ-маіорскій мундиръ барина. Въ кухнѣ варилось и жарилось на десятерыхъ, и все это готовилось барину въ дорогу.

Иванъ Филипповичъ уѣхалъ на четвертый день рано утромъ въ дорожной коляскѣ, на козлахъ которой, рядомъ съ кучеромъ, помѣстился музыкантъ, Никита Мизуевъ. Прощаніе было, какъ и водится, трогательное. Артуръ Богдановичъ совалъ въ руки Груздеву какую-то шкатулочку.

— Что это такое? спросилъ Иванъ Филипповичъ съ удивленіемъ.

— Дорожная аптечка, отвѣтилъ заботливо лѣкарь.—У васъ печень.

— Убирайтесь вы! оттолкнулъ съ досадой аптечку Иванъ Филипповичъ.—Никакой у меня печени не было и нѣтъ. Это вы выдумали... Поберегите лучше Катеньку.

Екатерина Михайловна дѣйствительно нуждалась въ помощи, потому что,когда Груздевъ, послѣ нѣжнаго прощанія, сѣлъ въ экипажъ, съ нею сдѣлался новый обморокъ и ее на рукахъ унесли въ домъ.

Въ Москву ѣхали по тогдашнимъ дорогамъ болѣе двухъ дней, но Кутузова тамъ не было. Онъ еще не пріѣзжалъ въ Бѣлокаменную и былъ недалеко отъ нея въ деревнѣ Шевардинѣ. Груздевъ, не

останавливаясь, поѣхалъ туда. Фельдмаршалъ Кутузовъ встрѣтилъ и принялъ его очень ласково и благосклонно.

— Не родня ли вы тому Груздеву, съ которымъ я когда-то служилъ и воевалъ въ молодости? спросилъ онъ.

— Это былъ мой нынѣ покойный отецъ, отвѣтилъ Иванъ Филипповичъ.

— Храбрый былъ офицеръ и хорошій человѣкъ, со вздохомъ сказалъ Кутузовъ. — Я доволенъ и радъ, что повстрѣчалъ его сына, столь же свято исполняющаго долгъ вѣрноподданнаго, какъ и его отецъ. Вы проситесь въ армію. Это похвально, но въ этомъ я не вижу надобности. Въ арміи и безъ васъ достаточно храбрыхъ офицеровъ. Вы, какъ бывшій военный, можете принести гораздо больше пользы на другомъ поприщѣ. Отправляйтесь вы, не теряя времени, обратно въ ваши края, вооружите и обучите вашихъ крестьянъ, сдѣлайте изъ нихъ партизанскій отрядъ и начинайте всячески вредить непріятелю. Для этого вамъ съ вашимъ отрядомъ придется рыскать по большимъ дорогамъ. Отыскивайте французовъ, отбивайте у нихъ обозы и провіантъ, забирайте въ плѣнъ и всячески безпокойте врага. Этимъ вы окажете родинѣ гораздо большую пользу, нежели въ рядахъ арміи. Намъ теперь нуж-

на война народная. Передайте то же и вашимъ сосѣдямъ.

— Постараюсь оправдать довѣріе вашей свѣтлости, отвѣтилъ обрадованный Груздевъ.

— Такъ отправляйтесь съ Богомъ.

Кутузовъ, отпуская отъ себя, даже перекрестилъ его. Это было наканунѣ Бородинской битвы. Иванъ Филипповичъ былъ свидѣтелемъ того, какъ солдаты готовились къ сраженію, которое рѣшено было дать непріятелю завтра у села Бородина. Передъ вечеромъ фельдмаршалъ, объѣзжая полки, отдалъ приказъ солдатамъ.

— Отслужите, братцы, молебенъ, помолюсь съ вами и я.

По обширному лагерю понесли чудотворную икону Божіей Матери, которую наши войска взяли подъ свою охрану при недавнемъ разгромѣ непріятелями Смоленска. Въ вечернемъ воздухѣ раздавалось молебное пѣніе духовенства, шедшаго въ полномъ облаченіи. Свѣжій вѣтеръ колыхалъ хоругви и полоскалъ ими. На золотѣ хоругвей и священническихъ ризъ отражались и играли красноватыми отблесками бивуачные огни. Солдаты молились горячо и сердечно, собираясь вокругъ святыни тѣснымъ братскимъ кругомъ, кто какъ былъ и кто въ чемъ былъ. Многіе, готовясь къ завтрашнему бою, были безъ мундировъ, но не замѣчали этого; кто молился со шты-

комъ въ рукахъ, кто съ точильнымъ камнемъ, о который только что оттачивалась сабля. Въ эту торжественную минуту, когда на устахъ и въ сердцѣ каждаго была, быть-можетъ, его послѣдняя въ жизни молитва, обращать вниманіе на форму было некогда. Чувствовалось и переживалось что-то болѣе важное, чѣмъ форма.

Фельдмаршалъ тоже молился въ кругу солдатъ и этимъ еще болѣе усиливалъ торжественность минуты и близость свою къ войску. Солдаты чувствовали это и Кутузовъ казался имъ теперь не грознымъ и властнымъ начальникомъ, а отцомъ и близкимъ къ нимъ роднымъ человѣкомъ.

Когда молебенъ кончился и чудотворная икона двинулась дальше, Кутузовъ перекрестился въ послѣдній разъ и, надѣвая фуражку на свою сѣдую голову, проговорилъ:

— Такъ не забудьте же, ребята, того, что я вамъ говорилъ. Помните, что я на васъ надѣюсь.

Эти, просто и дружески сказанныя слова вызвали цѣлую бурю.

— Рады стараться! Умремъ, а не сдадимся! кричали въ отвѣтъ солдаты.

Иванъ Филипповичъ былъ умиленъ. Но оставаться здѣсь долго ему было нельзя: надо было ѣхать домой. По вечернему холодку онъ и двинулся. Когда уже совсѣмъ стемнѣло и на безоблачномъ

небѣ высыпали звѣзды, сидѣвшій попрежнему на козлахъ Никита Мизуевъ обернулся и сказалъ:

— Поглядите, баринъ, назадъ: что французы дѣлаютъ...

Груздевъ обернулся назадъ и увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ горизонта огромныя зарева. То непріятель безжалостно жегъ попадавшіеся на пути села и города.

— Богъ дастъ, будемъ живы, мы имъ заплатимъ съ лихвою, отвѣтилъ Иванъ Филипповичъ.— Ты, Никитка, будешь у меня въ этомъ дѣлѣ правою рукою...

Дома Екатерина Михайловна, вовсе не ожидавшая возвращенія мужа, была страшно удивлена ему и обрадована. Артурь Богдановичъ, который оказался тутъ же, тоже, и жизнь потекла по старому, или же почти по старому, потому что Иванъ Филипповичъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сейчасъ же объѣздилъ всѣхъ сосѣдей и передалъ имъ пожеланія Кутузова. Никита же былъ, по собственному почину, командированъ и выкопалъ откуда-то изъ сосѣднихъ деревень стараго отставного солдата, который и принялся обучать крестьянъ военнымъ пріемамъ.

Сверхъ ожиданія крестьяне приняли эту новинку очень охотно. Хотя непріятель былъ еще и очень далеко отъ Воронихина, но худая слава о немъ и

о его грабежахъ и разоренiяхъ далеко опередила его. Въ Воронихинѣ и въ окрестностяхъ давно уже разсказывались такiе ужасы о французахъ, что мужики безъ всякаго понужденiя взялись за оружiе и даже были отчасти рады тому, что во главѣ отряда сталъ ихъ баринъ, секундъ-маiоръ.

Двѣ недѣли длилось обученiе двухсотъ отборныхъ молодцовъ и все шло хорошо. Отставной солдатъ-учитель оказался мастеромъ своего дѣла. Въ одномъ только оказался ощутительный недостатокъ — въ ружьяхъ. Во всемъ Воронихинѣ нашлось только шесть человѣкъ охотниковъ, владѣвшихъ кремневыми ружьями, да Иванъ Филипповичъ отдалъ два своихъ ружья. Но старый солдатъ находчиво обошелъ и это препятствiе: онъ обучилъ отрядъ искусству, какъ надо колоть непрiятеля штыкомъ, но штыки замѣнилъ обыкновенными вилами съ хорошо отточенными зубцами. Въ вилахъ въ деревнѣ, конечно, недостатка не было.

Весь отрядъ къ концу обученiя былъ порядочно воодушевленъ, но вскорѣ пришло грозное извѣстiе о томъ, что французы вошли въ Москву и сожгли и разграбили ее, что они ввели въ святые храмы лошадей, колятъ иконы на щепы и дѣлаютъ изъ этихъ щепъ костры. Эти слухи подлили масла въ огонь и озлобили крестьянъ, такъ что они стали настойчиво просить Ивана Филипповича:

— Веди насъ, батюшка баринъ, скорѣе на супостата!..

И Груздевъ повелъ. Въ одинъ довольно хмурый сентябрскій день въ Воронихинской церкви былъ отслуженъ напутственный молебенъ и послѣ него отрядъ выступилъ по направленію къ Москвѣ.

— Смотри, Ваня, чтобы тебя тамъ не убили! проговорила вся въ слезахъ на прощаніе Екатерина Михайловна.—Держись подальше отъ французовъ!..

У Екатерины Михайловны, по отъѣздѣ мужа, было много дѣла: въ дѣвичьей съ утра до ночи щипали корпію и шили бинты для раненыхъ. Но это было дѣломъ второстепеннымъ. Главное было въ уютномъ уголкѣ сада. Тамъ плотники наскоро сколотили баракъ для раненыхъ солдатъ. Эта мысль всецѣло принадлежала Артуру Богдановичу. Онъ убѣдилъ Ивана Филипповича въ томъ, что Екатеринѣ Михайловнѣ нужно дать въ руки какое-нибудь серіозное патріотическое дѣло, чтобы она не скучала. А такое дѣло—госпиталь для раненыхъ солдатъ—ну, человѣкъ хоть на десять. А лѣчить этихъ раненыхъ солдатъ Артуръ Богдановичъ брался безвозмездно. Груздевъ махнулъ рукою и согласился на все.

— Дѣлайте, что хотите, лишь бы Катенька не хныкала и не падала въ обморокъ... Я напишу губернатору, чтобы вамъ присылали сюда раненыхъ. Цѣлуйтесь съ ними...

— О, нѣтъ, я цѣловать ихъ не буду, но я ихъ всѣхъ поставлю на ноги, увѣренно отвѣтилъ лѣкарь.

Такъ какъ Воронихино лежало въ глуши и въ сторонѣ отъ пути французовъ, то губернаторъ уважилъ просьбу Груздева и прислалъ въ его госпиталь больныхъ.

Недѣли черезъ полторы послѣ отъѣзда Ивана Филипповича въ Воронихино, прямо въ барскую усадьбу, въѣхали двѣ подводы, на которыхъ сидѣло шесть человѣкъ раненыхъ солдатъ, сопровождаемыхъ старымъ инвалидомъ. Инвалидъ подалъ препроводительную бумагу и сообщилъ, что солдаты присланы изъ губернскаго города по распоряженію самого губернатора, который приказалъ низко кланяться.

Въ Воронихинѣ сейчасъ же поднялся дымъ коромысломъ. Артуръ Богдановичъ и Екатерина Михайловна весело захлопотали. Оба они страшно обрадовались. Инвалидъ получилъ серебряный рубль и отданъ былъ на попеченіе повару Потапу, а лѣкарь сталъ принимать раненыхъ и при этомъ напустилъ на себя столько достоинства и важности, что даже дворня удивилась.

— Медицина черезъ то есть важная наука, что она имѣетъ свой порядокъ, прежде всего сообщилъ онъ строго раненымъ.—Ну, ты какъ? обратился онъ къ молодому солдатику, уныло сидѣвшему на подводѣ съ перевязанной рукой.—Ты имѣешь руку?

— Такъ точно, ваше благородіе: въ сраженіи рука ранена.

— Это хорошо. Слѣзай съ повозки... А ты что имѣешь? голову? обратился онъ ко второму.

— Такъ точно. Голова въ трехъ мѣстахъ шашкою порублена.

— Шашкою? Это хорошо... Слѣзай съ повозки. Ну, ты, третій номеръ, какъ?

— Нога, ваше благородіе, штыкомъ въ двухъ мѣстахъ...

— Это даже очень хорошо... Слѣзай съ повозки...

Опросъ въ такомъ духѣ продолжался до тѣхъ поръ, пока очередь не дошла до послѣдняго, шестого солдата. Послѣ этого Артуръ Богдановичъ, идя рядомъ съ хозяйкой, ввелъ раненыхъ въ баракъ. Дворня съ особеннымъ наслажденіемъ и усердіемъ вела ихъ за руки и подъ руки, а одного даже и несли на рукахъ. Внутри барака пріятно пахло свѣжею сосною отъ стѣнъ и сѣномъ отъ тюфяковъ. Введя раненыхъ, Артуръ Богдановичъ поставилъ солдатъ въ шеренгу и началъ тыкать каждаго изъ нихъ въ грудь пальцемъ.

— Ты есть номеръ первый, ты номеръ второй, ты номеръ третій и такъ далѣе. Во всемъ нуженъ порядокъ. Садитесь на ваши кровати. А вы, Екатерина Михайловна, уходите, потому что я сейчасъ начну промывать раны, и пришлите мнѣ горячей

воды и двѣ дѣвушки, которыя имѣютъ добрый и терпѣливый характеръ: я сдѣлаю изъ нихъ сидѣлокъ. Потомъ пришлите два добрыхъ и терпѣливыхъ дворовыхъ человѣка: я сдѣлаю изъ нихъ фельдшеровъ... А вы, солдаты, будете кушать сегодня щи и кашу, а завтра я дамъ вамъ лѣкарство.

Екатерина Михайловна ушла, радостная и довольная, и тотчасъ же сѣла писать мужу письмо, а лѣкарь принялся въ баракѣ за промываніе ранъ и за перевязку. Время полетѣло быстро и незамѣтно. Въ Воронихинѣ обѣдали ровно въ полдень, но лѣкарь явился только въ три часа, утомленный, но преисполненный сознанія исполненнаго долга.

— Что вы такъ долго, Артуръ Богдановичъ? чуть не заплакала Екатерина Михайловна.—Я просто умираю съ голода.

— Что я такъ долго? обидѣлся лѣкарь.—Вотъ я возьму памятную книжку и скажу вамъ точно, отчего я такъ долго. Слушайте. Номеръ первый. Голова. Ударъ шашкою; рѣзаная рана въ два дюйма. Видна кость черепа...

— Довольно, довольно, Артуръ Богдановичъ! Давайте сядемъ скорѣе за столъ. Вотъ ратафія, вотъ ерофеичъ...

— Да, но рану нужно промыть, и хорошо и добросовѣстно промыть, продолжалъ лѣкарь тѣмъ же обиженнымъ тономъ.

— Ахъ, Боже мой, да садитесь же! Вотъ ваша любимая чарочка, изъ которой вы пьете...

— А послѣ промывки надо было положить корпію...

— Малашка, подавай на столъ!..

Но неугомонный лѣкарь не успокоился до тѣхъ поръ, пока не пересчиталъ подробно всѣхъ шестерыхъ раненыхъ и только послѣ этого принялся за напитки и за ѣду. Послѣ сытнаго обѣда онъ улегся отдыхать, довольный и счастливый.

— Но счастливѣе всѣхъ были раненые. До сихъ поръ имъ приходилось питаться одними только сухарями и валяться чуть ли не на голой землѣ, а тутъ имъ закатили такихъ густыхъ мясныхъ щей и такой масляной каши, какихъ они давно уже не видали, а вечеромъ, когда уже всѣ въ усадьбѣ заснули и дежурный фельдшеръ, Митька, клевалъ носомъ, въ баракъ тихонько прокрался поваръ Потапъ съ огромной бутылью наливки и заговорилъ.

— Господамъ героямъ, наше почтеніе. Миръ вамъ и мы къ вамъ. Выпьемъ за ваше здоровье, а вы намъ съ фершаломъ Митькой разскажите про войну. Страсть люблю разные разсказы... Только, чтобы лѣкарь про наливку не узналъ... Пожалуйте по первому стаканчику, а за вторымъ дѣло не станетъ...

Въ этотъ же день, еще до обѣда, Екатерина Михайловна отправила нарочнаго верхового со своимъ письмомъ къ мужу. Она приказала искать его по

всѣмъ дорогамъ и безъ отвѣта не возвращаться. Верховой отыскалъ своего барина съ его отрядомъ въ лѣсу, недалеко отъ большой дороги, верстахъ въ сорока отъ Воронихиной: Иванъ Филипповичъ, прочитавъ письмо жены, улыбнулся и проговорилъ про себя:

— И слава Богу. Чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало...

Затѣмъ, обернувшись къ верховому, сказалъ:

— Отвези барынѣ мой поклонъ на словахъ. Здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ у меня ни чернилъ, ни бумаги. Кланяйся и скажи, что мы всѣ живы и здоровы и подстерегаемъ на этомъ мѣстѣ непріятельскій обозъ... Должно-быть черезъ недѣлю пріѣду повидаться...

IV.

Прошло два дня. На опушкѣ большого, густого лѣса стоялъ, прислонясь къ дереву, мужикъ и смотрѣлъ на пролегавшую недалеко большую дорогу. Онъ стоялъ неподвижно и изрѣдка посасывалъ трубочку. Стоялъ онъ на этомъ мѣстѣ долго. Когда солнце еще только садилось за темную тучу съ золотистыми краями, онъ былъ уже тутъ. Солнце успѣло закатиться, туча разрослась и затянула собой все небо, а онъ стоялъ, прислонясь къ дереву и переминаясь съ ноги на ногу.

Наступилъ вечеръ, становившійся съ каждой минутой все темнѣе и темнѣе. Верхушки сосенъ, недавно еще вызолоченныя закатомъ, стали уже совсѣмъ черными. За первыми же деревьями начинался непроглядный мракъ, густѣвшій съ каждымъ шагомъ въ лѣсъ. Сдѣлалось прохладно. Началъ накрапывать мелкій дождь. Мужикъ слегка поежился, но попрежнему оставался на томъ же мѣстѣ.

Въ лѣсу было жутко и страшно. Изъ чащи раздавались какіе-то невѣдомые голоса: то выл какой-то звѣрь, то кричала ночная птица, то скрипѣли съ какимъ-то печальнымъ стономъ деревья. Ночь надвигалась сумрачная и дождливая. Дорога была пуста.

Мужикъ прислушался, погасилъ и спряталъ въ карманъ свою трубочку и опять сталъ прислушиваться, вытянувъ шею по направленію къ дорогѣ. Откуда-то издали начали доноситься слабые звуки, похожіе на скрипъ колесъ и на топанье лошадиныхъ копытъ. Мужикъ легъ и приложилъ ухо къ землѣ. Звуки приближались и дѣлались все яственнѣй. Мужикъ поднялся, снова прислонился къ дереву и еще сильнѣе вытянулъ шею и голову впередъ. Въ этомъ положеніи онъ и застылъ.

Черезъ четверть часа на темной дорогѣ показался едва различаемый во мракѣ обозъ, медленно подвигавшійся къ лѣсу. Въ немъ было штукъ пят-

надцать нагруженныхъ чѣмъ-то возовъ. Поравнявшись съ опушкой лѣса, обозъ остановился. Нѣсколько человѣкъ, шедшихъ рядомъ съ повозками, выступили впередъ. Они сошлись въ кучу и начали что-то говорить между собою, показывая руками на опушку. Къ нимъ подошло еще человѣкъ десять другихъ и образовался кружокъ. Видно было, что они держали совѣтъ. Потомъ они разошлись по своимъ возамъ и черезъ нѣсколько минутъ весь обозъ свернулъ съ дороги и направился къ опушкѣ лѣса, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ мужикъ.

Пустынная мѣстность сразу ожила и подъ сводами деревьевъ заговорило десятка два голосовъ и заходили человѣческія тѣни. Одни принялись распрягать лошадей, другіе развязывали возы, а третьи копошились, зажигая ручные фонари. Огоньки этихъ фонарей забѣгали по опушкѣ и освѣтили фигуры французскихъ солдатъ, собиравшихъ сучья и сухія вѣтки.

Прошло немного времени и подъ деревьями запылали три яркихъ костра, надъ которыми повисли на треногахъ котелки. Стволы деревьевъ и нижнія вѣтви озарились краснымъ отблескомъ. На ближайшей соснѣ шелохнулась какая-то большая птица, медленно пролетѣла мимо одного изъ костровъ, почти у самого огня, и скрылась въ томъ мѣстѣ, гдѣ

паслись на травѣ лошади, со спутанными передними ногами.

У костровъ тѣсными кругами усѣлись въ ожиніи ужина солдаты и болтали между собою. Они были очень утомлены. Многіе изъ нихъ сладко зѣвали. Нѣсколько человѣкъ, несмотря на накрапывавшій дождь, съ наслажденіемъ растянулись на мокрой травѣ. Поодаль, ближе къ лѣсу, стояли составленныя въ козла ружья. Пять или шесть солдатъ ходили по окраинѣ лѣса съ фонарями и выносили оттуда новыя охапки сучьевъ, чтобы поддерживать огонь подъ котлами. Одинъ изъ нихъ подошелъ близко къ тому самому дереву, подъ которымъ такъ долго стоялъ мужикъ. Но подъ нимъ уже не было никого: мужикъ исчезъ.

Вода въ котелкѣ закипѣла. Кашевары насыпали въ нее рису, посолили, помѣшали и прибавили по небольшому куску чего-то, похожаго на комки сала. Ужинъ былъ постный, безъ мяса, но французы были рады и ему. Судя по тому удовольствію, съ которымъ они втягивали въ себя запахъ варившейся рисовой кашицы, видно было, что они давно уже живутъ и питаются впроголодь. Они уже цѣлый часъ сидѣли у костровъ, съ нетерпѣніемъ поглядывали на котлы и вели между собою разговоръ, въ которомъ часто попадались слова: «Смоленскъ», «Красный», «Порѣчье» и другія названія мѣстно-

стей, близъ которыхъ происходили небольшія битвы и стычки.

У одного изъ костровъ, немного въ сторонѣ отъ солдатъ, сидѣлъ блѣдный офицеръ. Онъ былъ еще молодъ, но на лицѣ его было написано, что онъ былъ боленъ и перемогался. Онъ безучастно смотрѣлъ на костры, на солдатъ, закрывая глаза, и какъ будто забывался въ дремотѣ и потомъ вновь тяжело открывалъ ихъ. Когда кашица поспѣла, одинъ солдатъ почтительно поставилъ передъ нимъ на землю полную тарелку и положилъ на край ея серебряную ложку. Офицеръ слабо улыбнулся и поблагодарилъ кивкомъ головы.

Солдаты весело усѣлись вокругъ снятыхъ съ огня котелковъ и съ наслажденіемъ стали ѣсть кашу. Ложки мелькали быстро въ воздухѣ, но ни у одного изъ ѣдоковъ не было видно ни во рту, ни въ рукахъ хлѣба... Когда солдаты окончили ужинъ и убирали котелки, офицеръ сидѣлъ все въ той же позѣ съ полузакрытыми глазами. Подошедшій къ нему за посудой солдатъ увидѣлъ, что онъ не дотрагивался до каши. Тарелка стояла на томъ же мѣстѣ и на краю ея попрежнему лежала чистая серебряная ложка.

Солдатъ заговорилъ съ молодымъ человѣкомъ, но тотъ съ улыбкой отрицательно покачалъ головой и выразилъ желаніе лечь. Услужливый солдатъ

опрометью бросился къ одному изъ возовъ, принесъ оттуда что-то въ родѣ брезента и разостлалъ его по землѣ. Офицеръ легъ на эту подстилку и утомленно закрылъ глаза. Солдатъ заботливо укрылъ его шинелью, сердобольно покачалъ головою и ушелъ къ своимъ.

Скоро на бивуакѣ настала тишина. Солдаты улеглись вокругъ потухавшихъ костровъ, закутались въ шинели и одинъ за другимъ заснули. У возовъ медленно расхаживали взадъ и впередъ два часовыхъ. Но скоро и они уступили усталости. Одинъ изъ нихъ присѣлъ на ступицу колеса, а другой, стоя на ногахъ, прилегъ грудью и головой на возъ и въ такомъ видѣ сладко заснулъ.

Прошелъ часъ. Съ неба моросилъ рѣдкій и мелкій дождикъ. Въ лѣсу было такъ темно, что нельзя было разобрать ничего въ пяти шагахъ. Все спало. Казалось, что даже заснули и деревья, застывшія на своихъ ровныхъ и прямыхъ стволахъ съ протянутыми во всѣ стороны вѣтвями. Изъ чащи не доносилось ни одного звука. И звѣри, и птицы тоже заснули. Ничто не нарушало покоя соннаго бивуака истомленныхъ французовъ.

Вдругъ среди этой тишины и ночного мрака скользнула неожиданно тѣнь и исчезла. За нею мелькнула другая и тоже исчезла. Потомъ обѣ показались у ближайшей пирамидки ружей. Пирамидка зашевели-

лась, чуть-чуть зазвякала и исчезла вмѣстѣ съ съ тѣнями. Скоро такія же тѣни показались около другихъ двухъ пирамидъ и черезъ нѣсколько времени этихъ ружей не оказалось на мѣстѣ. Сонные французы были обезоружены.

Прошло минутъ шесть. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ и изъ лѣса неожиданно выскочило человѣкъ шестьдесятъ мужиковъ, вооруженныхъ вилами, косами, топорами, дубинами и только что захваченными ружьями. Впереди всѣхъ былъ молодой парень.

— Хватай ихъ, братцы! Вяжи! Всѣхъ до одного хватай! скомандовалъ молодой парень.

— Никита, напрасно крови не проливать, послышался властный голосъ изъ чащи.

— Будьте спокойны, Иванъ Филипповичъ, отвѣтилъ парень.—Перевяжемъ безъ кровопролитія и представимъ живьемъ.

Мужики набросились на спавшихъ и еще не успѣвшихъ проснуться и прійти въ себя французовъ и стали вязать имъ руки и ноги.

Очнувшіеся и встревоженные часовые у возовъ дали изъ своихъ ружей два выстрѣла и стали кричать. Человѣкъ семь французовъ вскочили на ноги и бросились къ ружьямъ, но не находили ихъ и валились одинъ за другимъ на землю, сбиваемые съ ногъ мужиками. Завязалась борьба, сопровождаемая

рычаніемъ и проклятіями французовъ. Одинъ разъ послышался русскій голосъ:

— Не кусайся, анаѳема! Ахъ, ты, супостатъ проклятый!

Разбуженный шумомъ больной офицеръ вскочилъ быстро со своего брезента и, сбросивъ покрывавшую его шинель, выхватилъ изъ кобура пистолетъ и бросился къ кучкѣ, въ которой шла борьба.

— Къ оружію! Къ оружію! Впередъ! скомандовалъ онъ и выстрѣлилъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что его схватили сзади двѣ здоровыя, дюжія руки и что ему уже связываютъ локти. Отъ боли и сознанія безпомощности онъ застоналъ.

— О, мать моя! Дорогая мать!..

— Вяжи ихъ всѣхъ до единаго! Батюшка-царь спасибо скажетъ, поощрялъ Никита Мизуевъ.—Разведите, братцы, кто-нибудь огня...

Въ какихъ-нибудь пять минутъ пятнадцать человѣкъ французовъ лежали на травѣ скрученные и связанные. Лишь у обоза оставались на ногахъ двое дрожавшихъ часовыхъ и не знали, что имъ дѣлать—сдаваться или стрѣлять. Никита Мизуевъ подошелъ къ одному изъ нихъ и безъ особаго труда отнялъ у него ружье. Другой отдалъ свое ружье безъ сопротивленія. Связали и этихъ.

Къ этому времени разгорѣлся костеръ. Стало

свѣтло. Изъ лѣса вышелъ Иванъ Филипповичъ, довольно тепло одѣтый, въ военной фуражкѣ и въ высокихъ сапогахъ. За поясомъ у него были заткнуты два пистолета и сбоку висѣла сабля.

— Всѣ до одного перевязаны, батюшка-баринъ, доложилъ ему Мизуевъ.—Теперь что прикажете дѣлать?

— Отряди кого поумнѣе стеречь лошадей; затѣмъ самъ распорядись обыскать возы и узнать, что въ обозѣ, а ко мнѣ въ шалашъ подать начальника отряда. До утра останемся здѣсь, а съ разсвѣтомъ — въ деревню на отдыхъ.

— О, моя мать! Дорогая мать! раздался въ это время во второй разъ стонъ молодого француза, говорившаго на родномъ языкѣ.

Иванъ Филипповичъ быстро подошелъ къ нему, наклонился и сразу по формѣ узналъ въ немъ офицера.

— Вы предводитель этого отряда? спросилъ онъ по-французски.

— Да, я офицеръ, отвѣтилъ съ трудомъ молодой человѣкъ, обрадовавшись французской рѣчи.— Этотъ отрядъ былъ порученъ мнѣ генераломъ Морелемъ.

— Съ какою цѣлью вы были посланы?

— Мнѣ дано было порученіе взять пятнадцать человѣкъ солдатъ и доставить въ нашъ лагерь обозъ съ фуражомъ и съ разнымъ добромъ, кото-

рый былъ оставленъ на дорогѣ, близъ деревни Веретниково, нашими.

— Что у васъ въ обозѣ?

— Хорошенько не знаю. Тамъ, какъ я уже сказалъ, долженъ находиться фуражъ и провіантъ; обозъ былъ спрятанъ въ лѣсу, а самый отрядъ отправился на фуражировку дальше. Повторяю, что мнѣ поручено было только доставить его въ нашъ лагерь, а о томъ, что въ немъ заключается, мнѣ генераломъ Морелемъ не было сказано. Въ лагерѣ мнѣ были даны только описаніе мѣстности и приказъ.

— Вы говорите такъ тихо. Здоровы ли вы? съ участіемъ спросилъ Иванъ Филипповичъ.

— Вѣроятно, я захворалъ, отвѣтилъ французъ.— Возможно, что я простудился. Къ тому же въ лагерѣ у насъ и ѣсть почти нечего. Наши обозы съ провіантомъ почему-то запаздываютъ... У васъ въ Россіи скверныя дороги... Ахъ, какъ болитъ голова: въ ней точно свинецъ налитъ...

Иванъ Филипповичъ вглядѣлся въ молодое, блѣдное и изнуренное лицо офицера и ему стало жаль его.

— Развяжите-ка мнѣ этого господина, отдалъ онъ приказъ.

Французскаго офицера мигомъ освободили отъ веревокъ.

— Пойдемте ко мнѣ въ шалашъ, пригласилъ Иванъ Филипповичъ.

Молодой человѣкъ съ трудомъ поднялся и пошелъ слѣдомъ за нимъ.

— Я вашъ плѣнникъ и долженъ вамъ повиноваться, грустно проговорилъ онъ.

Иванъ Филипповичъ подвелъ его къ довольно просторному шалашу, сплетенному изъ свѣже нарубленныхъ вѣтвей. Въ немъ прямо на землѣ было устроено нѣчто въ родѣ постели и лежало нѣсколько обрубковъ. Одинъ изъ нихъ изображалъ нѣкоторое подобіе стола, а другіе служили для сидѣнія. На столѣ горѣла свѣчка.

— Какъ видите, я пользуюсь удобствами, улыбнулся Иванъ Филипповичъ, приглашая офицера садиться на обрубокъ.—Мои крѣпостные люди заботятся обо мнѣ и не хотятъ, чтобы я оставался безъ крова въ лѣсу. Хотите коньяку? Это васъ согрѣетъ.

— Вы очень великодушны, отвѣтилъ офицеръ.— Но кто вы сами?

— Я—партизанъ Груздевъ.

Молодой офицеръ вскочилъ съ обрубка, какъ ужаленный.

— Такъ это вы? проговорилъ онъ съ испугомъ.— Вы нанесли столько вреда нашей арміи!.. Ваше имя произносятъ у насъ не иначе, какъ съ проклятіями и съ уваженіемъ... Маршалъ Удино назначилъ денежную награду за вашу голову.

— Не безпокойтесь, улыбнулся Иванъ Филип-

повичъ.—Я вамъ не сдѣлаю вреда, потому что вы безоружны и къ тому же больны... Выпейте лучше коньяку... Или вы хотите горячаго? Тогда подождите немного: намъ принесутъ кипятку.

По приказанію Груздева скоро былъ подогрѣтъ камердинеромъ чайникъ и изъ дорожнаго поставца были вынуты чайный приборъ и бутылка. Больной и продрогшій французъ послѣ второго стакана согрѣлся и почувствовалъ себя значительно лучше.

— Благодарю васъ, съ чувствомъ проговорилъ онъ. —Вы очень великодушно поступили съ вашимъ врагомъ.

Въ это время вошелъ Никита Мизуевъ съ докладомъ. Въ возахъ было найдено нѣсколько печеныхъ хлѣбовъ, лежавшихъ рядомъ съ нѣсколькими курами, у которыхъ варварски были свернуты головы. На остальныхъ возахъ было сложено всякое награбленное добро: матеріи, серебро, дорогая посуда, нѣсколько штукъ ризъ, содранныхъ съ иконъ, узелки съ золотыми браслетами, кольцами и перстнями и небрежно завернутые въ тряпку напрестольный крестъ и евангеліе вмѣстѣ съ церковными сосудами.

— Надо полагать, мародеры разграбили чью-нибудь барскую усадьбу и обобрали церковь, сказалъ Мизуевъ.

Груздевъ перевелъ это офицеру. Тотъ печально поникъ головою.

— Ничего не подѣлаешь: таковы законы войны, сказалъ онъ.—Но я въ этомъ не повиненъ: я былъ посланъ только доставить то, что было добыто другими.

— Я васъ и не виню, отвѣтилъ Иванъ Филипповичъ.—Скажите, почему вы нѣсколько разъ вспоминали о вашей матушкѣ?

— Я единственный сынъ у своей матери и единственная поддержка ея старости, съ грустью отвѣтилъ офицеръ.—Я въ Парижѣ давалъ уроки музыки и этимъ мы содержали себя. Былъ назначенъ усиленный наборъ, меня забрали и пригнали сюда въ Россію. Безъ меня моя старушка вѣроятно теперь голодаетъ и я даже не знаю, жива ли она.

Молодой человѣкъ вздохнулъ. Иванъ Филипповичъ не рѣшился его больше разспрашивать и перевелъ разговоръ на расположеніе арміи маршала Удино. Оказалось, что она стоитъ здѣсь же, очень недалеко, и терпитъ страшную нужду въ съѣстныхъ припасахъ и во всемъ необходимомъ. Поневолѣ приходится грабить... Удино стоитъ въ какихъ-нибудь сорока верстахъ...

— Что же вы намѣрены дѣлать со мною и съ моимъ злополучнымъ отрядомъ? спросилъ, наконецъ офицеръ.—Какъ вы поступите съ нами, велитъ, душный врагъ мой?

— Съ разсвѣтомъ я отправлю вашъ отрядъ

вмѣстѣ съ обозомъ въ ближайшій городъ и сдамъ васъ тамъ начальству, какъ военно-плѣнныхъ, отвѣтилъ Груздевъ.—Но васъ лично мнѣ жаль, молодой человѣкъ, и для васъ я сдѣлаю исключеніе: разрѣшаю вамъ взять одну изъ лошадей и возвратиться верхомъ въ вашъ лагерь къ вашему генералу Морелю. Вы ему разскажите, что встрѣтились со мною и что я арестовалъ вашихъ людей и обозъ. Въ лагерѣ вы, можетъ-быть, и здоровьемъ скорѣе поправитесь.

Офицеръ подумалъ немного и затѣмъ пропзнесъ съ поникшей головой.

— Нѣтъ, если ужъ вы такъ великодушны, то позвольте мнѣ раздѣлить участь моего отряда. Я считаю не честнымъ покидать товарищей въ бѣдѣ.

— Вы поступаете благородно и это дѣлаетъ вамъ честь, сказалъ Иванъ Филипповичъ.—Мѣшать я вамъ не стану, а теперь пока усните немного.

Скоро на востокѣ показалась бѣлая полоса, а затѣмъ начало бѣлѣть и небо. Начало свѣтать. Когда нѣсколько ободняло и утро начало вступать въ свои права, Груздевъ выбралъ изъ своей команды двадцать пять человѣкъ и подъ ихъ конвоемъ отправилъ въ сосѣдній уѣздный городъ плѣнныхъ французовъ и награбленный обозъ. Больной офицеръ на прощаніе крѣпко пожалъ руку Ивану Филипповичу

сказалъ.

по — Если мнѣ суждено остаться въ живыхъ и

вернуться на родину, то я буду помнить великодушнаго партизана Груздева до самой своей смерти и разскажу о вашемъ поступкѣ со мною матушкѣ. Она будетъ поминать васъ въ своихъ молитвахъ.

— Изъ города собирайтесь въ Покровское, приказалъ Иванъ Филипповичъ уходившимъ въ городъ крестьянамъ.—Мы тамъ будемъ... Никита, собирай, братецъ, остальной отрядъ и маршъ въ Покровское. Тамъ будетъ дневка.

V.

Отрядъ Груздева тронулся изъ лѣса въ путь по направленію къ селу Покровскому, гдѣ находилась временная квартира партизановъ. Тамъ Иванъ Филипповичъ занималъ отдѣльную крестьянскую избу, а его отрядъ располагался по всему селу. Здѣсь во время отдыха и ночевокъ партизаны варили для себя въ нѣсколькихъ общихъ котлахъ обѣды и ужины и сюда стекались къ нимъ со всѣхъ сторонъ извѣстія о появленіи французовъ.

Когда утомленный безсонной ночью и голодный отрядъ вошелъ въ Покровское, совсѣмъ уже разсвѣло. Иванъ Филипповичъ вошелъ въ свою избу и приказалъ изготовить себѣ чай, а Никита Мизуевъ, бывшій во всѣхъ экспедиціяхъ правою рукою барина, выдалъ отряду крупу и распорядился, чтобы варили

кашу. Мужики тотчасъ же принялись за дѣло и стали разводить костры и приготовлять котлы.

Въ это время у околицы показался на гнѣдой, взмыленной и полузагнанной лошади растрепанный и босой мужикъ, безъ шапки и безъ верхняго платья. Глядя на него, можно было подумать, что онъ, какъ сидѣлъ въ теплой избѣ, раздѣвшись, такъ, въ такомъ видѣ вспрыгнулъ на лошадь и поскакалъ, сломя голову.

Мужикъ еще за околицей неистово махалъ рукою и что-то кричалъ. Потомъ, не умѣряя скорости, онъ проскакалъ съ крикомъ же черезъ всю почти деревню и подъѣхалъ съ искаженнымъ лицомъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ партизаны собирались варить себѣ кашу.

— Братцы, родимые! продолжалъ онъ кричать хриплымъ надсаженнымъ голосомъ. - Спасайте, кто въ Бога вѣруетъ! Грабятъ! Рѣжутъ!.. Скорѣе спасайте, а то у насъ ни одной живой души не останется...

Мужики-партизаны сейчасъ же сгруппировались вокругъ него.

— Гдѣ грабятъ? Кто грабитъ?

— Французы нагрянули! Все, какъ есть, грабятъ! Жечь собираются... Спасайте, родимые!..

— Да гдѣ грабятъ-то? Говори толкомъ.

— Въ Дубкахъ... Дубки, наше село... Восемь

верстъ отсюда.. Совсѣмъ недалече... Не дайте душамъ зря погибнуть.

— А великъ ли отрядъ французовъ?

— Кто же ихъ разберетъ?! Не считалъ со страху... Душъ, почитай, со сто будетъ.. Спасите, родимые...

Подошедшій сюда же Никита Мизуевъ сталъ разспрашивать пріѣзжаго мужика подробнѣе, но у того отъ переживаемаго волненія путались и языкъ и мысли и отъ него можно было добиться только одного, что на село Дубки напала партія французскихъ мародеровъ, человѣкъ въ сто, и начала безпощадно грабить. Лицо у мужика было испуганное, растерянное и страдающее. Никита махнулъ на него рукою и побѣжалъ въ избу къ Ивану Филипповичу.

Груздевъ только что разоблачился, пріятно отдыхалъ и собирался приступить къ чаепитію. На столѣ на сковородѣ уже стояла яичница-глазунья и распространяла аппетитный запахъ. Тутъ же стоялъ и блестящій чайный приборъ.

Мизуевъ доложилъ ему о появленіи и о рѣчахъ дубковскаго мужика.

— Въ Дубкахъ, говоришь ты? встрепенулся Груздевъ.—Сейчасъ же сажай на лошадей душъ шестьдесятъ отборныхъ молодцовъ и скачи туда во весь духъ... Остальные пусть остаются и ѣдятъ

кашу... Скажи и имъ, чтобы они на всякій случай были наготовѣ, если потребуется поддержка... Валяй! Живо! Осѣдлать Вороного, я тоже съ вами... Сафронычъ, одѣваться!..

— Покушали бы, батюшка - баринъ, сначала, посовѣтовалъ старый камердинеръ.

— Некогда, братецъ, послѣ поѣмъ... Тамъ, можетъ-быть, рѣжутъ людей...

А въ Дубкахъ случилось вотъ что.

Армія Наполеона голодала. Обозы съ съѣстными припасами постоянно отставали отъ арміи. Войскамъ приходилось добывать себѣ пропитаніе грабежомъ въ тѣхъ селеніяхъ и городахъ, которые попадались имъ на пути. Но когда всѣ эти мѣста были уже разграблены, то пришлось заходить и далеко въ сторону отъ дороги. Изъ голодныхъ солдатъ организовались цѣлыя шайки мародеровъ - грабителей, человѣкъ по пятнадцати и по сто, которые въ поискахъ за кускомъ хлѣба уходили такъ далеко отъ своихъ, что уже потомъ и не думали возвращаться назадъ въ армію. Разбойничать на волѣ было гораздо легче, нежели голодать въ арміи. Мародеры по большей части были вооружены и потому были страшны для мирнаго, невооруженнаго населенія.

Одна изъ такихъ шаекъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, шатаясь по невѣдомымъ дорогамъ, набрела и на Дубки—средней величины деревню съ церковью.

Жилое село очень ихъ обрадовало и они налетѣли на него, какъ голодные коршуны. Но поживиться имъ пришлось не многимъ. Приближеніе шайки увидѣлъ издали деревенскій пастухъ, извѣстилъ дубковцевъ и тотчасъ же ускакалъ на первой попавшейся лошади въ Покровское за помощію. При этомъ извѣстіи все населеніе Дубковъ, отъ мала до велика, забрало свои пожитки и скотъ и убѣжало въ лѣсъ. Въ деревнѣ остались только мѣстный священникъ, о. Алексѣй, его попадья и понамарь Кириллъ Григорьевичъ. Остались они потому, что о. Алексѣй, по случаю праздничнаго дня, служилъ обѣдню.

Церковь была полна молящимися, когда вбѣжалъ пастухъ и во весь голосъ закричалъ о приближеніи непріятеля. Народъ испугался и засуетился. О. Алексѣй вышелъ изъ алтаря на амвонъ и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Православные! Спасайтесь поскорѣе въ лѣсъ и добро свое спасайте! Бѣгите, не теряйте времени.

— А ты, батько? спросили прихожане.

— Я останусь доканчивать литургію, отвѣтилъ священникъ.—Какъ служитель Престола Божія, я не могу прервать службы. Мать-попадья, спасайся и ты въ лѣсъ! Кириллъ, бѣги и ты тоже!

Народъ въ испугѣ хлынулъ изъ церкви. Священникъ повернулся, вошелъ въ алтарь и сталъ

продолжать обѣдню. Къ его удивленію, когда онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ возгласъ, съ клироса раздался тоже дрожащій голосъ: «Тебе поемъ, Тебе благодаримъ...»

Онъ оглянулся и увидѣлъ, что въ опустѣвшей церкви на своихъ мѣстахъ остались попадья и понамарь. Они были блѣдны, но не покидали своихъ молитвенныхъ постовъ.

— Попадья, жена моя, бѣги, ищи себѣ безопаснаго пристанища, обратился къ ней о. Алексѣй между двухъ молитвъ.

— Никуда я безъ тебя не пойду. Не отрывайся отъ службы. Ты совершаешь Таинство, твердо отвѣтила попадья.

О. Алексѣй подивился въ душѣ мужеству своей попадьи, которую считалъ до сихъ поръ слабой женщиной, и сталъ продолжать службу уже безъ перерывовъ. Обѣдня подходила къ концу. Послѣ запричастнаго стиха о. Алексѣй вышелъ изъ Царскихъ вратъ со святыми Дарами и торжественно произнесъ, обратившись къ женѣ и къ понамарю.

— Хотя вы и не готовились къ причастію и не говѣли, однако же сотворите про себя тихую, безмолвную исповѣдь и подойдите причаститесь. Единый Господь вѣдаетъ, что ожидаетъ насъ впереди. Можетъ-быть, и умремъ отъ руки непріятеля. Властію мнѣ отъ Бога данною азъ, недостойный іерей, раз-

рѣшаю и отпускаю вамъ прегрѣшенія ваши. Приступите и пріобщитесь.

Попадья и понамарь переживали неизгладимыя изъ памяти минуты. О. Алексѣй сразу выросъ въ ихъ глазахъ... Въ то время, когда они пріобщались, за стѣнами ветхаго храма, на улицѣ, раздалось нѣсколько выстрѣловъ и послышались грубые голоса и бряцаніе оружія. Молящіеся только поблѣднѣли при этомъ, но не произнесли ни слова. Служба продолжалась.

А на улицѣ уже работали мародеры. Ихъ голодная и полуоборванная шайка, войдя въ деревню, тотчасъ же бросилась шарить въ двухъ первыхъ избахъ, и не нашла ничего. Французы были удивлены, не найдя ни одной души. Чтобы вызвать хоть кого-нибудь, они начали стрѣлять. Но на улицу не появлялся никто. Село точно вымерло. Мародеры, опасаясь засады, остановились среди улицы, осмотрѣли свои ружья и стали совѣщаться. Потомъ они отрядили изъ своей среды два патруля, по десяти человѣкъ въ каждомъ, и послали ихъ на развѣдки.

Патрули перебѣгали изъ одной избы въ другую и вытаскивали оттуда все, что попадалось подъ руку: ломти и корки хлѣба, небольшіе запасы муки, куски холста и разную домашнюю рухлядь. Все это выбрасывалось на улицу и подбиралось товарищами, которые складывали находки въ общую кучу. Одинъ

молодецъ поймалъ пару куръ и, свернувъ имъ головы, бросилъ въ ту же кучу. Другой швырнулъ туда же еще какую-то добычу.

Мало-по-малу французы, убѣдясь, что засады не было, стали смѣлѣе пробираться къ центру Дубковъ, подошли къ церкви, увидѣвъ около нея домикъ о. Алексѣя, бросились въ него и принялись грабить. Съ торжествомъ вытащили они оттуда два горшка—со щами и съ кашей, и большой каравай хлѣба. Толпа встрѣтила эти находки криками одобренія. Одинъ изъ оборванцевъ вынесъ три иконы въ ризахъ и лампадку. Затѣмъ изъ дома, въ раскрытыя настежъ двери полетѣли на улицу сундуки, подушки и разная домашняя утварь. Начался настоящій разгромъ. Въ другихъ концахъ села происходилъ такой же дикій грабежъ. Кучи награбленнаго добра росли и росли, но мародеры съ каждою минутою приходили все въ большее и большее разочарованіе. Между награбленнымъ добромъ съѣстного было такъ мало, что нельзя было и думать о томъ, чтобы накормить шайку въ пятьдесятъ человѣкъ.

Въ самый разгаръ разочарованія до мародеровъ изъ открытыхъ дверей церкви донеслось тихое пѣніе.

— Э, чортъ возьми! Вотъ, гдѣ у нихъ скрыты съѣстные припасы! сказалъ предводитель шайки, указывая на церковь.

Отрядъ человѣкъ въ двадцать, словно по командѣ,

бросился въ храмъ. Французы не вошли, а ворвались, безпорядочно топоча ногами и громко разговаривая, но съ первыхъ же шаговъ вся эта толпа остановилась пораженная. Среди пустого храма стоялъ священникъ и твердымъ голосомъ читалъ молитвы. Онъ служилъ молебенъ о дарованіи побѣды русскому воинству. Рядомъ молились женщина и сѣдой, сгорбленный человѣкъ. Никто изъ нихъ не обернулся назадъ и не пошевелился. Мародерамъ показалось, что эти три человѣка—не отъ міра сего; что это—люди, отрѣшившіеся отъ всего, кромѣ своей молитвы и своего благоговѣйнаго настроенія.

Вопреки своимъ ожиданіямъ они не нашли въ церкви никакихъ запасовъ провіанта и съ голодными проклятіями вышли изъ нея вонъ. По пути одинъ изъ французовъ обратилъ вниманіе на свѣчной ящикъ, открылъ его и нашелъ въ немъ всего лишь нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Онъ собралъ ихъ, положилъ въ карманъ и, самъ не зная для чего, захватилъ и пукъ восковыхъ свѣчей.

— Ничего тамъ нѣтъ, отрапортовали предводителю побывавшіе въ церкви.—Тамъ только три статуи, бесѣдующія съ небомъ.

— Но ѣсть все-таки надо, отвѣтилъ предводитель. — Если мы будемъ такъ сытно обѣдать каждый день, то намъ выгоднѣе возвратиться въ армію: тамъ, хоть изрѣдка, но все-таки кормятъ.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ молодой и еще безусый солдатъ.

— Развести костеръ для того, чтобы зажарить эту несчастную пару куръ, насмѣшливо отвѣтилъ главарь.—Если жители этой деревни встрѣтили насъ такъ привѣтливо и хлѣбосольно, то и мы обязаны быть вѣжливыми и поблагодарить ихъ. Сожгите нѣсколько избъ. Это будетъ имъ на память о насъ и научитъ ихъ быть впередъ гостепріимнѣе.

— А вотъ и матеріалъ для поджога, вскрикнулъ мародеръ, вынесшій изъ церкви восковыя свѣчи.

Изъ толпы выдѣлились нѣсколько человѣкъ, разобрали свѣчи и подошли молча къ ближайшей избѣ.

— Начните-ка съ главнаго, указалъ главарь на церковь.

Въ нѣсколько минутъ съ избы была снята соломенная крыша, пучки соломы были разложены вокругъ церкви и зажжены.

— Если они—святые люди, то они должны быть благодарны намъ за то, что мы облегчили имъ переходъ въ лучшую жизнь, сострилъ одинъ изъ мародеровъ, поджигая свѣчкою солому.

Въ этотъ же моментъ и на другихъ двухъ концахъ деревни показались легкія струйки дыма, мало-по-малу разросшіяся въ большіе клубы, изъ-

подъ которыхъ показалось пламя. Скоро запылала и церковь.

Мародеры, обшаривая въ кучахъ сундуки и находя въ нихъ лишь бѣдную ветошь, со злобою бросали ихъ въ огонь, постепенно, но жадно охватывавшій сухія, покосившіяся стѣны церкви. Предводитель, полюбовавшись пожаромъ, отдалъ приказъ собираться, чтобы итти дальше куда-нибудь на поиски за хлѣбомъ. Вдругъ раздались радостные крики.

— Обѣдъ идетъ! Мясо идетъ!

Два француза съ веселыми лицами выводили изъ воротъ о. Алексѣя саврасую лошадь. Толпа голодныхъ оборванцевъ возликовала.

— Ого! Пословица говоритъ не даромъ: гдѣ есть огонь, тамъ найдется и жаркое! Друзья, доставайте побольше котелковъ и несите воды. Сегодня у насъ будетъ превосходный супъ...

Обрадованные французы стали вытаскивать изъ избы горшки, котелки и всякую посуду. Тутъ же, недалеко, нѣсколько человѣкъ хлопотали надъ свѣжею тушею саврасаго коня. Изъ-за его свѣжей, еще теплой и окровавленной шкуры уже подрались двое оборванцевъ въ солдатскихъ мундирахъ.

Внутри пылавшей церкви о. Алексѣй заканчивалъ молебенъ. Онъ, попадья и понамарь Кириллъ Григорьевичъ не измѣнили ни позъ, ни молитвен-

наго настроенія. Стѣны трещали; въ окнахъ уже начало показываться пламя, подъ сводомъ заклубился черный ѣдкій дымъ. Въ алтарѣ огненные языки, пробивавшіеся внутрь, уже лизали стѣны. Тусклый запрестольный образъ сталъ покрываться пузырями и дымиться. Ѣдкій дымъ жегъ глаза и захватывалъ дыханіе. О. Алексѣй осѣнилъ жену и понамаря крестомъ, приложился къ нему и самъ и далъ приложиться своей паствѣ. Сверху изъ-подъ ветхаго купола донесся страшный трескъ и посыпались искры.

— Пора, сказалъ о. Алексѣй.—Выходите скорѣе.

— Ты-то выходи, отвѣтила попадья.

— Я сниму съ престола антиминсъ и возьму сосуды.

Священникъ неустрашимо вернулся въ пылающій алтарь, вскорѣ вышелъ оттуда съ обоженнымъ лицомъ и обгорѣлыми волосами, неся раскаленные сосуды, евангеліе, крестъ и антиминсъ. У загорѣвшихся уже дверей его съ тревогою ждали трепетавшіе за его жизнь родные. Едва только онъ успѣлъ подойти къ нимъ, какъ съ страшнымъ трескомъ рухнулъ куполъ. По итти дальше было некуда, пылалъ и домикъ о. Алексѣя, загорѣвшійся отъ пожара церкви.

Тутъ же недалеко, совершенно равнодушные къ чужому горю и разоренію пировали за обиль-

нымъ завтракомъ изъ конины и французы. Они весело балагурили между собою и не обращали ровно никакого вниманія на блѣдныхъ и растерявшихся священника, попадью и понамаря.

Вдругъ между мародерами поднялось неожиданное смятеніе. Бросивъ ѣду, они схватились за ружья и стали наскоро заряжать ихъ. По улицамъ села разнеслись конскій топотъ и голоса. Это налетѣлъ отрядъ партизановъ подъ командой Груздева и мигомъ окружилъ совсѣмъ не ожидавшихъ этого французовъ. Второпяхъ и въ испугѣ они стали безпорядочно стрѣлять, и къ сожалѣнію ранили двухъ крестьянъ изъ партизанскаго отряда. Со стороны мародеровъ пострадало тоже душъ пять, потому что партизаны при видѣ безцѣльнаго и ненужнаго пожарища пришли въ озлобленіе и вовсе не были расположены щадить непріятеля. Если бы не Никита Мизуевъ, то не одинъ французъ былъ бы поднятъ на вилы или изрубленъ топорами. Теперь же ихъ всѣхъ переловили и перевязали.

Иванъ Филипповичъ, увидѣвъ обожженнаго и опаленнаго священника, тотчасъ же слѣзъ съ коня, подошелъ къ нему подъ благословеніе и отъ него узналъ все, что произошло. О. Алексѣй съ грустью смотрѣлъ на свой горѣвшій домикъ и смиренно бормоталъ:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ...

Груздевъ предложилъ ему отправить его, попадью и попамаря Кирилла Григорьевича къ себѣ въ Воронихино, но о. Алексѣй отказался.

— Я ужъ какъ-нибудь перебьюсь, отвѣтилъ онъ,—а вотъ крестьянъ жалко. Прикажите, баринъ, вашимъ молодцамъ пожаръ тушить, сколько возможно, а то вѣдь вся деревня сгоритъ. Вернутся изъ лѣса мужики съ бабами и съ малыми ребятами, а имъ и укрыться негдѣ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ роли перемѣнились. Подъ умѣлою командою Никиты Мизуева французы были принуждены таскать воду изъ колодцевъ и усердно тушить ими же произведенный пожаръ. Ослушаться они не смѣли, потому что ихъ окружали съ отобранными у нихъ же ружьями партизаны. Прежній задоръ ихъ сразу пропалъ съ того самаго момента, какъ почувствовали себя плѣнными. Къ тому же имъ и доставалось. Иванъ Филипповичъ строго-на-строго приказалъ своему отряду не обижать плѣнныхъ и обращаться съ ними милосердно, но мужики-партизаны въ отместку за свою же братію—дубковцевъ, за угломъ, гдѣ ихъ не видѣлъ помѣщикъ, не очень скупились на пинки и подзатыльники. Съѣденная саврасая лошадь, грабежъ и пожаръ обошлись французамъ на этотъ разъ не дешево.

Черезъ часъ пожаръ былъ залитъ и стянутые въ локтяхъ веревками французы уныло выступали

подъ конвоемъ партизановъ въ Покровское, чтобы потомъ отправляться въ уѣздный городъ. Конвойные то и дѣло торопили ихъ, потому что были голодны и спѣшили къ кашѣ. Двоихъ раненыхъ мужиковъ-партизановъ Иванъ Филиппович тотчасъ же отправилъ на подводѣ домой въ Воронихино къ Артуру Богдановичу на излѣченіе и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ успокоительное письмо Екатеринѣ Михайловнѣ.

О. Алексѣй, попадья и понамарь наотрѣзъ отказались отъ какой-либо помощи и остались среди погорѣльцевъ. Иванъ Филиппович вернулся въ Покровское на отдыхъ, но, какъ увидимъ ниже, отдыхалъ не долго.

VI.

Въ Воронихинѣ все шло гладко и хорошо, какъ по маслу. Французы были далеко и не показывались въ окрестностяхъ. Раненые, присланные сюда губернаторомъ, помаленьку поправлялись и съ утра до ночи благодушествовали въ маленькомъ госпиталѣ, устроенномъ Екатериной Михайловной. Толстенькій, добродушный лѣкарь, Артуръ Богдановичъ, посѣщалъ лазаретъ аккуратно и заботился о своихъ больныхъ, какъ нянька. Онъ ежедневно внимательно выслушивалъ и перевязывалъ своихъ больныхъ и назна-

чалъ имъ разные декокты, которые варилъ обязательно самъ. Ни фельдшерамъ, ни сидѣлкамъ, воспитанныхъ имъ изъ дворовыхъ людей онъ не довѣрялъ ни перевязокъ, ни составленія лѣкарствъ.

Екатерина Михайловна вѣрила, преклонялась передъ его ученостью и, какъ добрая хозяйка, изрѣдка заходила въ лазаретъ освѣдомиться о порядкѣ и о здоровьѣ раненыхъ, но не оставалась тамъ долго и все время держала у носа пузырекъ съ духами. Несмотря на безукоризненную чистоту и на открытыя окна, она чувствовала какіе-то непріятные запахи. Сопровождавшій ее Артуръ Богдановичъ старался увѣрить, что это ей только такъ кажется, но она утверждала, что въ лазаретѣ пахнетъ лѣкарствами, ранами, мужиками, солдатами, сапогами и еще Богъ вѣсть чѣмъ. Лѣкарь пожималъ плечами и строго заявлялъ.

— Это есть женскіе нервы, но гдѣ медицина, тамъ не должны быть нервы, ибо эта наука есть другъ человѣчества.

Екатерина Михайловна, выходя изъ лазарета, всякій разъ заботливо наказывала Артуру Богдановичу, чтобы онъ не жалѣлъ провизіи и кормилъ своихъ больныхъ, какъ слѣдуетъ, и чтобы они ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Лѣкарь при этомъ принималъ гордую осанку и отвѣчалъ почти обиженнымъ тономъ.

— Это Катеринъ Михайловна, есть дѣло доктора, который назначаетъ пищу. Каждый больной получаетъ свой столъ и свой порціонъ, какъ позволяетъ ему болѣзнь. Одинъ кушаетъ бульонъ отъ курицы, другой — мясо, третій — кисель и такъ далыше, я знаю, что кому надо давать...

Екатерина Михайловна смущалась и начинала увѣрять лѣкаря, что она никогда не сомнѣвалась въ его познаніяхъ и всегда ему вѣрила, а если и заговорила о пищѣ, то только, какъ хозяйка.

— Эй, вы солдаты! обращался лѣкарь къ раненымъ. — Вы довольны, что вамъ кушать даютъ?

— Много довольны! Покорнѣйше благодаримъ, ваше ско-родіе! хоромъ, по-солдатски, орали раненые.

— Ну, вотъ слышите, Катеринъ Михайловна?! Это они сами говорятъ! съ достоинствомъ произносилъ Артуръ Богдановичъ.

Хозяйка прижимала къ носу флакончикъ и спѣшила поскорѣй уйти, а лѣкарь принимался недовольно сопѣть носомъ. Несмотря однако на такую разлуку, подобный разговоръ возобновлялся всякій разъ, какъ только Екатерина Михайловна переступала порогъ .госпиталя.

Раненые были сыты-сытехоньки и благодушествовали. Артуръ Богдановичъ дѣйствительно выписывалъ изъ барской кухни въ лазаретъ разные

бульоны, овсянки, и кисели и все это заносилось аккуратно въ листки о ходѣ болѣзни. Но у почтеннаго лѣкаря былъ тайный врагъ, не вѣрившій въ медицину. Это былъ поваръ Потапъ.

Артуръ Богдановичъ былъ очень аккуратный человѣкъ. Неизмѣнно въ восемь часовъ вечера онъ садился съ Екатериной Михайловной за деревенскій обильный ужинъ и къ девяти часамъ подъ вліяніемъ ерофѣичей, настоекъ и наливокъ, получалъ неодолимую наклонность ко сну и уходилъ въ свою комнату съ помощью казачка.

Не менѣе аккуратенъ былъ и поваръ Потапъ. Какъ только ему изъ барскаго дома подавали таинственный сигналъ о томъ, что Артуръ Богдановичъ почилъ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ, онъ немедленно нырялъ въ дверь своей кухни и переносилъ оттуда въ лазаретъ, съ помощью подручныхъ, котлы и котелки.

— Миръ вамъ и мы къ вамъ, господа военные! возглашалъ онъ на порогѣ.—Кто съ чѣмъ, а мы со щами да съ кашей. За день-то, поди, отъ нѣмецкихъ суповъ и киселей у васъ животики подвело. Милости просимъ россійской ѣды похлебать. Митька, давай-ка красоулю съ брыкаловкой и стаканчикъ!

Раненые весело соскакивали со своихъ коекъ, усаживались въ кружокъ и при тускломъ свѣтѣ

сальной свѣчки начинали уписывать за обѣ щеки, прикладываясь по очереди къ стаканчику. Послѣ сытнаго, плотнаго ужина Потапъ приказывалъ подручнымъ уносить въ кухню посуду и уничтожать слѣды тайнаго пиршества и затѣмъ приступалъ съ просьбой.

— Разскажи-ка, Семенъ Андреевичъ, какъ тебѣ непріятель голову шашкой разсѣкъ. Да говори подольше и подлиннѣе: страсть люблю слушать разсказы про войну... А ты, фершалъ Митька, сбѣгай въ кухню: тамъ за печкою, въ углу подъ мѣшкомъ кадочка съ пивомъ стоитъ. Тащи сюда, да не пролей по дорогѣ... Ну, Семенушка, начинай...

Артуръ Богдановичъ, осматривая на утро своихъ больныхъ, самодовольно прищелкивалъ языкомъ и въ знакъ удовольствія оттопыривалъ верхнюю губу.

— О, дѣло идетъ хорошо, восклицалъ онъ.— Всѣ имѣютъ такой цвѣтущій видъ даже при строгой діэтѣ... Да, это правда: воздержаніе въ пищѣ есть могущество медицины. Человѣкъ тогда только есть здоровый человѣкъ, когда онъ не переполняетъ желудокъ... Скоро вы будете всѣ поправляться совсѣмъ и будете здоровы, какъ быки.

Во время одного изъ такихъ утреннихъ осмотровъ въ лазаретъ вбѣжала дворовая дѣвушка и, запыхавшись, прокричала съ порога.

— Васъ, Антырь Богданычъ, барыня къ себѣ кличутъ... Отъ барина письмо и двухъ раненыхъ мужиковъ привезли... Приказали, чтобы поскорѣе...

Артуръ Богдановичъ не заставилъ звать себя вторично и, насколько могъ, быстро засѣменилъ своими мелкими шажками по направленію къ барскому дому.

Екатерина Михайловна встрѣтила его сіяющая и радостная.

— Отъ Вани письмо пришло, хорошее такое и радостное. Я его уже два раза прочитала,

— Ну, и что? Здоровъ? Какъ воюетъ?

— Хорошо; все хорошо, голубчикъ, Артуръ Богдановичъ, только я не все понимаю: въ письмѣ есть военныя слова. Я васъ потому и побезпокоила; можетъ-быть вы мнѣ объясните.

— Съ удовольствіемъ... Это я могу... Мой братъ служитъ въ прусской арміи вмѣстѣ съ Наполеономъ...

— Я такъ рада этому письму, что даже сердце бьется... Вы не повѣрите, до чего я рада...

— Но вы не волнуйте себя: это не хорошо. Не надо пускать нервы. Пейте одинъ стаканъ холодной воды, садитесь и начинайте читать, а я тоже сяду, буду слушать и объяснять военныя слова.

Лѣкарь позвонилъ, приказалъ подать барынѣ воды, комфортабельно усѣлся въ кресло и сказалъ.

— Ну?!

Екатерина Михайловна развернула письмо и начала читать.

— «Дорогой другъ, Катя! При сей вѣрной оказіи...»

— Оказія это значитъ: случай, пояснилъ Артуръ Богдановичъ.

— Знаю... «При сей вѣрной оказіи спѣшу радостно увѣдомить тебя объ одержанной мною сею минутою викторіи съ преферансомъ...»

— Это значитъ: побѣда и я бралъ верхъ.

— «Не было у насъ ни траншей, ни ложементовъ, по фортуна была все-таки наша...»

— Траншеи это... это... это, должно-быть, пушка... Читайте, пожалуйста, дальше.

— «А равно и безъ фортеціи, врага и супостата покорили...»

— Ну, фортеція, это... Я не знаю, какъ это по-русски называется... Это, какъ барабанъ большой... Читайте дальше...

— Вотъ и неправда. Фортецію даже я, женщина, знаю; фортеція значитъ крѣпость, а вовсе не барабанъ.

— Война — очень запутанное дѣло, Катеринъ Михайловна. Вы понимаете такъ, а я понимаю этакъ. У меня все-таки мой родной братъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ въ арміи служитъ... Вы читайте.

— «Вижу, апгелъ мой, что напугалъ тебя военными словами и за эту шутку прости. По милости Всевышняго живъ и здоровъ и люди мои здоровы, бодры и храбры, кромѣ двоихъ, которые ранены. По распоряженію свѣтлѣйшаго князя Кутузова, рыщемъ, какъ тебѣ извѣстно, партизанами по дорогамъ большимъ и проселочнымъ отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ, отъ погоста къ погосту и всячески безпокоимъ непріятеля, не даемъ ему фуражомъ запасаться и отнимаемъ транспорты съ оружіемъ и провіантомъ—и уже добра этого, а также плѣнныхъ, взяли достаточно и чуть не каждый день въ сосѣдній уѣздный городъ препровождаемъ. И еще тебѣ сообщу, что въ Москвѣ страшная разруха творится: тамъ идутъ грабежи и разореніе и Наполеонъ тамъ сидитъ, но ѣсть непріятелю нечего и у него войска отъ голода разбѣгаются. Артуру Богдановичу—моему милѣйшему врачу, цѣлителю и жестокому философу...»

— О! произнесъ съ довольнымъ видомъ лѣкарь.

— «Жестокому философу и глубокому наблюдателю натуры...»

— Ого! Ну?

— «Великому ученому и знатоку медицинской науки...»

— Ну, да. Это такъ. Это я.

— «Славному своими декоктами...»

— Ну, да; я умѣю варить декокты... Ну, ну...

— «Поднимающему на ноги не только безнадежно больныхъ, но и почти что воскрешающему мертвыхъ...»

— Ну, это уже много сказано. Я медицину знаю хорошо, но мертвыхъ я еще не воскресилъ...

— «Мой сердечный привѣтъ отъ всей души.»

— Благодарю, благодарю... Иванъ Филипповичъ очень благородный рыцарь... Позвольте, Катеринъ Михайловна, я за это вниманіе буду поцѣловать вамъ ручку... Напишите отъ меня... Нѣтъ лучше читайте, что дальше...

— «Привѣтъ отъ всей души и просьба...»

— О, я исполню немедленно...

— «Была у меня, ангелъ мой Катенька, стычка съ французами въ селѣ Дубкахъ. Сожгли они церковь, поповъ домъ и половину села и ранили ружейными выстрѣлами двоихъ крестьянъ изъ моего партизанскаго отряда—Фильку и Антошку, коихъ, страждущихъ, при сей же оказіи препровождаю. Пусть они лѣчатся и выхаживаются въ своихъ избахъ въ деревнѣ. А Артура Богдановича прошу имѣть за ними медицинское наблюденіе. Оба они—парни храбрые и много услугъ мнѣ въ моемъ партизанскомъ дѣлѣ оказали».

Лѣкарь поморщился.

— Ну, да, это простые мужики, проговорилъ онъ недовольнымъ тономъ. — Это не солдаты.

— Но мужики—такіе же люди, какъ и солдаты, возразила Екатерина Михайловна.

— Да, это такъ, еще съ большимъ неудовольствіемъ проговорилъ лѣкарь,—но солдатъ есть человѣкъ, который знаетъ дисциплину и понимаетъ, что есть діэта, а мужикъ будетъ кушать все, какъ простая свинья...

— Но вы все-таки, Артуръ Богдановичъ, посмотрите на этихъ Фильку и Антошку. Ваня отзывается о нихъ такъ хорошо...

— Ну, да; я ихъ какъ-нибудь посмотрю, съ неохотою согласился лѣкарь. — Когда будетъ свободный часъ... Но я не буду варитъ имъ такіе декокты, какіе дѣлаю для солдатъ въ госпиталѣ... Мужикъ есть необразованный свинтусъ: онъ ничего не понимаетъ... Его лѣчить не стоитъ... Ну, да... А все-таки вашъ мужъ хорошій рыцарь и написалъ вамъ хорошее письмо. Я такъ радъ, что не пойду сегодня больше въ лазаретъ. Я получилъ отъ письма хорошій аппетитъ. Прикажите дать на столъ ерофѣичъ, травникъ и разныя кушанья и мы съ вами вмѣстѣ будемъ пить за здоровье вашего храбраго мужа и будемъ радостно закусывать...

VII.

Дубковцы, вернувшись изъ лѣса и поглядѣвъ на пожарище и на разграбленіе, сильно пріуныли, а бабы подняли вой. Но священникъ, о. Алексѣй, кое-какъ успокоилъ ихъ. Крестьяне потѣснились и размѣстились въ тѣснотѣ въ уцѣлѣвшихъ избахъ. Одну избу они очистили для о. Алексѣя, его попадьи и понамаря и со слѣдующаго же дня собрались на сходъ подъ руководствомъ старосты Мироныча и рѣшили такъ. Хотя лѣсъ и подъ рукою, но съ постройкою новыхъ избъ подождать; а когда начнется постройка, то прежде всего начать рубить новую церковь, а потомъ уже хлопотать о своемъ житьѣ-бытьѣ. На этомъ же сходѣ рѣшено было хорошенько вооружиться вилами и топорами и встрѣтить непріятеля, какъ слѣдуетъ, хотя бы тутъ пришлось и голову сложить.

Дня черезъ три долженъ былъ наступить праздникъ Воздвиженія. Священникъ затосковалъ.

— Праздникъ великій наступаетъ, а я безъ церковной службы останусь, жаловался онъ.—До самой старости служилъ я въ этотъ день и за утреней крестъ воздвигалъ животворящій. А теперь наподи! Не вынесетъ этого горя душа моя...

Дубковцы посовѣтовались между собою и послали старосту Мироныча къ о. Алексѣю.

— Отъ міра съ поклономъ къ тебѣ, батя, заговорилъ староста, войдя въ избу, отведенную священнику.—Поѣзжай ты, батя, съ попадьею и съ Кириллою къ зятю своему, въ Лукояновку, и служите тамъ себѣ на доброе здоровье. Авось зять тебя не прогонитъ... А мы всѣмъ міромъ тебя снарядимъ, подводу дадимъ и духомъ въ Лукояновку доставимъ... Всего тридцать верстъ какихъ-нибудь... И живи ты тамъ у зятя, пока мы новую церковь не срубимъ... Молись тамъ о насъ грѣшныхъ...

О. Алексѣй подумалъ-подумалъ и уѣхалъ съ попадьей и съ попамаремъ. Остались дубковцы одни и стали, перебиваясь съ хлѣба на квасъ, ожидать лучшихъ временъ. Но не дождались. Въ самый день Воздвиженія прискакалъ съ поля пастухъ, крикнулъ на все село: «супостаты идутъ», повернулъ коня и помчался, какъ и въ первый разъ, во весь духъ въ Покровское къ Груздеву за помощью.

Пока встревоженные дубковцы вооружались вилами и топорами, въ концѣ села уже послышались выстрѣлы. Староста Миронычъ выскочилъ первымъ и сталъ озабоченно глядѣть во всѣ стороны. По улицѣ села бѣжалъ прямо на него встревоженный мужикъ и кричалъ во все горло.

— Миронычъ! Скорѣича! Французы!.. Въ нашихъ палятъ!.. Сеньку Лысаго убили!..

Вся деревня поднялась на ноги и во главѣ со старостой побѣжала вслѣдъ за кричавшимъ мужикомъ. Во второй отъ края избѣ дѣйствительно засѣли французы. Это былъ отсталый отрядъ мародеровъ, состоявшій изъ пятнадцати человѣкъ. Скитаясь по дорогамъ, они забрели въ Дубки голодные и иззябшіе, въ надеждѣ добыть хоть чего-нибудь съѣстного. Всѣ они были съ ружьями. Услышавъ отдаленные крики еще только собравшихся въ кучу дубковцевъ, они испугались и рѣшили на всякій случай спрятаться въ ближайшую избу и оттуда начать переговоры и просить пардону. Изба принадлежала Сенькѣ Лысому, который и появился на порогѣ съ топоромъ въ рукахъ. Чтобы очистить себѣ дорогу, одинъ изъ мародеровъ выстрѣлилъ и уложилъ несчастнаго мужика наповалъ. Вслѣдъ за этимъ вся шайка, испугавшись убійства, поспѣшила войти въ избу и запереться изнутри.

— Много ли ихъ? спросилъ Миронычъ мужика, оповѣстившаго о смерти Сеньки.

— А кто же ихъ знаетъ?! Я не считалъ, отвѣтилъ мужикъ.—Душъ съ двадцать будетъ...

— Зажигай, братцы, избу со всѣхъ сторонъ! скомандовалъ Миронычъ.—Становись у окошекъ и у дверей и лови каждаго, который будетъ выскакивать.

Повторять приказанія озлобленнымъ мужикамъ

не пришлось. Кое-какъ оттащили отъ порога тѣло Сеньки и черезъ пять минутъ соломенная крыша уже пылала и уже начали съ трескомъ загораться стропила. Дубковцы окружили избу со всѣхъ четырехъ сторонъ, держа наготовѣ вилы, топоры и рогатины.

— Бери всѣхъ живьемъ! Никого не убивать! скомандовалъ Миронычъ.

— Для чего живьемъ? Неча ихъ, нехристей, баловать! возразили мужики.

— Дѣлай, какъ велятъ! повелительно крикнулъ староста.

Дубковцы поглядѣли на его лицо, искаженное злобой, и уже болѣе не возражали.

Запертые въ избѣ мародеры сразу поняли, что они погибли. Надъ ихъ головами забѣгали огненные языки и вся изба наполнилась въ короткое время удушливымъ дымомъ.

— Спасайтесь, кто куда можетъ! раздались отчаянные крики въ избѣ.

Всѣ пятнадцать человѣкъ бросились одновременно къ двери, открыли ее и тотчасъ же попятились назадъ. Они встрѣтили цѣлый лѣсъ направленныхъ противъ нихъ вилъ и рогатинъ.

— Они хотятъ сжечь насъ живьемъ! въ отчаяніи заревѣли французы.

— Лови и хватай злодѣевъ! Вяжи имъ руки

назадъ! Только не убивать! командовалъ староста.— Предадимъ ихъ лютой смерти!..

Мужики опустили вилы и отступили на нѣсколько шаговъ. Обрадованные мародеры гурьбою высыпали изъ избы, крича: «пардонъ!» но были тотчасъ же переловлены, обезоружены и перевязаны.

Лицо Мироныча было мрачнѣе тучи. Онъ металъ такіе дикіе взгляды, какихъ односельчане никогда еще у него не видали. Связанные по рукамъ мародеры стояли, сбившись въ кучу, и уныло смотрѣли на свирѣпыя лица дубковцевъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Ребята, сбѣгайте по избамъ и по клѣтямъ: пошарьте побольше заступовъ! крикнулъ Миронычъ.

Принесли штукъ десять заступовъ. Миронычъ взялъ одинъ изъ нихъ и собственноручно очертилъ имъ на землѣ большой четыреугольникъ.

— Развяжите окаянныхъ и пусть они сами себѣ копаютъ могилу! сказалъ онъ угрюмо.

Дубковцы развязали мародеровъ, окружили ихъ тѣснымъ, плотнымъ кольцомъ и, давши каждому въ руки по заступу, приказали жестами копать. Французы поняли и, бросившись на колѣни, стали умолять о пощадѣ. Но крестьяне оставались безчувственны и неумолимы. Побуждаемые силою и толчками, мародеры должны были приняться за работу. На нихъ жалко было смотрѣть. То одинъ, то другой

бросалъ заступъ и, обращая къ Миронычу полные слезъ глаза и протягивая руки, говорилъ по своему что-то трогательное и повторялъ: «Пардонъ! пардонъ!» Но староста оставался холоденъ, какъ камень, и коротко отвѣчалъ.

— Копай... копай, чортовъ сынъ! Вы нашихъ били, вѣшали и жгли; теперь пришелъ вашъ чередъ...

Наконецъ, одинъ изъ мужиковъ не выдержалъ и проговорилъ нерѣшительно.

— Не дѣло мы, Миронычъ, затѣваемъ. Не пришлось бы отвѣтъ держать на томъ свѣтѣ...

— А ты что за попъ такой?! прикрикнулъ на него староста.—Коли жалость беретъ, такъ уходи, а другимъ не мѣшай. Супостатовъ жалко, а Сеньку Лысаго не жалко?!

Мужикъ умолкъ и дѣйствительно отошелъ въ сторону, за избы. Тамъ онъ ничего не видѣлъ, но до него ясно долетали отчаянные вопли зарываемыхъ въ землю живыхъ людей. Вопли эти сначала были дики и громки, потомъ становились все жалобнѣе и глуше, затѣмъ послышались сдавленные глухіе голоса изъ-подъ земли и, наконецъ, все замолкло. До сердобольнаго мужика стали доноситься только тупые звуки работы заступами. И какъ все это долго тянулось! Какъ мучительна и долга была смерть мародеровъ!.. Миронычъ собственноручно надергалъ изъ изгороди кольевъ, воткнулъ въ свѣжій,

огромный могильный холмъ и на каждый изъ нихъ надѣлъ по французской фуражкѣ.

Черезъ полчаса послѣ этого прискакала помощь изъ Покровскаго. Пріѣхалъ и самъ Груздевъ. Но было уже поздно. Взглянувъ на могилу и на фуражки, Иванъ Филипповичъ вздохнулъ и укоризненно сказалъ Миронычу.

— Не по-христіански ты, староста, поступилъ. Грѣшно.

— Не по-христіански? угрюмо отвѣтилъ Миронычъ. — А супостаты съ нами по-божески поступили? Вонъ лежитъ Сенька убитый. Кто его теперь по-христіански похоронитъ, когда попа нѣту?! А супостатамъ, какъ сабакамъ, собачья и смерть.

Иванъ Филипповичъ огорченно махнулъ рукою и ничего не сказалъ. Говорить съ ожесточенными мужиками было безполезно. Какъ разъ въ это время въ деревню на полныхъ рысяхъ въѣхалъ мужикъ-партизанъ и доложилъ Груздеву.

— На большой дорогѣ, батюшка-баринъ, непріятельскій обозъ показался: верстъ двѣнадцать отъ Покровскаго... Вѣстовые дали знать... Непріятеля человѣкъ восемьдесятъ, не меньше, и обозъ большущій, тяжелый... Микита Мизуевъ собралъ всѣхъ оставшихся дома и поѣхалъ навстрѣчу французу, а меня послалъ вашей милости доложить: каково

будетъ ваше произволеніе... Никита сказалъ, что народу у нихъ маловато...

Иванъ Филипповичъ скомандовалъ своимъ партизанамъ садиться на копей и тотчасъ же помчался вонъ изъ Дубковъ.

— Въ другой разъ этого, староста, не дѣлай! сказалъ онъ на прощаніе, указывая на французскую могилу.—Живьемъ въ плѣнъ бери. Не иначе...

— Ладно, баринъ, отвѣтилъ Миронычъ.

Его лицо выражало наружную покорность барину, но въ голосѣ было слышно, что если еще разъ появятся въ Дубкахъ французы, то имъ не сдобровать. Онъ придумалъ для нихъ казнь еще лютѣе могилы...

VIII.

Солнце перевалило уже за вторую часть своего пути и часа черезъ два короткій день долженъ былъ кончиться. На дворѣ стоялъ конецъ сентября и по вечерамъ и по ночамъ стало ощутительно подмораживать. Когда Иванъ Филипповичъ выѣхалъ изъ Дубковъ и пустился въ погоню за французскимъ обозомъ, проселочная дорога была уже схвачена легкимъ морозцемъ и звукъ лошадиныхъ копытъ разносился далеко.

Выѣхавъ на большую дорогу, партизаны огля-

нулись вправо и влѣво, но нигдѣ ничего не увидѣли: дорога была пуста и безлюдна. Иванъ Филипповичъ и его люди внимательно осмотрѣли колеи и отпечатки копытъ въ застывшей грязи и сразу же опредѣлили, что здѣсь недавно прошелъ тяжелый обозъ и прошелъ впередъ. По этому же направленію поскакали и партизаны. Проѣхали они уже болѣе получаса на крупныхъ рысяхъ, но никого не встрѣтили. Впереди виднѣлся лѣсъ, подходившій къ самой дорогѣ темной полосою.

Груздевъ началъ слегка безпокоиться. Уѣзжая въ Дубки, онъ захватилъ съ собою сорокъ пять человѣкъ, т.-е. почти половину своего отряда. Столько же людей оставалось и у Мизуева. Если Никита, выѣхавши погонять обозъ гораздо раньше, уже настигъ французовъ, которыхъ насчитывалось до восьмидесяти человѣкъ, то какъ бы не вышло чего дурного. Непріятеля было вдвое больше, нежели партизановъ у Мизуева. Но Иванъ Филипповичъ разсчитывалъ на сметливость и расторопность своего помощника и питалъ себя надеждою, что тотъ не сдѣлаетъ опрометчиваго нападенія и подождетъ, пока весь отрядъ не соединится.

Такъ оно и вышло. Когда Груздевъ еще черезъ четверть часа подъѣхалъ къ лѣсу, на опушкѣ его показался мужикъ и сталъ махать рукою, указывая этимъ, что отрядъ долженъ свернуть съ дороги и

въѣхать въ лѣсъ. Вскорѣ около мужика показался и Никита и тотчасъ же побѣжалъ навстрѣчу къ барину съ докладомъ.

— Давно васъ ждемъ, батюшка-баринъ, заговорилъ онъ.—Безъ васъ атаковать французовъ не рѣшились и все время скрывались въ лѣсу.

— Великъ ли французскій обозъ? спросилъ Груздевъ.

— Не то восемнадцать, не то девятнадцать возовъ насчитали, отвѣтилъ Никита.—И возы все тяжелые, такъ что идутъ шагомъ. Надо полагать, везутъ оружіе и порохъ. По видимости, нѣсколько возовъ идутъ съ провіантомъ; французовъ при обозѣ, надо полагать, человѣкъ восемьдесятъ или девяносто. Вооружены всѣ хорошо, но очень всѣ устали и еле плетутся. Двое на возу лежатъ. Должно-быть, либо хворые, либо отсталые.

— Далеко ли они теперь?

— Надо полагать версты на три впередъ ушли, не больше. Совсѣмъ недавно тутъ проѣзжали... Шагомъ шли и лошади у нихъ совсѣмъ изнуренныя. Далеко не могутъ уйти... А обозъ, должно-быть, важный, потому что конвой великъ.

— Ладно. На коней и въ догонку! Собирай своихъ людей, скомандовалъ Иванъ Филипповичъ.— Нападемъ полными нашими силами.

— Я такъ полагаю, баринъ, что соединяться

намъ не къ чему, посовѣтовалъ Мизуевъ.—Я со своею половиною людей объѣхалъ бы тихонько по той сторонѣ лѣса и напалъ бы на непріятеля спереди; а вы тѣмъ временемъ подъѣхали бы по большой дорогѣ сзади. Сразу и хватили бы съ двухъ сторонъ. Какое будетъ ваше произволеніе?

— Ладно, отвѣтилъ Иванъ Филипповичъ.— Объѣзжай лѣсъ, только поскорѣе, до потемокъ, а я легкой рысцой тронусь по дорогѣ.

Крадучись и стараясь не производить шума, сталъ огибать Никита Мизуевъ со своимъ половиннымъ отрядомъ лѣсъ, а Груздевъ сталъ нагонять непріятеля по прямому тракту. Верстъ черезъ пять впереди, на дорогѣ, въ видѣ длинной ленты показались французы. Обозъ ихъ дѣйствительно тянулся шагомъ. Иванъ Филипповичъ сталъ высчитывать, успѣлъ ли Мизуевъ кружною дорогою настичь непріятеля и заѣхать ему навстрѣчу? Протянули еще съ версту и прибавили хода. Лѣсъ кончился и изъза него на полныхъ рыслхъ выѣхалъ на дорогу саженяхъ въ двухстахъ впереди французовъ Никита со своими партизанами и сразу повернулъ навстрѣчу непріятелю. Иванъ Филипповичъ со своими мужиками полетѣлъ впередъ птицей. Не прошло и десяти минутъ, какъ французы были сразу стѣснены и спереди и сзади и на первое время растерялись. Но вскорѣ они оправились и между ними

и между партизанами началась настоящая битва.

Партизаны теперь почти всѣ уже были вооружены ружьями, въ разное время отобранными отъ непріятельскихъ отрядовъ и отъ мародеровъ. Французы, сопровождавшіе обозъ, немедленно открыли ружейный огонь, но и партизаны отвѣтили имъ тѣмъ же. Обѣ стороны дрались храбро и съ обѣихъ сторонъ падали раненые и убитые. Французы были утомлены: имъ не подъ силу было выдержать натискъ свѣжихъ силъ партизановъ и они сдались.

Иванъ Филипповичъ потребовалъ къ себѣ офицера и сталъ его допрашивать. Транспортъ направлялся въ лагерь генерала Ожеро и большая часть возовъ была нагружена оружіемъ, порохомъ и отчасти провіантомъ.

— Что теперь дѣлается въ Москвѣ? спросилъ Груздевъ.

— Москва сожжена и мы ее покинули, отвѣтилъ офицеръ.—Его величество, императоръ Наполеонъ, давно уже выступилъ изъ вашей столицы, недовольный тѣмъ, что, вопреки условіямъ войны, сами русскіе жгутъ свои села и города.

— Куда направился вашъ императоръ?

— Къ югу. Онъ ищетъ случая сразиться съ вашими войсками, но вашъ фельдмаршалъ Кутузовъ все отступаетъ. Рѣшится ли онъ дать намъ сраженіе— неизвѣстно.

— А какъ у васъ въ арміи съ провіантомъ и съ фуражомъ?

— Къ несчастью, очень плохо. Наша армія постоянно подвигается впередъ, а наши провіантскіе обозы не могутъ поспѣвать за нею по русскимъ отвратительнымъ дорогамъ и отстаютъ на сотню верстъ. Приходится добывать пищу для людей и фуражъ для лошадей посылкой особыхъ отрядовъ далеко въ стороны. Но и эти отряды не всегда возвращаются съ добычей: они или погибаютъ въ стычкѣ съ партизанами, или же не находятъ въ деревняхъ ничего. Ваши мужики сами предаютъ свое добро огню, чтобы оно не досталось намъ. Въ общемъ, Россія вполнѣ оправдала свою кличку: страна варваровъ... Долженъ сознаться, между прочимъ, что и партизаны очень намъ мѣшаютъ...

— Кто вы такой? спросилъ Иванъ Филипповичъ къ концу бесѣды.

— Я—лейтенантъ Малу изъ корпуса генерала Ожеро, отвѣтилъ французъ.—А вы?

— Я партизанъ Груздевъ.

— Груздевъ? воскликнулъ лейтенантъ Малу.—О, я очень радъ, что судьба помогла мнѣ познакомиться съ вами. Не будь мы врагами, я съ удовольствіемъ пожалъ бы вамъ руку. Ваше имя извѣстно въ нашей арміи настолько хорошо, что тому, кто возьметъ васъ въ плѣнъ или же убьетъ васъ

и доставитъ ваше тѣло, назначена награда въ десять тысячъ франковъ.

— Я это знаю, улыбнулся Иванъ Филипповичъ.— Вотъ вамъ прекрасный случай, лейтенантъ, разбогатѣть: возьмите меня въ плѣнъ, доставьте къ генералу Ожеро и получите десять тысячъ.

— Увы! горько улыбнулся лейтенантъ Малу.— Я самъ у васъ въ плѣну...

— Не безпокойтесь, я васъ отпущу. Вы дорогу въ свой лагерь найдете?

— Полагаю, что найду, отвѣтилъ французъ.

— Такъ поѣзжайте къ себѣ, въ свой лагерь, и передайте генералу Ожеро, что вашъ обозъ отбилъ я, секундъ-маіоръ Груздевъ. Ваши люди и вашъ транспортъ будутъ мною отправлены въ ближайшій городъ къ русскому начальству, которое и поступитъ съ вашими людьми, какъ съ военноплѣнными, по своему усмотрѣнію. Вы свободны, г. лейтенантъ.

Французъ обвелъ печальнымъ взоромъ возы и своихъ обезоруженныхъ и окруженныхъ партизанами солдатъ и глубоко вздохнулъ.

— Позвольте мнѣ лучше, г. Груздевъ, остаться въ плѣну, сказалъ онъ съ грустью.— Не могу я ѣхать въ нашъ лагерь съ такими печальными вѣстями. Мнѣ стыдно. Надѣюсь, что вы поймете мои чувства.

— Потому-то я и даю вамъ свободу, г. лей-

тенантъ, что прекрасно понимаю ваши чувства. Я хочу, чтобы генералъ Ожеро и другіе ваши начальствующія лица знали, что въ Россіи, помимо регулярнаго войска, есть еще и народъ, который почти поголовно поднялся противъ васъ, французовъ. Мои партизаны—простые мужики. Въ этомъ вы убѣдились. Передайте вашему начальству, что русскій народъ побѣдить невозможно. А что касается меня, Груздева, то скажите, чтобы за мою голову назначили болѣе почтенную цѣну, потому что вредить вамъ я не перестану до послѣдней капли крови и до послѣдняго вздоха.

Французъ хотѣлъ возразить что-то, но Иванъ Филипповичъ вѣжливо поклонился и отошелъ въ сторону. Лейтенантъ Малу остался на мѣстѣ, понуривъ голову.

Подошелъ Мизуевъ и доложилъ своему барину, что въ этой стычкѣ убито трое крестьянъ и ранено восемь, а французовъ вдвое болѣе. Иванъ Филипповичъ снялъ фуражку, перекрестился и набожно произнесъ:

— Царство имъ небесное, голубчикамъ. Умерли за отечество и за царя...

Плѣнные французы вмѣстѣ съ возами были отправлены подъ конвоемъ, куда слѣдуетъ, а убитые и раненые партизаны были переведены въ Покровское. Убитыхъ похоронили съ честью, а ране-

ныхъ повезли на излѣченіе въ Воронихино, къ Артуру Богдановичу. Вмѣстѣ съ этимъ Иванъ Филипповичъ послалъ къ себѣ домой и приказъ о томъ, чтобы на мѣсто выбывшихъ партизановъ были присланы новые, свѣжіе крѣпостные.

IX.

Въ Воронихинѣ произошло весьма важное событіе и произошло притомъ совершенно неожиданно. Изъ города пріѣхало чиновное лицо и привезло присланную изъ губерніи бумагу отъ самого губернатора. Лицо это было чина невысокаго, но не преминуло, въѣхавъ въ усадьбу, изобразить изъ себя персону. Оно впрочемъ не дерзнуло объявиться прямо въ барскій домъ, а остановилось во флигелѣ у бурмистра, объявило, что оно прибыло по казенной неотложной надобности и потребовало себѣ самоваръ и разной снѣди для покрѣпленія силъ послѣ долгой и утомительной дороги. Съ бурмистромъ эта персона держала себя важно и подробно и строго разспрашивала о житьѣ-бытьѣ барина и барыни, о крестьянахъ и о гостяхъ.

Этого было достаточно, чтобы весь воронихинскій курятникъ всполошился. Екатеринѣ Михайловнѣ доложили о пріѣздѣ важнаго лица изъ губерніи такимъ тономъ, что она слегка взволнова-

лась, подсылала одну за другой нѣсколько дворовыхъ дѣвокъ къ бурмистру подсмотрѣть, каковъ гость изъ себя, заказала къ обѣду Потапу лишнее блюдо и нѣсколько долѣе просидѣла за туалетомъ.

Но она была сильно разочарована. Державшая себя съ такою важностью въ избѣ у бурмистра персона вошла въ гостиную и представилась барынѣ съ самымъ смиреннымъ видомъ.

— Ихъ высокоблагородію Ивану Филипповичу Груздеву бумажка-съ... Надо полагать отъ губернатора-съ, потому что къ намъ изъ губерніи прислана.

Персона при этомъ отвѣсила очень низкій поклонъ.

— Господинъ предводитель низко кланяются и приказали освѣдомиться о вашемъ драгоцѣнномъ здравіи-съ, продолжала персона самымъ почтительнымъ тономъ и еще разъ низко поклонилась.

— Присядьте, сказала Екатерина Михайловна, ломая сургучную печать и разрывая привезенный конвертъ.

— Ничего-съ. Мы постоимъ-съ.

Пробѣжавъ бумагу, Екатерина Михайловна, позвонила, приказала позвать Артура Богдановича и, обращаясь къ персонѣ, почтительно стоявшей у дверей, холодно произнесла:

— Хорошо. Ступай въ избу къ бурмистру. Когда нужно будетъ, я за тобой пришлю.

Персона низко поклонилась и вышла, но лишь только она переступила порогъ бурмистерской избы, какъ станъ ея выпрямился и уста громко и чванно произнесли.

— Смотри, бурмистръ, чтобы у тебя все въ порядкѣ находилось!

Артуръ Богдановичъ, также увѣдомленный дворнею о пріѣздѣ изъ города важнаго лица, не заставилъ себя долго ждать и явился къ Екатеринѣ Михайловнѣ послѣ перваго же ея приглашенія.

— Ну, что есть у васъ новое? спросилъ онъ, подходя къ ручкѣ.

— Бумага пришла отъ предводителя дворянства, отъ Василія Васильевича, сказала хозяйка, протягивая доктору исписанный крупнымъ почеркомъ синій листъ. — Богъ ему дочку послалъ, а больше интереснаго нѣтъ ничего. Остальное васъ больше касается —по вашей докторской части.

Артуръ Богдановичъ взялъ бумагу, положилъ на столъ, не торопясь досталъ изъ кармана очки въ роговой оправѣ, подышалъ на нихъ, вытеръ тщательно клѣтчатымъ носовымъ платкомъ, надѣлъ на носъ и сталъ читать бумагу, но черезъ нѣкоторое время передалъ ее обратно Екатеринѣ Михайловнѣ со словами:

— Нѣтъ, лучше пусть вы читаете, а я пусть буду слушать. Сегодня мнѣ нечаянно попадалъ въ глазъ одинъ вредный медикаментъ и я не такъ хорошо вижу.

Екатерина Михайловна улыбнулась уловкѣ нѣмца, плохо разбиравшаго русскую грамоту, и начала читать громко:

«Высокочтимому сосѣду и другу, милому Ивану Филипповичу съ драгоцѣнною супругою Екатериною Михайловною здравія и благоденствія на многія лѣта желаю. При сей вѣрной оказіи съ подкопіистомъ канцеляріи моей Трындою шлю тебѣ привѣтъ и почтеніе... Есть къ тебѣ докука и государственная. Его превосходительство губернаторъ, Аркадій Семеновичъ, запросомъ ко мнѣ за № 486 сообщаетъ, что ежели раненые солдаты, находящіеся у лѣкаря Артура Богданова, сына Краузе, облегченіе получили и могутъ по комплекціи своей вновь въ армію приняты быть, то отправить таковыхъ выздоровѣвшихъ на твоихъ подводахъ въ губернію въ его превосходительства распоряженіе... При семъ почитаю за честь просить тебя доставить мнѣ за твоимъ подписомъ подробную аттестацію о поведеніи и заслугахъ милѣйшаго лѣкаря Артура Богданова, сына Краузе, для представленія онаго къ соотвѣтственной черезъ его превосходительство наградѣ. Съ пожe-

ланіемъ и прочее остаюсь преданный тебѣ Предводитель дворянства В. В. К.».

«Подкопiисту Трындѣ, по добротѣ своей, при отпускѣ, болѣе, какъ четвертакъ мѣдью не давай, дабы оный не напился. На крестины ждемъ всенепремѣннѣйше».

Лицо Артура Богдановича изображало глубокое вниманіе и желаніе постичь то, что заключалось въ письмѣ. Иногда онъ кивалъ глубокомысленно головою, давая этимъ понять, что онъ уразумѣлъ написанное. Но когда рѣчь зашла о представленіи къ наградѣ, онъ сразу возсіялъ отъ удовольствія, но въ то же время опустилъ глаза въ землю, приложилъ руку къ сердцу и скромно сказалъ:

— Награда? О, русское правительство есть очень благодарное и великодушное правительство. Это хорошо. Это благородно, но я съ чистымъ сердцемъ говорю, что я награду не заслужилъ.

— Почему же? спросила Екатерина Михайловна.

— Я исполнялъ только свой долгъ и никакой заслуги для русскаго правительства не сдѣлалъ.

— Какъ не сдѣлали? Вы безкорыстно и самоотверженно лѣчили раненыхъ.

— О, да, это правда. Я лѣчилъ раненыхъ и буду просить, чтобы мнѣ прислали еще партію новыхъ раненыхъ, но это ничего не значитъ. Я дѣлалъ, что долженъ былъ дѣлать, и награда должна итти мимо.

Я буду просить Ивана Филипповича не давать мнѣ никакой аттестаціи... Не надо...

— Полноте скромничать, Артуръ Богдановичъ. Вы у насъ такой ученый.

— Можетъ-быть, многоуважаемая Катерина Михайловна, я и есть, какъ вы говорите, человѣкъ ученый, скромно отвѣтилъ лѣкарь, не отнимая руки отъ сердца.—Это все правда, но награду сюда, или сюда я еще не заслужилъ.

Артуръ Богдановичъ при словахъ: «сюда или сюда» показалъ пальцемъ сначала на петлицу своего сюртука, а затѣмъ на свой галстухъ. По его щекамъ игралъ такой выразительный румянецъ, что Екатерина Михайловна ни одной секунды не сомнѣвалась въ томъ, что мысленно онъ уже облюбовываетъ мѣстечко для будущей медали или крестика...

Затѣмъ разговоръ принялъ дѣловой характеръ. Раненые, находившіеся въ госпиталѣ, въ углу парка, на попеченіи Артура Богдановича, поправились всѣ уже настолько, что ихъ можно было бы давно распустить на всѣ четыре стороны. И почтенный докторъ давно сдѣлалъ бы это, если бы это зависѣло отъ него. Но солдаты въ его глазахъ были люди казенные, которыхъ онъ принялъ подъ росписку и долженъ былъ сдать обратно подъ росписку, но кому ихъ сдавать—онъ не зналъ. Кромѣ того, они составляли его медицинскую гордость. Когда въ Воро-

нихино пріѣзжалъ въ гости кто-нибудь изъ сосѣдей-помѣщиковъ, то лѣкарь непремѣнно водилъ гостя въ лазаретъ и съ самодовольной увѣренностью показывалъ откормленныхъ тайно Потапомъ здоровыхъ молодцовъ и говорилъ.

— Это есть моя метода. Вы видите сами, что они здоровы, какъ быки. Но у нихъ были тяжелыя раны отъ сраженія. Въ другомъ госпиталѣ половина должна была умереть, но здѣсь не умеръ ни одинъ. Это есть моя метода лѣченія, которую выдумалъ я, Артуръ Краузе... Да...

— Какая же это чудодѣйственная метода? спрашивалъ гость, удивленный цвѣтущимъ видомъ пацiентовъ.

— Моя метода есть воздержаніе отъ пищи. Я не давалъ больнымъ много кушать...

Гдѣ-нибудь въ сосѣдней комнатѣ раздавалось при этомъ невѣжливое фырканье фельдшеровъ Мотьки и Ваньки, но лѣкарь не обращалъ на это вниманія, а гость уѣзжалъ съ глубокою вѣрою въ искусство лѣкаря, а затѣмъ и славилъ по уѣзду.

— Какъ же вы теперь намѣрены поступить, милый Артуръ Богдановичъ? спросила лѣкаря хозяйка, когда письмо предводителя было прочитано.—Подождете ли вы распоряженій Вани, пока я ему напишу, или же распорядитесь съ солдатами сами?

Артуръ Богдановичъ глубокомысленно подумалъ не менѣе минуты и затѣмъ отвѣтилъ.

— Всѣ мои больные, милая Катеринъ Михайловна, теперь здоровые. Они съ удовольствіемъ должны теперь отправляться въ войско и воевать съ непріятелемъ. Вы ихъ можете смѣло посадить на возы и отправлять къ губернатору. Я не имѣю никакого препятствія, но я долженъ писать губернатору подробный отчетъ и исторію болѣзни про каждаго солдата и я буду писать два дня. Это нужно писать долго и хорошо подумать.

— Значитъ, такъ я и напишу предводителю, Василію Васильевичу.

— О, да, такъ и напишите...

Бурмистръ, стоявшій почти что на вытяжку передъ важной персоной, былъ удивленъ, когда передъ самымъ обѣдомъ въ избу вошелъ лакей съ пакетомъ, запечатаннымъ сургучомъ, и сказалъ этой персонѣ.

— Вотъ тебѣ пакетъ, а вотъ тебѣ барыня жалуетъ четвертакъ серебра на водку. Приказала барыня сказать, чтобы ты кланялся ихъ превосходительству, Василію Васильевичу, и чтобы тутъ не засиживался, а ѣхалъ бы поскорѣе... Да по дорогѣ чтобы не напился, а не то дома къ выпивкѣ тебѣ пропишутъ и горячую закуску... Валяй съ Богомъ по морозцу...

Важная персона не противорѣчила, спрятала конвертъ за пазуху и, взвѣсивъ на ладони четвертакъ, проговорила.

— Маловато выслали... Отъ такихъ богатыхъ господъ можно бы ждать и побольше...

Какъ разъ въ это время къ избѣ бурмистра подкатили двѣ телѣги съ восемью ранеными мужиками - партизанами, присланными Иваномъ Филипповичемъ на излѣченіе къ Артуру Богдановичу. О нихъ тотчасъ же доложили Екатеринѣ Михайловнѣ и лѣкарю. Артуръ Богдановичъ въ ужасѣ всплеснулъ руками и съ досадою воскликнулъ:

— Какъ? Еще восемь мужиковъ? Это уже невозможно! Развѣ Иванъ Филипповичъ не могъ ихъ оставить тамъ, у себя, чтобы они тамъ или выздоравливали, или умирали?! Я не люблю и не хочу лѣчить мужиковъ: у нихъ нѣтъ никакой дисциплины... Нѣтъ, Катеринъ Михайловна, я не могу...

— Но вѣдь они же кровь проливали! взмолилась хозяйка.

— Это все равно. Солдатъ я еще могу лѣчить, потому что этого желаете вы и вашъ мужъ, но простыхъ мужиковъ—никогда. Отъ этого страдаетъ моя гордость...

— Что же мнѣ съ ними дѣлать? спросила чуть не со слезами Груздева.

— Пускай идутъ по своимъ избамъ и тамъ

выздоравливаютъ или умираютъ—какъ хотятъ. Для нихъ есть знахари и знахарки. Но медицина и я, Артуръ Краузе, вовсе не для нихъ... Да ..

— Артуръ Богдановичъ, партизанъ—тотъ же солдатъ и служитъ одному и тому же отечеству, возразила почти строго Екатерина Михайловна.

— О, нѣтъ, увѣренно отвѣтилъ лѣкарь.—Солдатъ есть солдатъ, а партизанъ есть простой мужикъ и все равно, какъ разбойникъ... Это надо тонко понимать...

X.

Осень совсѣмъ вступила въ свои права и принесла съ собою дожди, слякоть, холода и ночные морозы. Дороги стали скверными и совсѣмъ почти непроѣзжими. Иванъ Филипповичъ и его преданные мужики-партизаны сильно терпѣли отъ всѣхъ этихъ невзгодъ и непріятностей, намокали и зябли, но не покидали своего патріотическаго дѣла. Ими было перехвачено за это время не мало непріятельскихъ обозовъ и плѣнныхъ и не одна деревня была спасена ими отъ разграбленія. А набѣги французовъ становились съ каждымъ днемъ все чаще и неистовѣе, потому что положеніе ихъ арміи стало невыносимымъ отъ голода и отъ дурной погоды. Армія Наполеона отступала въ безпорядкѣ, изнуренная и

истощенная, а князь Кутузовъ, слѣдуя за нею по пятамъ, гналъ ее по уже опустошенной дорогѣ. Солдаты поневолѣ разбѣгались изъ-подъ знаменъ и цѣлыми толпами отдавались намъ въ плѣнъ, лишь бы не умереть голодной смертью. Недостатокъ въ провіантѣ доходилъ до того, что иной разъ даже съ трудомъ находили кусокъ мяса или захудалую курицу, чтобы сварить обѣдъ самому Наполеону...

На большихъ и даже на проселочныхъ дорогахъ отъ бѣглыхъ солдатъ-мародеровъ не стало прохода, и нашимъ партизанамъ дѣла было по горло. Рѣдко имъ удавалось даже и отдохнуть.

Между прочимъ одна изъ схватокъ съ французами наградила его прибавленіемъ семейства.

Въ густомъ, темномъ бору, не далеко отъ проѣзжей дороги, грѣлся около костровъ партизанскій отрядъ Груздева, еще недавно освободившійся отъ дѣла съ шайкою мародеровъ и, по привычкѣ, поджидавшій новаго дѣла. Морозецъ пощипывалъ, но мужики только покрякивали отъ удовольствія, и широко размахивая руками, похлопывали себя по бедрамъ и подъ мышками. Въ нѣсколькихъ котлахъ, подвѣшенныхъ надъ кострами, уже закипала каша. Человѣкъ десять партизановъ копались у двухъ возовъ, доставали оттуда деревянныя ложки и хлѣбъ и нарѣзывали его большими ломтями къ обѣду.

Но пообѣдать спокойно не удалось. Прибѣжалъ

вѣстовой, стоявшій у края лѣса на часахъ, и крикнулъ:

— Пдутъ! Человѣкъ сорокъ народу и возовъ штукъ десять!

— На коней! Осмотрѣть ружья! скомандовалъ Иванъ Филипповичъ.—Не шумѣть и не кричать, а какъ всегда...

Котелки, ложки и догоравшіе костры—все было брошено. Въ одну минуту партизаны были уже на лошадяхъ и пробирались лѣсною чащей вслѣдъ за своимъ предводителемъ-помѣщикомъ. Показался вдали обозъ, запряженный изнуренными лошадьми. Груздевъ и Никита стали всматриваться въ даль и на одномъ изъ возовъ разглядѣли какой-то комокъ, похожій на сгорбленную человѣческую фигуру.

— Не то баба, не то дѣвка, пробормоталъ Мизуевъ, прищуривая глаза.

— Да, что-то въ этомъ родѣ, сказалъ Иванъ Филипповичъ.—Заходи, Никита, со своими молодцами справа напередъ, а я ударю въ непріятеля сбоку и сзади.

Партизаны выждали, пока французскій обозъ поравнялся съ лѣсомъ, и дружно ударили въ него съ трехъ сторонъ. Непріятель былъ ошеломленъ неожиданностью и не сразу схватился за ружья; но потомъ раздались выстрѣлы и началась свалка. Часть французовъ была ловко и быстро обезоружена и перевязана, но остальные защищались.

— Проси пардону, останешься живъ! кричали крестьяне.—Мы вашей крови не ищемъ.

Но не всѣ французы догадывались и понимали, что отъ нихъ требуютъ, и не всѣ расположены были сдаваться. Выстрѣливъ по разу изъ ружей и не имѣя времени зарядить ихъ снова, они вытащили изъ ноженъ сабли и схватились въ рукопашную. Французами командовалъ энергичный, мужественный полковникъ лѣтъ сорока. Увидѣвъ, что Иванъ Филипповичъ подошелъ къ возу съ человѣческой фигурой, онъ свирѣпо подлетѣлъ къ нему и крикнулъ по-французски:

— Прочь! Эта дѣвушка—моя добыча!

— Спасите, православные! давно уже кричала дѣвушка съ воза, заслышавъ русскую рѣчь.

— Кто ты такая? спросилъ Иванъ Филипповичъ.

— Дочь помѣщика Лихорева, дрожа отъ страха и вся въ слезахъ, проговорила дѣвушка.—Лиходѣи нашу Лихоревку разграбили и зажгли, батюшку и матушку убили, а меня этотъ офицеръ въ плѣнъ забралъ... Спасите, выручите...

Иванъ Филипповичъ успѣлъ мелькомъ разглядѣть миловидное, молоденькое личико плѣнницы, почти ребенка, и хотѣлъ что-то сказать ей, но въ это время полковникъ грубо оттолкнулъ его ударомъ въ грудь и снова крикнулъ:

— Прочь, разбойникъ!

— Къ барьеру! крикнулъ въ свою очередь оскорбленный Груздевъ,—я русскій офицеръ и требую отъ васъ, какъ отъ офицера же, удовлетворенія.

— Прочь! вновь яростно отвѣтилъ полковникъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ Ивана Филипповича въ упоръ.

Иванъ Филипповичъ вскрикнулъ и схватился лѣвою рукою за правую повыше локтя.

— А, такъ ты вотъ какъ! Такъ ты—убивать! раздался сзади полковника голосъ Никиты Мизуева, и въ ту же минуту французъ свалился, какъ снопъ, отъ удара прикладомъ ружья по темени. Озлобленные партизаны-мужики тутъ же искололи его лежачаго штыками.

Иванъ Филипповичъ почувствовалъ, что у него начинаетъ мутиться въ глазахъ, и опустился на землю.

— Выручайте дѣвушку... Это дочь помѣщика Лихорева.

Никита Мизуевъ подбѣжалъ и наклонился къ нему.

— Баринъ, батюшка! Иванъ Филипповичъ! Вы ранены?

Груздевъ не отвѣтилъ. Онъ былъ въ обморокѣ и лежалъ, все еще сжимая лѣвой рукою правую.

— Бей! Руби! Коли! Не оставляй ни одного

живого! Нашего барина убили! въ изступленіи заоралъ Никита.

И озлобленные за смерть своего барина партизаны начали рубить и колоть безъ сожалѣнія и безъ милосердія. Напрасно нѣкоторые изъ французовъ, видя, что ихъ остается уже мало, падали на колѣни и просили пощадить. Партизаны не знали пощады. Черезъ четверть часа пятьдесятъ непріятельскихъ труповъ были перенесены въ лѣсъ, обысканы и затѣмъ безъ сожалѣнія брошены съ обрыва въ глубокій лѣсной оврагъ. Туда же послѣдовалъ и трупъ полковника.

— Собакѣ собачья и честь! напутствовали его озлобленно крестьяне.—Это тебѣ за барина!

Къ общему удовольствію всего отряда Иванъ Филипповичъ скоро очнулся и всталъ на ноги, а затѣмъ съ помощью Мизуева снялъ съ себя теплый кафтанъ и осмотрѣлъ рану. Правая рука была прострѣлена на вылетъ, но, по счастью, пуля не задѣла кости. На предложеніе испуганнаго Никиты Мизуева ѣхать скорѣе домой, въ Воронихино къ Артуру Богдановичу, онъ отвѣтилъ совершенно серьезно.

— Что ты, Никитушка, Господь съ тобою! Изъза такого пустяка я не стану пугать Катеньку...

Онъ перевязалъ руку чистымъ носовымъ платкомъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ отдавать обычныя распоряженія и прежде всего занялся

спасенной дѣвицей Лихоревой. Ея покойнаго отца онъ зналъ когда-то, но не очень близко: они встрѣчались нѣсколько разъ въ городѣ на дворянскихъ выборахъ. Дѣвица Лихорева, все еще блѣдная и дрожавшая отъ страха, разсказала очень грустную исторію. На ихъ имѣніе, Лихоревку, напалъ отрядъ французовъ и принялся грабить барскій домъ. Отецъ ея, Лаврентій Ивановичъ, не захотѣлъ сдаваться и сталъ стрѣлять въ мародеровъ. За это полковникъ распорядился повѣсить его и его дѣйствительно повѣсили на воротахъ. Мать ея, Прасковья Семеновна, не могла вынести вида, какъ казнили ея мужа, и тоже выстрѣлила въ полковника. Тогда и ее тоже повѣсили рядомъ съ Лаврентіемъ Ивановичемъ. Осталась на свѣтѣ только одна рыдавшая шестнадцатилѣтняя дочь, Олечка. Увидѣвъ ее, полковникъ распорядился, чтобы ей сохранили жизнь, и объявилъ ее своей плѣнницей. Французы все награбленное въ домѣ и въ деревнѣ добро нагрузили на крестьянскіе возы, посадили ее на одинъ изъ возовъ и повезли неизвѣстно куда. А барскій домъ и деревня Лихаревка сгорѣли до тла.

— Несчастные родители мои теперь такъ и висятъ на воротахъ безъ погребенія, заплакала Олечка.

Иванъ Филипповичъ утѣшилъ ее, какъ могъ, и спросилъ.

— А ваши крѣпостные тдѣ же были? Отчего они не защищали своего барина?

— Нѣтъ, они защищали, но только половину ихъ перебили французы, а половина разбѣжалась и попряталась. Дворовые наши всѣ убиты... Даже и старую няньку мою Степановну убили... Хотѣли отнять у нея образъ въ ризѣ, а она не отдавала. Тогда одинъ солдатъ на моихъ глазахъ закололъ ее шашкою... Я теперь—круглая сирота и не знаю, куда мнѣ дѣваться...

— Не безпокойтесь, Ольга Лаврентьевна, отвѣтилъ растроганный Иванъ Филипповичъ.—Я постараюсь, насколько могу, замѣнить вамъ отца, а жена моя Катя навѣрное замѣнитъ вамъ покойную матушку. У нея доброе сердце.

Вскрыли возы. Въ нихъ дѣйствительно оказалось одно только награбленное въ Лихоревкѣ добро.

— Все это, Ольга Лаврентьевна, принадлежитъ вамъ, сказалъ дѣвицѣ Груздевъ.—Все это для цѣлости и сохранности я отправлю въ свое Воронихино, куда милости прошу ѣхать и васъ. Проводитъ васъ туда вѣрный человѣкъ и сдастъ прямо на руки женѣ... Послѣ разберемся, а теперь утѣшьтесь... Кланяйтесь тамъ моей супругѣ и передайте ей, что я здоровъ и что мы съ нею скоро увидимся...

Везти барышню Лихореву былъ отряженъ Никита Мизуевъ, которому строго было приказано мол-

чать о томъ, что баринъ раненъ. Партизанамъ было отдано распоряженіе сидѣть два дня въ Покровскомъ до возвращенія Мизуева. А самъ Иванъ Филипповичъ, подъ предлогомъ переговорить съ начальствомъ, уѣхалъ на короткое время въ городъ. На самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду показать свою прострѣленную руку городскому лѣкарю.

Отправляя барышню Ольгу Лаврентьевну къ себѣ въ Воронихино и прощаясь съ нею, онъ не назвалъ ее по имени и отчеству, а ласково сказалъ:

— Счастливый путь, дочка богоданная! Скоро увидимся. Утѣшьтесь сами поскорѣе и утѣшайте мою Катеньку. А о погребеніи вашихъ родителей я самъ позабочусь. Пошлю туда нарочныхъ.

Къ великой радости Ивана Филипповича городской лѣкарь нашелъ его рану совсѣмъ не опасной, перевязалъ ее, какъ слѣдуетъ, прописалъ примочку и отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Черезъ два дня Груздевъ былъ уже опять въ Покровскомъ и, держа руку на перевязи, уже командовалъ своими храбрыми мужиками-партизанами.

Вернулся къ этому времени и Никита Мизуевъ, онъ привезъ изъ Воронихина массу поклоновъ, пожеланій, письма отъ Екатерины Михайловны и Артура Богдановича, двѣ собственноручно связанныхъ нѣжною супругою гарусныхъ фуфайки, цѣлый коробъ новостей и огромную корзину съ домашней

провизіей и съ напитками. О напиткахъ особенно хлопоталъ Артуръ Богдановичъ и прислалъ даже длинный рецептъ, когда должно пить ерофѣичъ, когда сорокатравникъ и когда наливки. Узнавъ изъ письма жены, что губернаторъ требуетъ обратно раненыхъ солдатъ и что лѣкарь пишетъ длинный отчетъ, Груздевъ сказалъ:

— Ты, Никита, пріѣхалъ; стало-быть, завтра же можно и въ походъ...

Иванъ Филипповичъ не особенно берегъ себя и всю слѣдующую ночь просидѣлъ со своимъ отрядомъ въ засадѣ и порядочно продрогъ, но старался держать себя бодро. На утро партизаны забрали проходившій мимо транспортъ и около пятидесяти плѣнныхъ.

XI.

Письмо предводителя объ обратной высылкѣ раненыхъ въ армію стало въ Воронихинѣ цѣлымъ событіемъ. Екатерина Михайловна захлопотала, Артуръ Богдановичъ засѣлъ писать обширнѣйшій отчетъ, дворовыя дѣвушки были посажены за шитье бѣлья для солдатъ и въ конюшнѣ началась суетливая ковка лошадей. Словомъ, вся усадьба встала на ноги. Нашлось какое-то дѣло даже и для сироты—богоданной дочки—Ольги Лаврентьевны. День

отъѣзда солдатъ нѣсколько разъ назначался и нѣсколько разъ откладывался, потому что лѣкарь никакъ не могъ справиться съ отчетомъ.

Наконецъ, наступило воскресеніе—самое обыкновенное воскресеніе,—но въ Воронихинѣ оно приняло особый праздничный видъ. Въ деревенской церкви утромъ была отслужена обѣдня, на которую послѣ «Достойно» пришли помѣщица, Олечка и Артуръ Богдановичъ. Почти у самаго амвона, впереди всѣхъ, стояли, выстроившись въ двѣ шеренги, по военному, раненые, которымъ священникъ, послѣ окончанія обѣдни, сказалъ напутственное слово и отслужилъ напутственный молебенъ съ многолѣтіемъ, какъ отъѣзжающимъ, такъ и всему христолюбивому воинству.

Когда кончилась служба и народъ вышелъ изъ церкви, то вся церковная ограда и окружающая площадь оказались полны народа. Высыпала вся деревня съ такимъ любопытствомъ, какъ будто бы предстояло какое-то торжество. Но особеннаго не было ничего. Солдаты выстроились попарно и ровнымъ воинскимъ шагомъ промаршировали черезъ деревню обратно къ себѣ въ госпиталь. За ними, какъ за какими-нибудь невиданными звѣрями, потянулся и народъ съ цѣлою гурьбою мальчишекъ и дѣвчонокъ, назойливо вертѣвшихся у солдатъ подъ самыми ногами.

На барскомъ дворѣ стояли три запряженныхъ телѣги, высоко набитыя мягкимъ сѣномъ для сидѣнія. Въ нихъ еще съ утра были уложены убогіе солдатскіе пожитки. Вокругъ нихъ, тоже какъ будто около чего-то невиданнаго, толпился деревенскій народъ. Мужики дѣловито оправляли на лошадяхъ упряжь и поглаживали имъ лбы и чолки; по временамъ къ возамъ подходили бабы и, крестясь, запихивали въ сѣно хлѣбъ, бутылку, узелокъ съ яблоками или что-нибудь въ родѣ этого.

Около самаго барскаго дома, въ саду, у трехъ сдвинутыхъ вмѣстѣ столовъ, покрытыхъ скатертью, хлопоталъ поваръ Потапъ и двое поварятъ. Въ парадныхъ дверяхъ барскаго дома показался Артуръ Богдановичъ и особенно важнымъ голосомъ приказалъ громко одному изъ дворовыхъ.

— Эй, ты! Иди въ лазаретъ и зови солдатъ кушать. Барыня Катеринъ Михайловна желаетъ, чтобы они въ послѣдній разъ кушали свой послѣдній обѣдъ въ саду торжественнымъ образомъ.

Дворовый помчался во весь духъ въ глубь парка, къ госпиталю, и за нимъ хлынула часть толпы. Скоро показались и солдаты, маршировавшіе попарно по направленію къ саду. Толпа почтительно разступилась передъ ними и давала дорогу, называя ихъ соколиками, молодцами и другими ласкатель-

ными именами. Въ саду ихъ встрѣтилъ Потапъ и съ почетомъ усадилъ за столъ.

— Милости просимъ, господа солдатики, хлѣба-соли откушать въ остатній разъ. Садись, ребятушки, садись дружнѣй и кушай веселѣй... Нынче обѣдъ будетъ безъ докторскаго приказу: матушка барыня разрѣшила передъ отъѣздомъ съ водочкой...

Потапъ лукаво подмигивалъ и улыбался. Улыбались также и солдаты. Глядя на нихъ, улыбалась также и окружавшая ихъ толпа, улыбалась, хотя и сама не знала чему. Обѣдъ былъ праздничный, жирный и сытный. Партизаны, глядя на щи, только покряхтывали и не безъ зависти глотали слюнки.

Ко второму блюду вышли Екатерина Михайловна и Артуръ Богдановичъ. При ихъ появленіи солдаты почтительно встали.

— Хлѣбъ да соль, привѣтливо сказала хозяйка. — Привелъ Богъ познакомиться и свидѣться, пришло время и разстаться. Очень я рада тому, что вы всѣ выздоровѣли и поправились, и довольна вами за то, что вы вели себя скромно и тихо. Дай Богъ вамъ счастливаго пути и удачи. Ежели чѣмъ вамъ у меня тутъ не угодили или что не такъ вышло, то не прогнѣвайтесь. Можетъ-быть, на ваше мѣсто пришлютъ другихъ раненыхъ—буду очень рада и имъ. Передъ отъѣздомъ бурмистръ выдастъ вамъ кое-что изъ бѣлья въ дорогу и по полушубку... Ну,

дай вамъ Богъ всего хорошаго и не поминайте лихомъ.

Екатерина Михайловна привѣтливо кивнула головой и удалилась. Къ столу подошелъ Артуръ Богдановичъ. Онъ давно уже и съ нетерпѣніемъ ждалъ момента для того, чтобы напутствовать публично своихъ бывшихъ пацієнтовъ. Наливъ въ стаканъ сладкой вишневки, онъ поднялъ ее вровень со своей головой и началъ:

— Ну, вотъ, солдаты, славу Богу, вы уже уѣзжаете отъ меня. И вы довольны, и я доволенъ, и мы всѣ довольны. Вы уже здоровы, какъ быки, и будете жить и сражаться еще сто лѣтъ... Я очень доволенъ, что имѣлъ въ своемъ лазаретѣ такихъ послушныхъ больныхъ, какъ вы, которые знаютъ, что такое есть дисциплина. Это есть пріятно. Я вамъ не давалъ много кушать и вы черезъ это сердились на меня, но черезъ это вы теперь есть здоровые и бодрые для отечества солдаты и я буду пить этотъ стаканъ за ваше здоровье. Когда васъ кто-нибудь будетъ любопытно спросить, кто васъ сдѣлалъ такими здоровыми, вы ничего не говорите, а только скажите: Артуръ Краузе. Когда вы будете представляться губернатору и онъ васъ спроситъ, скажите: докторъ Артуръ Краузе. И даже когда самъ фельдмаршалъ Кутузовъ спроситъ васъ объ вашемъ здоровьѣ, то вы тоже скажите только три

слова: докторъ Артуръ Краузе... Ваше здоровье, господа солдаты! Ура!

Солдаты грянули «ура». За ними закричала и деревенская публика. Артуръ Богдановичъ принялъ это на свой счетъ, приложилъ руку къ сердцу и съ достоинствомъ раскланялся.

Послѣ обѣда стали прощаться и благодарить и направились къ телѣгамъ. Тамъ уже поджидалъ ихъ бурмистръ съ полушубками и бѣльемъ. Послѣдовала новая сцена прощанія. Кое у кого навернулись на глаза слезы. Прощались просто, безъ затѣй, но отъ души. Увидѣвъ въ окнѣ Екатерину Михайловну, солдаты самымъ сердечнымъ образомъ поклонились ей до земли. Она махнула изъ окна платкомъ и, кажется, поднесла платокъ къ глазамъ. По командѣ старшаго солдаты вскочили на возы, усѣлись, перекрестились и тронулись въ путь. Послѣднимъ простился съ ними лѣкарь. Онъ стоялъ на парадномъ крыльцѣ и кричалъ:

— Прощайте, солдаты! Не забывайте, что я есть докторъ Артуръ Краузе!..

Телѣги выѣхали изъ барской усадьбы, проѣхали всю деревню; миновали околицу и, протянувъ версты полторы, вступили въ лѣсокъ. Здѣсь неожиданно въ разныхъ мѣстахъ раздался свистъ и изъ-за деревьевъ выскочили четыре человѣка съ огромными дубинами, загородили дорогу и закричали.

— Стой! Отдавай всѣ деньги, какія есть!

Разбойники захохотали и стали весело сгонять съ телѣгъ смѣющихся солдатъ. Это были поваръ Потапъ, его помощникъ и фельдшера, Митька и Ванька. Потапъ подошелъ къ солдатамъ, отвѣсилъ степенный поклонъ и проговорилъ.

— Милости просимъ, христолюбивое воинство, принять угощеніе и отъ насъ. Пожалуйте на лужайку... У насъ все для васъ готово...

Вдали между деревьевъ на зеленой травѣ виднѣлась бѣлая скатерть съ посудою и съ двумя большими бутылями въ серединѣ...

Весь сентябрь и октябрь Иванъ Филипповичъ Груздевъ нагонялъ страхъ на французовъ своимъ храбрымъ партизанскимъ отрядомъ и совершилъ не мало доблестныхъ дѣлъ. Но всему бываетъ конецъ. Наполеонъ принужденъ былъ позорно бѣжать изъ Россіи и съ огромными потерями перешелъ черезъ рѣку Березину обратно въ Европу. Отъ его нѣкогда великой и грозной арміи остались лишь ничтожные остатки. Въ предѣлахъ Россіи все еще бродили шайки полузамерзшихъ мародеровъ, но теперь они были уже не страшны. Съ ними теперь справлялись не только мужики, но даже и деревенскія бабы. Партизанамъ уже нечего было дѣлать и всѣ они вер-

нулись въ родныя села. Вернулся и Груздевъ. Свиданіе, конечно, было радостное.

Одно только огорчило Ивана Филипповича—это отношеніе Артура Богдановича къ мужикамъ-партизанамъ, которыхъ онъ изъ гордости и презрѣнія отказался лѣчить. Между помѣщикомъ и лѣкаремъ произошла размолвка. Нуждавшіеся въ помощи мужики - партизаны были помѣщены въ госпиталь въ углу парка и къ нимъ былъ приглашенъ другой лѣкарь—молодой человѣкъ, къ ужасу Артура Богдановича, не вѣрившій въ діэту.

Вернувшись домой, Груздевъ тотчасъ же написалъ и послалъ съ Никитою Мизуевымъ фельдмаршалу князю Кутузову отчетъ о своихъ партизанскихъ дѣйствіяхъ и получилъ отъ него благодарственное письмо.

Скоро жизнь потекла по старому. Никитѣ Мизуеву Иванъ Филипповичъ далъ отпускную. Бывшій господскій музыкантъ сталъ вольнымъ человѣкомъ, перебрался въ Москву, организовалъ тамъ собственный оркестръ и сталъ играть на балахъ и въ возобновившихся послѣ пожара театрахъ.

Черезъ годъ Ивану Филипповичу былъ присланъ изъ Петербурга орденъ за заслуги. Артуръ Богдановичъ тоже получилъ медальку, но остался ею недоволенъ, потому что ждалъ большаго.

Ольга Лаврентьевна, родители которой погибли

отъ французовъ, заняла въ семьѣ Груздевыхъ мѣсто родной дочери. Черезъ нѣсколько лѣтъ Иванъ Филипповичъ и Екатерина Михайловна выдали ее замужъ за сосѣдняго помѣщика и скоро у Груздевыхъ появились внучата, пріѣзжавшіе очень часто гостить. Когда они подросли и стали уже любознательны, Иванъ Филипповичъ, сидя въ зимніе вечера у огонька въ каминѣ, подолгу разсказывалъ имъ о своихъ партизанскихъ подвигахъ и похожденіяхъ *). Онъ разсказывалъ, а они внимательно слушали.

А. Сѣдой.

*) Разсказывалъ онъ имъ, какъ Наполеонъ со своей громадной арміей не выдержалъ одновременной борьбы съ нашей арміей и съ партизанами, и принужденъ былъ бѣжать изъ Россіи. Партизаны и народъ страшно обезсилили его, а затѣмъ доконали и рано наступившіе трескучіе морозы. Партизаны же въ частности нанесли французамъ много вреда и о нихъ помнитъ русскій народъ.

Исторія одного барса.

I.

Въ началѣ ноября выпалъ снѣгъ въ окрестностяхъ Астрабада, запорошилъ горныя вершины и глубокими сугробами залегъ по оврагамъ. Правда, на солнечныхъ мѣстахъ онъ скоро началъ таять, отчего по дорогамъ пошла непролазная грязь, и горные ручьи разлились въ могучіе желтые потоки, но все-таки сильно похолодило и дрова на базарѣ стали дороже. Вотъ почему Хуссейнъ, молодой, крѣпкій дровосѣкъ, собрался въ лѣсъ, хоть и нелегко было пробраться туда теперь по скользкимъ тропинкамъ.

Раннимъ утромъ Хуссейнъ крѣпко подтянулъ поверхъ рванаго зеленаго халата свой длинный бѣлый поясъ, засунулъ за него трубку, нахлобучилъ на голову засаленную кола (круглая войлочная шляпа) и вышелъ на дворъ. Маленькій сѣрый осликъ, рав-

нодушно пережевывавшій солому, неодобрительно покосился на него.

Хуссейнъ взялъ свой топоръ съ лезвеемъ въ формѣ тигроваго когтя и съ паланомъ (грузовое сѣдло) въ рукахъ подошелъ къ нему. Огромное плоское сѣдло покрыло осла отъ холки до самаго крестца. Хуссейнъ надѣлъ ему на морду недоуздокъ, усѣлся верхомъ и, подгоняя пятками упрямое животное, выѣхалъ на улицу, а потомъ черезъ ворота своей деревни на дорогу.

Еще все спало. Заря сіяла надъ Туркменской степью, заливая розовымъ свѣтомъ густой кустарникъ, которымъ поросла вся низменность у Астрабада. Когда взошло солнце, Хуссейнъ, выбравъ мѣсто почище и посуше, отошелъ отъ дороги и сталъ молиться. Онъ обернулся лицомъ къ Меккѣ на юго-западъ, досталъ изъ мѣшочка кусочекъ священной меккской земли, положилъ его на платокъ и усердно билъ поклоны, касаясь каждый разъ лбомъ этого маленькаго обломка глины. Солнце весело смотрѣло на землю, небо было ярко-голубое, и все предвѣщало хорошій день.

Еще версты двѣ Хуссейнъ ѣхалъ верхомъ на своемъ ослѣ, безпечно покуривая трубку и болтая ногами. Но тропинка пошла въ гору, бѣдный оселъ то и дѣло скользилъ, и Хуссейну пришлось слѣзть

и мѣсить глину на тропинкѣ босыми, бронзовыми отъ загара, ногами.

Путники подвигались медленно. Долго по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись заросли дикаго гранатника, перевитаго колючей ежевикой, на которой кое-гдѣ виднѣлись темно-лиловыя ягоды, потомъ пошелъ лѣсъ покрупнѣе, и чѣмъ выше поднимались они, тѣмъ глуше и чаще становился онъ. Деревья облетѣли, только нѣкоторыя сохраняли еще свои роскошные золотые и красные уборы; но вѣтви надъ головой переплетались такъ густо, что внизу стоялъ полумракъ. Шаги мягко звучали по толстому слою опавшихъ листьевъ, пахло сыростью, грибами и мокрой землей.

Хуссейнъ устало шагалъ по тропинкѣ, ища упавшее сухое дерево. Не его топору было подъ силу одолѣть толстый и здоровый кленъ, букъ или орѣхъ; зато его острымъ когтемъ удобно было отрубать засохшія вѣтви. Какъ на зло ничего подходящаго не попадалось, а чаща становилась все глуше и мрачнѣе. Тропинка скоро совсѣмъ затерялась, и Хуссейнъ шелъ по цѣлинѣ. Наконецъ, онъ увидалъ большое упавшее дерево. Его сухая вершина лежала на сломавшемся отъ удара маленькомъ дубѣ, корявыя вѣтви торчали во всѣ стороны, длинной черной змѣей перевивала ихъ засохшая виноградная лоза. и длинными бородами свѣшивался сѣрый мохъ. Стволъ,

обхвата въ полтора толщиною, придавилъ нѣсколько меньшихъ деревьевъ, а вывороченные вмѣстѣ съ землею корни оставили послѣ себя глубокую яму и, точно щупальца какого-то сказочнаго чудовища, висѣли надъ ней. Однако, Хуссейнъ не осматривался долго. Вся земля кругомъ была усыпана обломками сухихъ вѣтвей. Онъ живо принялся собирать ихъ; въ нѣсколько минутъ два большихъ вьюка были плотно связаны веревками и нагружены на осла. Но сколько тутъ можно еще добыть дровъ? Стоитъ разъ-другой ударить топоромъ, а оселъ ничего! Онъ снесетъ и не такую тяжесть. Хуссейнъ подошелъ подъ дерево, изо всѣхъ силъ размахнулся и ударилъ топоромъ по толстой вѣтви. Стукъ гулко прокатился по лѣсу; какой-то шумъ, будто отъ чьихъ-то быстрыхъ прыжковъ, отвѣтилъ ему. Хуссейнъ оглянулся: сквозь вѣтви на него холодными, сѣрыми глазами смотрѣлъ барсъ.

Звѣрь прилегъ, положилъ круглую голову на переднія лапы и смотрѣлъ. Хуссейнъ прислонился къ толстому стволу дуба и, закрытый сплетенными вѣтвями, ждалъ, сжимая въ рукѣ топоръ. Бываютъ минуты, когда безвыходность положенія придаетъ храбрость самымъ трусливымъ людямъ. То же было и съ Хуссейномъ. Вообще человѣкъ неробкаго десятка, онъ понималъ, что бѣгство невозможно и рѣшилъ биться не на жизнь, а на смерть. Барсу нельзя

было прыгнуть,—мѣшала путаница вѣтвей. Онъ прижалъ уши, огромные когти переднихъ лапъ то раскрывались, то сжимались, проводя глубокіе борозды по мокрымъ листьямъ; черный кончикъ хвоста мелькалъ, какъ большая муха.

Минуту человѣкъ и звѣрь смотрѣли другъ на друга, потомъ барсъ вытянулся и, какъ змѣя, быстро поползъ по землѣ. Вотъ онъ у самыхъ ногъ Хуссейна... вотъ поднялъ страшную переднюю лапу, Хуссейнъ взмахнулъ топоромъ и битва началась. Вѣтви мѣшали обоимъ. Съ неописуемой быстротой и ловкостью барсъ нападалъ со всѣхъ сторонъ: запутавшись, изгибаясь змѣей, онъ бѣшено билъ передними лапами, и вѣтви трещали и ломались подъ его ударами.

Порой онъ пробирался такъ близко къ Хуссейну, что, казалось, онъ рукой можетъ достать до его головы съ открытой красной пастью и острыми бѣлыми клыками, и горячимъ смрадомъ обдавало его дыханіе звѣря. Но вѣтви были слишкомъ густы, и барсу приходилось отступать.

Отчаявшись добраться до человѣка по землѣ, звѣрь въ два прыжка очутился на вершинѣ дуба; но тамъ виноградная лоза свилась въ непроходимый клубокъ. Тогда онъ пробѣжалъ по стволу упавшаго дерева и съ высоты бросился на Хуссейна. Казалось, тотъ погибъ. Барсъ лежалъ на толстой вѣтви

и, свѣсившись, передними лапами ловилъ Хуссейна, но онъ упалъ на колѣни и бѣшено отбивался топоромъ.

Видно, не въ этотъ день была предназначена ему смерть. Уже усталый отъ быстрыхъ безпрестанныхъ поворотовъ, Хуссейнъ съ отчаянія рѣшилъ самъ напасть. Замахнувшись лѣвой рукой, онъ перехватилъ топоръ въ правую и изо всѣхъ силъ ударилъ барса по головѣ. Звѣрь отшатнулся, завылъ и побѣжалъ. Какъ сквозь сонъ, Хуссейнъ видѣлъ, какъ онъ прыгнулъ въ яму у корней дерева и выскочилъ оттуда, что-то неся во рту. Мгновеніе, и онъ скрылся въ чащѣ.

«Самка съ маленькимъ!» мелкнуло въ головѣ у Хуссейна. Онъ побѣжалъ къ ямѣ, спустился туда,— на мягкой подстилкѣ изъ листьевъ пищали два сѣрыхъ котенка. Онъ сунулъ ихъ за пазуху, выскочилъ изъ ямы, отвязалъ осла, который въ безумномъ ужасѣ передъ барсомъ едва не удавилъ себя веревочной петлей, державшей его невольнымъ свидѣтелемъ битвы, и погналъ его внизъ. Но его не нужно было торопить: и оселъ, и Хуссейнъ во весь опоръ мчались прочь отъ страшнаго мѣста.

II.

Въ Астрабадѣ Хуссейнъ продалъ барсятъ въ русское консульство за цѣлыхъ четыре тумана (около

7 рублей). Такого количества денегъ давно не бывало въ его рукахъ!

Весело погналъ онъ на базаръ своего осла, на которомъ какимъ-то чудомъ во время скачки уцѣлѣли вьюки дровъ, и за хвастливыми разсказами о своемъ приключеніи позабылъ и страхъ. и усталость, и сама встрѣча съ барсомъ стала казаться ему такой удачной, что онъ, пожалуй, не прочь былъ бы повторить ее.

Барсятъ посадили въ деревянный ящикъ, устланный сѣномъ. Еще слѣпые, рожденные едва три-четыре дня тому назадъ, они еле ползали взадъ и впередъ, безпомощно тыкаясь розовыми носами въ его стѣнки. Величиной съ кошку, они были одѣты короткой пушистой шкуркой, сѣрой съ неправильными черными пятнами. Ихъ слабыя лапки не въ силахъ были поднять несоразмѣрно большія круглыя головы, и короткіе тонкіе хвосты совсѣмъ не походили на великолѣпный пушистый хвостъ взрослаго звѣря. Эти малютки были жалки и совершенно безпомощны; перевернутые на спину они едва могли снова стать на ноги, стоило дать имъ палецъ или тряпку, они принимались съ ожесточеніемъ сосать ихъ.

Скоро барсята проголодались и стали кричать. Голосъ ихъ сразу показалъ, что въ ящикѣ сидѣли не простые котята. Прямо не вѣрилось, что такіе маленькіе звѣрьки могли издавать столь громкіе

звуки. Ихъ крикъ походилъ на громкое, протяжное мяуканье разозленной кошки, но былъ куда громче и рѣзче. Если и голосъ кошки не можетъ похвалиться особенной красотой, то ужъ концертъ, раздававшійся въ ящикѣ, конечно, никому не доставилъ бы удовольствія. И чѣмъ дальше, тѣмъ громче, злѣе и пронзительнѣй кричали барсята.

Толстая прачка Настасья взяла ихъ на свое попеченіе. Сначала она пробовала поить ихъ коровьимъ молокомъ съ блюдечка; но барсята не умѣли лакать. Тогда молоко налили въ бутылку и попробовали кормить ихъ соской, но они упорно отворачивали отъ нея свои мордочки.

— Вотъ бѣда! Неужто не будутъ ѣсть коровьяго молока,—говорила Настасья.—Пропадутъ!..

Но когда барсятамъ попробовали дать подогрѣтое молоко, они принялись сосать очень исправно. Смѣшно было глядѣть на нихъ. Захлебываясь, жмурясь, они тянули изо всѣхъ силъ, молоко текло по ихъ мордочкамъ, и тогда они сердито отфыркивались.

Настасья обоихъ держала на колѣняхъ; они, неуклюже ворочаясь, лапами и головами отталкивали другъ друга отъ соски. Наѣвшись, они забивались въ дальній уголъ ящика и засыпали, прижавшись другъ къ другу.

Дни шли, а барсята только и дѣлали, что ѣли да спали; проснувшись, опять требовали молока, а

если имъ его не давали, то принимались кричать. Одинъ изъ нихъ былъ бойчѣе; онъ чаще другого ползалъ по своему ящику и, натыкаясь на стѣны, дѣлалъ попытки подняться на заднія лапки,—это ему не удавалось, звѣрекъ злился и царапалъ доски нѣжными, полупрозрачными коготками.

Другой, видимо, чахнулъ. Днемъ и ночью онъ лежалъ въ углу ящика, молоко сосалъ неохотно и, какъ ни старались выходить его, въ одно утро его нашли мертвымъ, уже окоченѣвшимъ.

Всѣ заботы сосредоточились на оставшемся въ живыхъ, и онъ росъ, шерстка становилась гуще и пушистѣй и, наконецъ, на седьмой день плѣна барсенокъ впервые открылъ глаза. Словно что-то особенное случилось въ домѣ,—всѣ приходили глядѣть на него, и, дѣйствительно, посмотрѣть стоило. Круглые, большіе глаза звѣрка не были зелеными, какъ у кошки, ни сѣрыми, какъ у взрослаго барса. Они были голубые, настоящаго нѣжно-голубого цвѣта, только чуть тусклаго.

Еще два-три дня, и прозрѣвшій барсенокъ рѣшилъ, что ящикъ слишкомъ малъ для его владѣнія. Онъ уже могъ немного прыгать и лазать; цѣпляясь за выступы и трещины досокъ, онъ взбирался и, упираясь головой, старался поднять крышку ящика, валился, снова лѣзъ, снова падалъ, и такъ цѣлыми часами подрядъ, пока усталость не одолѣвала его.

Тогда, свалившись въ послѣдній разъ, онъ разражался цѣлымъ концертомъ отчаяннаго мяуканья. Однако, отдохнувъ, онъ принимался за прежнія попытки,—въ маленькомъ звѣркѣ просыпалась ловкость и настойчивость его дикихъ, свободныхъ предковъ.

Барсенокъ былъ самкой; пока ему придумывали какое-нибудь красивое, звучное имя, всѣ звали его Котей, а потомъ понемногу эта кличка закрѣпилась за нимъ. Это нѣжное и ласковое прозвище не подходило, пожалуй, къ дѣтенышу хищнаго звѣря; но, хоть и сердитый и своенравный, барсенокъ былъ такъ малъ и безпомощенъ, что всѣ съ ласкою относились къ нему. Правда, онъ уже могъ царапаться отросшими коготками; но его тонкіе острые клыки были такъ малы, что ему было не подъ силу прокусить кожу.

Черезъ двѣ недѣли Котя уже бѣгалъ и прыгалъ совершенно свободно, и всю комнату отвели въ его распоряженіе. Здѣсь на кучѣ досокъ, сломанныхъ столовъ и стульевъ онъ могъ свободно производить свои гимнастическія упражненія, прятаться въ темныхъ углахъ и въ любомъ мѣстѣ устраивать свое ложе изъ тряпокъ.

Уже давно Котя самъ лакалъ молоко; теперь ему стали давать овсянку съ костями, и послѣднимъ онъ рѣшительно отдавалъ преимущество. Едва

чашку съ кормомъ вносили въ комнату, барсенокъ вылѣзалъ изъ какого-нибудь закоулка и первымъ дѣломъ, вытащивъ большую кость, принимался грызть ее съ ухватками истаго хищнаго звѣря.

И чѣмъ больше и сильнѣе становился молодой звѣрекъ, тѣмъ рѣзче и рѣзче проявлялись въ его характерѣ черты настоящаго барса—хитрость, злоба и настойчивость. Онъ любилъ, спрятавшись между наваленными досками, выжидать, пока кто-нибудь войдетъ въ комнату, и тогда сзади бросаться на него. Забавно бывало слѣдить за нимъ, когда изъ-подъ опрокинутаго стула виднѣлась одна его круглая голова съ широко раскрытыми голубыми глазами. Долго, долго сидѣлъ онъ неподвижно, видя, что за нимъ наблюдаютъ; стоило отвернуться и онъ бросался.

Двухмѣсячный Котя былъ ростомъ уже съ небольшую собаку, но, благодаря короткимъ лапамъ, казался меньше. Теперь онъ, пожалуй, не дался бы въ обиду и злой овчаркѣ, и его иногда выпускали побѣгать по всему дому. Низко припадая къ полу, безшумно ступая бархатными лапами, онъ обѣгалъ одну комнату за другой, все обнюхивалъ, карабкался по мебели, словно большой барсъ, точилъ свои когти о ножки стульевъ и въ концѣ концовъ исчезалъ.

Послѣ долгихъ поисковъ его обыкновенно находили затаившимся въ какой-нибудь засадѣ, если

онъ самъ раньше не выдавалъ себя внезапнымъ нападеніемъ.

Всѣ въ домѣ носили на себѣ слѣды его когтей и зубовъ; но все какъ-то прощалось ему, пока онъ не совершилъ перваго настоящаго подвига.

На этотъ разъ, послѣ долгихъ поисковъ засады, Котя забрался по портьерѣ вверхъ и оттуда прыгнулъ прямо на шею лакею Хассану, несшему на подносѣ груду тарелокъ. Тарелки полетѣли; испуганный неслыханнымъ грохотомъ Котя удралъ и забился въ свой старый ящикъ, но у Хассана остались на шеѣ глубокіе слѣды когтей.

Барсенка разыскали и произвели надъ нимъ ужасную операцію стрижки когтей и подпиливанія зубовъ; мало того, подвергли его долгому заключенію въ комнатѣ.

Нѣсколько дней Котя дичился и даже къ чашкѣ, полной вкусныхъ костей не подходилъ, пока кто-нибудь былъ въ комнатѣ, потомъ забылъ все и сталъ прежнимъ рѣзвымъ звѣркомъ.

Порой нападали на него припадки игриваго настроенія. Какъ бѣшеный, онъ носился взадъ и впередъ, ловилъ мухъ, подпрыгивая и смѣшно хлопая въ воздухѣ лапами, и—о, позоръ для гордаго племени барсовъ!—отъ души увлекался игрой съ бумажкой, привязанной на веревочку.

Зима кончалась, когда Котю въ первый разъ

выпустили въ садъ съ его разнообразнымъ населеніемъ. Здѣсь бродили куры, утки, индюшки и гуси; двѣ овчарки защищали птичій дворъ отъ нападеній шакаловъ; пара пушистыхъ ягнятъ, бѣлый и черный, и оселъ паслись подъ деревьями, но красу и гордость этого звѣринца составляла пара джейрановъ, небольшихъ, но удивительно стройныхъ и изящныхъ антилопъ.

Было тепло и ясно, въ самомъ воздухѣ чувствовалось, что еще мѣсяцъ, и весна побѣдитъ зиму.

Когда Котя робко выбрался за порогъ дома и солнечные лучи ударили ему въ глаза, онъ, ошеломленный тысячью запаховъ, несшихся со всѣхъ сторонъ, легъ на желтой травѣ, покрывавшей землю. Но смущеніе его продолжалось недолго; онъ поднялся и сначала медленно, потомъ все скорѣй и скорѣй побѣжалъ по саду.

Что это за стадо бѣлыхъ, черныхъ и пестрыхъ птицъ, разгребающихъ землю? Котя остановился и подумалъ. Нѣтъ, онѣ не страшны... И этихъ тоже бояться нечего,—бѣлыхъ съ длинными шеями. Не попробовать ли поймать одну? И Котя поползъ, прячась за каждой неровностью земли.

Вдругъ наперерѣзъ ему бросилось косматое и лающее чудовище, за нимъ другое. Горячая ненависть вспыхнула въ сердцѣ барсенка, загорѣлось

желаніе бытвы, желаніе вцѣпиться отростшими зубами въ загривокъ одной изъ этихъ овчарокъ; но сила была не на его сторонѣ, и Котя благоразумно взобрался на дерево.

И въ первый разъ его горло издало гортанное, дребезжащее ворчаніе, слабый намекъ на голосъ большого звѣря.

Собакъ отогнали, и Котя могъ продолжать свою прогулку. Опять новые запахи дразнили его, но онъ, помня первую неудачу, стойко прошелъ мимо ягнятъ. Еще нѣсколько шаговъ, и еще запахъ, сильный и острый, ударилъ въ его широко раздутыя ноздри, и онъ не устоялъ, разомъ прилегъ на землю и поползъ.

Это былъ слѣдъ джейрана.

Котя скользилъ по травѣ съ быстротой и ловкостью змѣи, пересѣкъ полосу кустарниковъ и тамъ на залитой солнцемъ полянкѣ увидѣлъ звѣря.

Онъ замеръ, какъ каменное изваяніе. Его пестрая шкура слилась съ опавшими листьями, голова казалась маленькой кочкой, и одни живые глаза горѣли, какъ круглые сапфиры. Онъ ждалъ, чтобы пасшійся джейранъ подошелъ поближе, и тогда...

Но тутъ изъ кустовъ на поляну выступило большое круглое чудовище и пошло прямо на Котю. Красная голова, носъ съ болтающимся мясистымъ наростомъ, растопыренныя крылья и хвостъ коле-

сомъ,—мы всѣ сразу узнали бы въ этомъ страшилищѣ безобиднаго индюка. Но Котя видѣлъ его въ первый разъ. И когда индюкъ затрясъ головой и громко заболталъ на своемъ непонятномъ нарѣчіи, Котя не выдержалъ, повернулся и во весь опоръ бросился назадъ къ дому и спрятался въ юбкѣ прачки Настасьи.

III.

Близилась весна, становилось теплѣе, да и нетрудно было ей побѣдить эту южную зиму, капризную и непостоянную. То небо сине, солнце сіяетъ надъ вершинами огромныхъ чинаръ, осѣняющихъ городъ,—въ декабрѣ еще цвѣли красныя вьющіяся розы; то найдутъ темныя, сѣрыя тучи, пойдетъ снѣгъ, и странно было глядѣть на его бѣлыя шапки, лежавшія на листьяхъ пальмъ и пучкахъ красныхъ розъ, а потомъ снова солнце, и опять все стаяло.

Въ концѣ февраля что-то новое появилось въ воздухѣ, и онъ сталъ какой-то живой и бодрящій. Снѣгъ больше не шелъ, а граница его все выше и выше отступала въ горы.

Въ началѣ марта изъ-подъ слоя сухихъ листьевъ въ лѣсу поднялись бѣлые восковые цвѣты подснѣжниковъ, потомъ зацвѣли желто-розовые примулы, любящіе тѣнь лѣсныхъ овраговъ, а за ними открыли

свои маленькія чашечки и душистыя лиловыя фіалки.

Въ городѣ начался праздникъ цвѣтовъ. Сначала на гребнѣ высокой глиняной стѣны, окружавшей садъ консульства, въ безчисленномъ множествѣ зацвѣли желтые нарциссы, и три дня яркой каймой красили ея сѣрую поверхность. Потомъ они стали отцвѣтать, а на мѣсто ихъ вытянулись стрѣлы соцвѣтій и широкіе вѣера листьевъ ириса. Черезъ недѣлю и они стали открывать свои вѣнчики, и скоро не желтая, а уже лиловая лента опоясала гребень стѣны. Между тѣмъ зацвѣла алыча (родъ сливы), груша и яблоня, деревья сплошь покрылись нѣжными благоухающими цвѣтами. Послѣднимъ зацвѣлъ персикъ.

Къ началу апрѣля Котя окончательно сложился,—это былъ уже настоящій барсъ, конечно, меньше взрослаго, но теперь онъ былъ ростомъ даже чуть больше лягавой собаки. Онъ перелинялъ, и его мѣхъ сталъ длиннымъ и пушистымъ, такъ что въ немъ тонула рука; неправильныя бурыя пятна его младенческой шубки исчезли и смѣнились красивыми, черными кольцами, рѣзко выдѣлявшимися на сѣро-желтомъ фонѣ шкуры.

Теперь выяснилась особенность, отличавшая его отъ другихъ барсовъ,—это были черныя уши. Маленькій, жалкій хвостикъ его выросъ и оброс длинными волосами; когда Котя злился, они поднима-

лись, и его вѣликолѣпный хвостъ становился похожимъ на щетку для чистки стеколъ, но гораздо толще ея. И глаза тоже измѣнились: изъ голубыхъ они превратились въ сѣрые и пріобрѣли новый для Коти холодный и неподвижный взглядъ. Но что особенно удивляло въ этомъ звѣрѣ, такъ это величина его лапъ. Когда онъ, отбиваясь отъ хлыста, которымъ его наказывали, ложился на спину и вытягивалъ вверхъ лапы съ широко раскрытыми когтями, каждая изъ нихъ была раза въ полтора больше ладони.

Такъ какъ зубы и когти Коти отросли и онъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы оставлять его на свободѣ бѣгать по дому, то ему отвели большой балконъ во второмъ этажѣ.

Тамъ ему поставили большое дерево для лазанья, костей онъ получалъ вволю; казалось бы, живи въ свое удовольствіе, но Котя началъ скучать. Часами онъ лежалъ свернувшись въ клубокъ и пристально глядя сѣрыми глазами куда-то вдаль; когда его звали изъ сада—«Котя, Котя!», онъ влѣзалъ по переплету оконъ къ разбитому стеклу и высовывалъ голову, но позвавшій его уходилъ, а Котя долго еще оставался, застывъ въ неудобной позѣ, глядѣть на разстилавшійся передъ нимъ садъ, а за нимъ далекія горы и лѣса. Казалось, что-то звало его туда, казалось, онъ чувствовалъ, что тамъ

далеко за городскимъ валомъ ждетъ его свобода, и мечталъ о ней...

IV.

А весна распускалась, жарче становились полдни и темнѣе ночи. Деревья одѣлись молодой клейкой листвой, и воздухъ напоился нѣжнымъ ароматомъ. Въ лѣсу неумолчно тутукали хохлатые удоды, сороки въ саду стрекотали безъ умолку, дятлы барабанили клювами по дуплистымъ деревьямъ, а высоко въ небѣ широкими, плавными кругами носились орлы. А о мелкихъ птицахъ—и говорить нечего! По кустамъ съ утра до вечера стоялъ вѣчный шумъ и щебетанье.

Котя становился безпокойнѣе, уже давно онъ обшарилъ весь балконъ въ поискахъ лазейки, но единственное мѣсто, гдѣ онъ могъ бы пробраться черезъ сломанную раму, было заставлено досками. Да и трудно сказать, стремился ли онъ прямо къ тому, чтобы бѣжать. Можетъ быть, его неустанные поиски были вызваны просто избыткомъ силы, накопившейся въ молодомъ и сытомъ звѣрѣ. Его тянуло куда-то, но куда и зачѣмъ, онъ еще не отдавалъ себѣ отчета.

Однако, Котя скучалъ, плохо ѣлъ. Его дни и ночи проходили то въ безцѣльномъ бѣганьи вокругъ

балкона, то въ тоскливомъ выглядываніи изъ разбитаго стекла.

Такъ прошло начало апрѣля, и, наконецъ, насталъ день, когда Котя нашелъ самого себя, понялъ, чего онъ хочетъ.

Былъ вечеръ. Солнце краснымъ пылающимъ шаромъ заходило за горы, и съ багряными лучами лилась на землю прохлада. Вечерняя перекличка птицъ замирала, на минуту снова вспыхивала, опять стихала; проворная и хорошенькая синица-лазоревка сѣла на вѣтку у Котина балкона, насмѣшливо чирикнула и скрылась.

Тише и тише становилось на землѣ, и торжественно спускалась къ ней ночь съ темно-синяго небеснаго свода. Заря погасла, и двурогій мѣсяцъ мелькнулъ между деревьями; его золотистый свѣтъ на время разсѣялъ густѣющій мракъ, но скоро онъ зашелъ за гору. Стало темно и тихо.

Тогда на небѣ разыгрались яркія звѣзды. Крупныя и безчисленныя, всѣхъ цвѣтовъ радуги, онѣ такъ сильно горѣли, что казалось, какой-то особенный звѣздный свѣтъ лился съ неба на землю, и въ немъ неясно рисовались вершины деревьевъ и дальнія горы.

Все, что бодрствовало днемъ, заснуло, и на смѣну ему проснулась другая, ночная жизнь, горячая и таинственная. Печально кричали маленькія совы. За-

вылъ шакалъ, точно отчаянно заплакалъ ребенокъ; гдѣ-то далеко на болотѣ заквакали лягушки. Глухо жужжа, пролетѣлъ большой жукъ, безшумно мелькнула летучая мышь. Всѣ эти звуки понятны и знакомы; но въ такую темную безлунную ночь они кажутся неясными, они словно полустерты.

Высоко, почти подъ самой крышей, Котя высунулъ голову въ разбитое стекло, смотрѣлъ и слушалъ. Его узкіе зрачки расширились, и звѣзднаго сіянія было достаточно для него. Онъ видѣлъ во мракѣ и деревья, и неясно бѣлѣвшія дорожки, и сѣрую стѣну, такъ заманчиво близко проходившую отъ его балкона. А между нимъ и сю еще какъ разъ протянулись вѣтви развѣсистой чинары.

Неясное стремленіе бѣжать росло и крѣпло въ немъ, все тамъ за стѣной казалось ему близкимъ и роднымъ; все здѣсь—дерево, и чашка, и мягкая подстилка,—чужимъ и надоѣвшимъ. Голоса ночи вливались въ его уши и звали его къ себѣ, звали его скорѣй окунуться въ непроглядный мракъ и скрыться въ немъ навсегда.

Маленькая рогатая совка безшумнымъ полетомъ прилетѣла на ближайшую чинару. «Сплю! Сплю!» пронесся ея высокій, чистый крикъ,—она звала его. Летучія мыши, гоняясь за ночными бабочками, танцовали передъ нимъ въ воздухѣ свой прихотливый запутанный танецъ,—и онѣ тоже были свободны.

Словно все сговорилось, чтобы смущать Котю въ эту темную ночь. Цвѣты пахли, благоухали сохнущія травы, и ароматы ихъ, смѣшиваясь съ запахами звѣрей и птицъ, спавшихъ и бродившихъ во мглѣ, раздражали ноздри молодого барса, и звали, и дразнили его.

Что это? Длинное, тонкое животное крадется по стѣнѣ между стеблями ирисовъ, и рѣзкій запахъ доносится до Котиныхъ ноздрей. Это хорекъ. Вотъ онъ спрыгнулъ въ садъ и исчезъ въ кустахъ. Онъ крадется къ птичнику. Проходитъ пять минутъ, десять, и вдругъ рѣзкіе крики испуганныхъ птицъ раздаются оттуда, овчарки лаютъ, и хорекъ, волоча задушенную курицу, бѣжитъ по дорожкѣ.

И новый запахъ долетаетъ до Коти, запахъ горячій, волнующій, отъ котораго шерсть становится дыбомъ на его спинѣ. Это запахъ свѣжей крови. Онъ, какъ послѣдняя капля, переполняетъ чашу терпѣнія барса. Послѣдній страхъ передъ темной ночью, полной таинственныхъ враговъ, исчезаетъ, и онъ чувствуетъ, что сейчасъ, сію минуту, во чтобы то ни стало, ему надо вырваться на свободу.

Соскользнувъ на полъ, Котя, какъ бѣшенный, нѣсколько разъ обѣгаетъ балконъ, огромными прыжками бросается на рамы, но онѣ крѣпки, отбрасываютъ его назадъ, и онъ падаетъ.

Еще и еще разъ пробуетъ онъ грудью пробить

себѣ дорогу,—напрасно. Тогда онъ подходитъ къ доскамъ, закрывающимъ проломъ, садится и думаетъ; потомъ осторожно протягиваетъ лапу и пробуетъ стащить ихъ съ мѣста.

Какъ сильна стала теперь его широкая лапа! Доски гнутся и подаются. Котя вцѣпляется въ одну изъ нихъ, работаетъ когтями и зубами, и гвозди, держащіе ее, расшатываются и медленно выходятъ изъ стѣны. Еще одно усиліе, и оторванная доска падаетъ,—узкій проходъ открывается.

На минуту Котя затаивается: не услышалъ бы кто-нибудь... Но все спитъ. Съ трудомъ онъ протискивается въ узкое отверстіе, перегибается черезъ раму, и вотъ его голова, плечи и переднія лапы уже на свободѣ.

Тревога, вызванная хорькомъ, затихла, и опять тѣ же ночные голоса говорятъ ему и зовутъ.

Медленно спускается Котя на карнизъ, пробирается по нему до угла дома и въ послѣдній разъ останавливается. Весь міръ, огромный міръ открывается передъ нимъ. Что ждетъ его тамъ, въ далекихъ лѣсахъ и горахъ?

И ему опять становится страшно. Но только на минуту. Ночь манитъ его къ себѣ, и вотъ Котя собирается въ клубокъ, его стальныя лапы выпрямляются, и длиннымъ прыжкомъ онъ переносится на толстую вѣтвь чинары. Еще одинъ полетъ, и Котя

на стѣнѣ. Быстро онъ бѣжитъ по гребню, и цвѣты ириса киваютъ ему и брызжутъ теплой и крупной росой. Конецъ стѣны, послѣдній прыжокъ черезъ кусты ежевики на городской валъ, двѣ минуты быстраго бѣга, и Котя нырнулъ въ глубину зарослей гранатника.

V.

Долго Котя бѣжалъ по зарослямъ; его нѣжныя непривыкшія къ острымъ сучьямъ лапы были изранены, роса намочила его пушистый мѣхъ, онъ усталъ, ему было холодно отъ слабаго ночного вѣтерка, но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ, дальше отъ города, чтобы его чуткій носъ больше не ощущалъ запаха дыма и людей. Ему надо было бы уходить въ горы, гдѣ всегда живетъ его хищное племя, но Котя просто бѣжалъ, куда глаза глядятъ, и когда ему попадались пригородныя деревни съ ихъ запахомъ гари и лаемъ собакъ, онъ давалъ большіе круги и все больше уходилъ къ востоку, въ необозримую Туркменскую степь.

Едва успѣлъ Котя пробѣжать своей развалистой рысью сотню-другую шаговъ, ночная жизнь зарослей открылась передъ нимъ. Много звѣрей и птицъ встрѣчалось ему, почти всѣ они пугались его и охотно уступали ему дорогу; но онъ, хотя и смѣлый,

но неопытный, самъ боялся ихъ. Зяблики и синицы, вспугнутые имъ съ кустовъ, звеня крыльями, взлетали на воздухъ, и бѣдный Котя бросался въ сторону, ожидая нападенія сверху. Къ нимъ, впрочемъ, онъ скоро привыкъ; но когда изъ-подъ его ногъ съ оглушительнымъ шумомъ взрывался фазанъ, онъ не могъ сдержать страха и со всѣхъ ногъ убѣгалъ отъ испуганной птицы въ противоположную сторону. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усталость все болѣе и болѣе овладѣвала имъ, онъ освоивался съ новою обстановкой, онъ чуялъ множество притаившихся въ зарослях животныхъ, и какой-то внутренній голосъ твердилъ ему, что все это для него не страшные враги, а просто добыча, которую такъ пріятно придавить къ землѣ лапами. И Котя становился все смѣлѣе.

Людской запахъ давно исчезъ, и скоро молодой барсъ пошелъ спокойнымъ шагомъ. Онъ становился настоящимъ дикимъ барсомъ, грозой лѣсовъ и зарослей, и испуганное бѣгство отъ него птицъ и звѣрей придавало ему увѣренность въ своихъ силахъ.

Котя былъ уже далеко, ночь еще оставалась темной, и онъ важно шагалъ, теперь увѣренный, что не встрѣтитъ равнаго себѣ врага.

Но какъ мало онъ зналъ, сколько горькихъ разочарованій ждало его впереди!

Вотъ какой-то длинный шорохъ раздался на полянкѣ, которую онъ переходилъ. Котя спокойно шелъ дальше. Шорохъ прозвучалъ еще ближе, и къ нему присоединилось тихое, угрожающее шипѣнье. Это была большая змѣя.

Котя сѣлъ, всѣ волоски его шкуры стали дыбомъ отъ ненависти и отвращенія, унаслѣдованнаго имъ отъ предковъ. Но онъ не уходилъ, молодой задоръ держалъ его на мѣстѣ. И тутъ онъ увидѣлъ, какъ длинная лента поднялась изъ травы, и маленькая треугольная головка закачалась передъ самымъ его носомъ.

Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, въ порывѣ отвращенія, Котя высокимъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ змѣю и бросился бѣжать. И было во-время,— еще мгновеніе, и змѣя напала бы на него.

И опять долго Котя шагалъ во тьмѣ, куда глаза глядятъ. Его начиналъ мучить голодъ,—вѣдь давно ему опротивѣли вареныя кости, а за эту ночь ему пришлось немало пройти. Онъ уже думалъ, было, лечь гдѣ-нибудь отдохнуть, когда снова знакомый запахъ людей коснулся его чуткихъ ноздрей.

«Бѣжать!» было его первымъ побужденіемъ, но онъ слишкомъ усталъ, и новая мысль, болѣе достойная смѣлаго и хитраго хищника мелькнула въ его головѣ. Пойти посмотрѣть, что это за люди, что

они дѣлаютъ... и безшумно Котя ползъ туда, откуда къ нему доносился запахъ.

Люди приближались, барсъ слышалъ, какъ мягко ступаютъ копыта лошадей.

Онъ притаился за кустомъ, и вотъ передъ нимъ тихо прошли десять всадниковъ въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ, на высокихъ лошадяхъ, всѣ съ ружьями.

Котя зналъ, что такое ружье, онъ хорошо помнилъ, какъ передъ его балкономъ убили ястреба, когда тотъ только что опускался на стаю домашнихъ утокъ.

Одна изъ лошадей почуяла его и шарахнулась въ сторону. Всадникъ вытянулъ ее нагайкой и, подобравъ поводья, вернулся на старый слѣдъ.

Тихо, гуськомъ, точно волки, идущіе за добычей, прошли всадники и скрылись за поворотомъ тропинки.

Котя не зналъ этого, конечно, но то, дѣйствительно, были волки,—туркмены вышли на баранчу (набѣгъ).

Уже давно стихъ вдали конскій топотъ, когда Котя рѣшился продолжать свой путь.

Ночь проходила, и ему рѣшительно хотѣлось ѣсть.

Теперь онъ пошелъ къ югу, ближе къ горамъ, и лѣсъ сталъ крупнѣе.

Нѣсколько разъ онъ пересѣкалъ слѣды кабановъ,

но запахъ ихъ былъ слабъ, - звѣри еще на вечерней зарѣ проходили здѣсь, направляясь къ засѣяннымъ полямъ.

Наконецъ, свѣжій слѣдъ съ рѣзкимъ запахомъ остановилъ его,—тутъ только что была дикая коза.

Котя тихо пошелъ за ней, но—увы!—подкрадываться къ ручнымъ джейранамъ не то, что охотиться въ лѣсу за свободнымъ и чуткимъ звѣремъ. Тонкая вѣтка хрустнула у Коти подъ лапой, и этого было достаточно, чтобы коза услыхала, и теперь она была уже далеко.

Злое ворчаніе и блескъ нѣсколькихъ паръ глазъ встрѣтили Котю, когда онъ перепрыгнулъ черезъ свѣсившуюся виноградную лозу и очутился у подножія огромнаго дерева. Среди его переплевшихся корней пять шакаловъ пировали у туши, должно быть раненаго и околѣвшаго здѣсь кабана.

Они не хотѣли, было, сначала уступать своей добычи, но Котя, хотя и смущенный ихъ угрожающими голосами, былъ голоденъ и золъ изъ-за своей неудачной охоты за козой. Онъ прыгнулъ и положилъ переднія лапы на полусъѣденную тушу.

Шакалы шарахнулись въ разныя стороны и, вытянувъ острыя морды, завыли.

Глаза Коти загорѣлись, онъ ждалъ нападенія; но шакалы были слишкомъ трусливы, имъ и въ голову не приходило помѣряться силами хоть впя-

теромъ на одного съ молодымъ, но все-таки барсомъ.

Они, надѣясь на быстроту своихъ ногъ, разсѣлись кружкомъ недалеко отъ Коти и выли, браня его, на чемъ свѣтъ стоитъ, на своемъ языкѣ.

Котя обнюхалъ кабана,—онъ слишкомъ испортился, и не барсу стоило ѣсть такую гадость. Онъ всталъ и спокойно прошелъ среди шакаловъ, разступившихся передъ нимъ и провожавшихъ его радостнымъ воемъ.

Но голодъ, къ которому Котя вовсе не привыкъ за всю свою сытую жизнь въ неволѣ, все сильнѣе терзалъ его внутренности, и нѣсколько зайцевъ, прыгавшихъ на полянкѣ, показались ему прекрасной добычей. Онъ легъ и поползъ, сначала прячась за валежникомъ и кустами папоротника, а потомъ и по совершенно открытой полянѣ.

Голодъ—хорошій учитель, и Котя, съ неподражаемымъ искусствомъ скрываясь за ничтожными кочками, а гдѣ нужно замирая и самъ обращаясь въ бурую кочку, добрался уже на разстояніе пятишести прыжковъ отъ желанной добычи.

Зайчиха и два довольно большихъ зайченка не замѣчали его. Они прыгали, грызли кору небольшихъ деревьевъ, иногда становились на заднія лапки, забавно шевеля ушами, прислушивались; но Котя тогда лежалъ, какъ мертвый, и ни единый звукъ не выдавалъ его присутствія.

Зайчиха неосторожно сдѣлала два прыжка и приблизилась къ нему; барсъ хотѣлъ прыгнуть... Но другой охотникъ выбралъ тѣхъ же зайцевъ своею добычей. Огромная черная тѣнь безшумно взвилась изъ-за куста на окраинѣ долины, молніей упала на зайчиху,—большой филинъ впился одной лапой ей въ голову, другой въ спину и прижалъ къ землѣ.

Зайчиха билась и жалобно кричала, зайчата метались изъ стороны въ сторону, а Котя, оцѣпенѣвъ отъ изумленія, смотрѣлъ на ужасную птицу. Ея огромныя развернутыя крылья и злая голова съ круглыми янтарными глазами, длинными ушами и хищно раскрытымъ кривымъ клювомъ наводили на него страхъ; но въ первую минуту, какъ очарованный, онъ не могъ двинуться съ мѣста, а потомъ, вспомнивъ о своей побѣдѣ надъ пятью шакалами, рѣшилъ не уступать.

Филинъ ударилъ зайчиху клювомъ въ голову, и она затихла. Котя, взбѣшенный тѣмъ, что онъ расправляется со своей добычей, вовсе не обращая вниманія на его присутствіе, рявкнулъ и бросился впередъ, но въ то же мгновеніе филинъ взмахнулъ крыльями, взвился и такъ же, какъ и явился, черной безшумной тѣнью утонулъ во мракѣ лѣсныхъ вершинъ. Котя остановился на второмъ прыжкѣ и злымъ взглядомъ проводилъ его.

Теперь онъ легко могъ бы переловить глупыхъ

безпомощныхъ зайчатъ; но онъ не зналъ этого и быстрой рысью побѣжалъ прочь отъ полянки въ поискахъ новой добычи.

Ночь проходила. Востокъ побѣлѣлъ, и неясный предразсвѣтный сумракъ смѣнилъ глубокую ночную тьму. Лѣсъ рѣдѣлъ, чаще и чаще попадались поляны, поросшія душистой сухой травой, и заросли гранатника. Все свѣтлѣло, легкій туманъ поднялся съ напоенныхъ росой деревьевъ и травъ, и скоро бѣлорозовый разсвѣтъ заигралъ на немъ нѣжными опаловыми отблесками. Далеко въ степи выпырнуло солнце, и веселый потокъ яркихъ лучей побѣжалъ къ западу, кладя отъ кустовъ длинныя теряющіяся тѣни.

«Кор-орк! Кор-орк!»—закричалъ невдалекѣ фазанъ-пѣтухъ, и Котя въ послѣдней надеждѣ позавтракать побѣжалъ на крикъ. «Кор-орк! Кор-орк!» страстно повторяла птица. Котя былъ уже близко, еще нѣсколько шаговъ и, чуть выглянувъ изъ-за куста ежевики, онъ увидѣлъ ее.

На небольшой прогалинкѣ сидѣлъ фазанъ. Хлопая крыльями, онъ немного взлеталъ на воздухъ, падалъ на землю, повторяя нѣсколько разъ свои странные прыжки. Солнце играло на его великолѣпныхъ перьяхъ, отливая красной мѣдью и зеленой бронзой. Темная, скромно окрашенная курочка сидѣла въ ямкѣ на другой сторонѣ прогалинки. Ея

осторожность могла бы и сейчасъ отнять у Коти удачу, но она не видѣла его; пѣтухъ увлекся своимъ танцемъ, и тотчасъ вслѣдъ за прыжкомъ звѣрь почувствовалъ подъ своими широкими лапами бьющуюся птицу и впустилъ въ нее зубы. Пѣсня оборвалась...

Такъ Котя впервые попробовалъ горячей, живой крови.

VI.

Прошло пять лѣтъ, и черноухій пэлэнгъ (барсъ) сталъ хорошо извѣстнымъ горнымъ деревнямъ.

Нелегко давалась сначала Котѣ тяжелая наука жизни; но нужда всему научитъ. Онъ и голодалъ, цѣлыми днями безуспѣшно охотясь за чуткими козами, острые клыки кабана не разъ рвали его бока, и холодалъ въ свирѣпыя горныя метели.

Изъ своего дѣтства, проведеннаго въ неволѣ, онъ вынесъ одно полезное знаніе — знаніе людей. Онъ ненавидѣлъ ихъ, какъ и всѣ его родичи, но у него не было того безсознательнаго страха, который заставляетъ сильнаго хищника избѣгать встрѣчи съ человѣкомъ.

Изъ этого вышло то, что съ первой овцы, безъ труда вырванной Котей изъ стада, онъ рѣшилъ, что домашнія животныя — самая легкая до-

быча, а его ловкость и привычка къ запахамъ людей и собакъ помогало ему благополучно выскальзывать изъ самыхъ опасныхъ положеній. Прошелъ годъ, и Котя сталъ грозой горныхъ стадъ; прошелъ другой, — и его знали уже всѣ охотники и почти всѣ крестьяне деревень, расположенныхъ въ области его дерзкихъ набѣговъ.

И какъ знали!.. Знали, если можно такъ выразиться, въ лицо, скоро замѣтили особенныя черныя уши, и его имя «черноухій пэлэнгъ» во множествѣ сердецъ вызывало глубокую ненависть.

Но что ни предпринимали, чтобы убить Котю, все было безуспѣшно. Лучшіе охотники долгія ночи просиживали въ засадахъ около убитыхъ барсомъ овецъ, ожидая его возвращенія; сколько козъ, привязанныхъ къ деревьямъ, переживали ужасные часы, чуя близость хищника,—иногда Котя не приходилъ, а иногда изъ-подъ самаго носа охотниковъ утаскивалъ несчастную приманку.

Стали жертвовать собаками, расчитывая, что природная ненависть барса къ нимъ заставитъ его забыть обычную осторожность,—напрасно.

Тогда попробовали преслѣдовать его днемъ въ его глухихъ логовищахъ, съ ружьями, толпами загонщиковъ и крѣпкими сѣтями, которыми старались окружать мѣсто его сна.

Но лѣсъ былъ слишкомъ густъ, а барсъ слишкомъ уменъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ война разгоралась.

Часто теперь приходилось видѣть неуловимаго хищника; нѣсколько свинцовыхъ пуль заросло въ его бокахъ, но и людямъ эти нападенія не прошли даромъ,—одинъ охотникъ былъ убитъ, а двое жестоко изувѣчены.

Хотя безпрерывная почти борьба и утомила барса, онъ не потерялъ своей необыкновенной красоты, о которой съ восторгомъ говорили даже его заклятые враги.

Всегда сытый мясомъ овецъ и козъ, онъ былъ покрытъ великолѣпной густой и длинной шерстью, на которой четко выдѣлялись черныя кольца и пятна. Онъ былъ очень великъ.

Похудѣвъ немного отъ частыхъ нападеній и отступленій, нѣсколько разъ раненый, онъ все-таки сохранилъ страшную силу прыжковъ и ударовъ лапами, и его движенія, ловкія и упругія, все равно—бѣжалъ ли онъ, переносился ли съ одной вѣтви дерева на другую, или подкрадывался, всегда были такъ легки и закончены.

Такъ шло время.

Уже разъ въ глубокой расщелинѣ между скалъ, Котя выростилъ своихъ дѣтенышей, и горько было вспоминать горнымъ пастухамъ время, когда онъ

охотился съ четырьмя молодыми барсятами и училъ ихъ убивать.

Еще разъ прошла осень, и опять у Коти родились дѣтеныши.

Со всѣмъ искусствомъ выбралъ онъ убѣжище для нихъ—непроходимую темную заросль въ самомъ глухомъ мѣстѣ лѣса, среди поваленныхъ огромныхъ стволовъ, валежника и мрачныхъ кустовъ папортника.

Но неутомимая вражда людей открыла и это логовище.

Охотники составили планъ, который теперь уже не могъ не удасться, и напали.

И съ этого дня началось время, отъ котораго имя черноухаго барса прогремѣло по Астрабаду и далеко по разбѣгающимся отъ него дорогамъ.

Вотъ что сдѣлали пятеро самыхъ ловкихъ и смѣлыхъ охотниковъ изъ горныхъ деревень, лучшихъ стрѣлковъ и опытныхъ слѣдопытовъ. Они привязали трехъ козъ при закатѣ солнца, такъ чтобы вѣтромъ ихъ запахъ нанесло на логовище барса, и двое сторожили ихъ, пока испуганное блеяніе не показало, что звѣрь близко. Тогда они кружнымъ путемъ въ глубокой тьмѣ побѣжали къ логовищу. Нелегка была дорога, да и сердце замирало при каждомъ шорохѣ,—они знали, что въ лѣсу, во мракѣ,

имъ не справиться съ барсомъ, но все-таки они успѣли выкрасть всѣхъ трехъ дѣтенышей.

За это время остальные охотники засѣли на деревьяхъ около небольшой полянки, въ одномъ мѣстѣ двое, въ другомъ одинъ. Взявшіе дѣтенышей убили одного изъ нихъ, и, привязавъ его на веревку, волочили до полянки, гдѣ была приготовлена засада, и тамъ бросили, а сами съ остальными двумя запрятанными въ мѣшокъ, поспѣшили въ городъ.

Всѣ были увѣрены, что барсъ на этотъ разъ попался. Идя по слѣду дѣтенышей, онъ выйдетъ на поляну и тутъ сразу получитъ три пули.

Взошла луна и ярко озарила мрачный и густой лѣсъ. Громадныя деревья въ ея серебряномъ сіяніи казались не то фантастическими чудовищами, не то развалинами какихъ-то древнихъ храмовъ, поляна блестѣла, и на ней ясно виднѣлся темной полоской маленькій трупикъ барсенка. Дулъ довольно сильный вѣтеръ, и лѣсныя вершины разговаривали своимъ глухимъ и торжественнымъ языкомъ. Было таинственно и жутко.

Охотники ждали, зрѣніе и слухъ были напряжены, руки сжимали ружья. На бѣду облака, то и дѣло, закрывали луну; мракъ невольно вселялъ страхъ, и рѣшимость побѣдить и увѣренность въ успѣхѣ колебались.

Прошелъ часъ, и, наконецъ, далекій тихій, бѣ-

шеный ревъ показалъ, что барсъ вернулся въ логовище и увидѣлъ пропажу. Нѣсколько минутъ, и онъ придетъ...

Ревъ повторился ближе, еще разъ; но тутъ туча заволокла луну. Шумъ прыжковъ раздался на полянѣ, потомъ жалобное оборвавшееся рычаніе, и все стихло, но ничего не было видно.

Охотники потерпѣли неудачу, но они все-таки плохо знали, какъ можетъ быть опасенъ барсъ, у котораго отняли дѣтенышей. Пока они безпечно разговаривали, собираясь спуститься съ дерева, звѣрь безшумно подкрался къ нимъ. Они успѣли замѣтить только предпослѣдній прыжокъ, когда огромное, длинное тѣло мелькнуло надъ ихъ головами,—съ послѣднимъ барсъ бросился на нихъ и зубами и передними лапами вцѣпился въ грудь одному. Обезумѣвъ отъ страха, другой охотниковъ скатился съ дерева и почти не цѣлясь выстрѣлилъ вверхъ. Отъ волненія онъ не могъ вложить патронъ и, бросивъ ружье, пустился бѣжать. Но только нѣсколько шаговъ удалось ему сдѣлать. Онъ услыхалъ глухой шумъ упавшаго тѣла, мягкій топотъ лапъ, и страшный ударъ обрушился на его голову. Барсъ бросился на него сзади и, схвативъ лапой за голову, сломалъ шею назадъ.

Третій охотникъ въ ужасѣ слышалъ крики и выстрѣлъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать. Не на-

дѣлсь на бѣгство, понимая, что ему не совладать съ разъяреннымъ звѣремъ, думалъ, что, можетъ быть, барсъ не узнаетъ объ его присутствіи.

Когда настала зловѣщая тишина, говорившая о гибели его товарищей, и прошло нѣсколько минутъ, онъ уже сталъ надѣяться на спасеніе, и тутъ едва въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ звѣря, лежавшаго на толстомъ суку. Съ открытой окровавленной пастью и горящими холоднымъ сѣрымъ огнемъ глазами, онъ смотрѣлъ на окаменѣвшаго отъ ужаса охотника, чуть шевелилъ хвостомъ и словно наслаждался мученіемъ своей жертвы. Но едва въ отчаяніи охотникъ шевельнулъ ружьемъ, барсъ бросился съ быстротой мысли, и пуля безполезно прошумѣла въ листвѣ. Тогда человѣкъ, не думая о высотѣ, прыгнулъ внизъ съ дерева и, полуоглушенный паденіемъ, почувствовалъ, какъ барсъ очутился на немъ. Рѣшивъ притвориться мертвымъ, онъ замеръ и со страшнымъ усиліемъ воли вынесъ адскую боль, когда звѣрь схватилъ его зубами за плечо и трясъ, словно котенка. Но это и спасло его. Принявъ за мертваго, звѣрь бросилъ его и скрылся въ чащѣ.

Два трупа и полумертваго отъ потери крови человѣка нашли на утро на этомъ мѣстѣ, и, послѣ долгой болѣзни придя въ себя, разсказалъ онъ повѣсть этой страшной ночи.

По барсу было еще мало крови. Онъ понялъ, что остальныхъ дѣтенышей унесли два человѣка, слѣды которыхъ удалялись отъ поляны, и послѣдовалъ за ними. На разсвѣтѣ онъ, какъ безумный, бросился къ городскимъ воротамъ, и только выстрѣлы десятка солдатъ заставили его уйти въ заросли. И на утро нѣсколько всадниковъ на взмыленныхъ лошадяхъ принесли ужасную новость. Барсъ напалъ на большой караванъ, нѣсколько человѣкъ убито, лошади и мулы разогнаны.

VII.

За этотъ день нападенія на караваны повторились еще три раза, съ новыми жертвами и новымъ кровопролитіемъ. Уже не знали, сколько людей и животныхъ было убито и изранено, но одно осталось несомнѣннымъ: барсъ до сихъ поръ даже не былъ раненъ. И немудрено,—караваны спокойно подходили къ Астрабаду, погонщики пѣли, бубенчики звенѣли, ружья, которыми были вооружены большинство всадниковъ, закидывались за плечи, и тутъ, словно ударъ грома съ яснаго неба, барсъ бросался (изъ зарослей) на спину одной изъ лошадей, и было замѣчено, что никогда онъ не нападалъ на передовую, а всегда на среднюю.

Поднимался отчаянный переполохъ. Одной-двухъ

секундъ звѣрю было достаточно, чтобы покончить съ первымъ всадникомъ, онъ кидался на другого, третьяго, и его огромные прыжки не знали промаха.

Лошади, ослы и мулы, обезумѣвъ отъ страха при видѣ и запахѣ хищника, не слушая поводьевъ, бѣжали во всѣ стороны, мѣшая стрѣлять, сбивая съ ногъ пѣшихъ.

Минуту-другую на дорогѣ въ безумной суматохѣ толпились люди и животныя, раздавались крики, безпорядочные выстрѣлы, и среди порохового дыма мелькало длинное пятнистое тѣло барса. Потомъ все стихало, и на дорожной грязи, запятнанной кровью, лежало только нѣсколько мертвыхъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ.

Барсъ залегъ на дорогѣ изъ Астрабада въ Шахрудъ, и на другой день къ вечеру уже больше никто не осмѣливался пройти по ней. Но такъ какъ добычи на этомъ пути стало меньше, звѣрь перешелъ на другія дороги, и тамъ въ теченіе третьяго дня разогналъ всѣхъ, заставивъ людей запереться въ городахъ и деревняхъ.

Безумный отъ жажды мести, обагренной человѣческой кровью, онъ безъ устали метался вокругъ города, убивая все, что попадалось на пути.

Въ одинъ часъ онъ попадалъ къ югу отъ Астрабада, въ другой почти тотчасъ же къ сѣверу отъ

него, такъ что казалось, что цѣлое полчище барсовъ осадило городъ.

Но всѣ, успѣвшіе бѣжать отъ него, въ одинъ гооосъ утверждали, что убиваетъ именно одинъ и тотъ же черноухій барсъ.

И базарные толки, перекидываясь изъ устъ въ уста, росли и одѣвали барса таинственной и страшной одеждой: число его жертвъ считали сотнями, говорили, что это не настоящій звѣрь, а злой духъ, принявшій его образъ,—вѣдь иначе какъ могъ бы онъ убивать въ одно и то же время на всѣхъ дорогахъ, къ сѣверу, къ югу, востоку и западу отъ города? И если звѣрь самъ по себѣ былъ страшенъ, то еще ужаснѣе сдѣлала его молва. Никто не смѣлъ выйти изъ-за прикрытія городскихъ стѣнъ, никто не ѣхалъ въ Астрабадъ, и на третій день сталъ замѣтенъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, которыхъ уже больше не подвозили на базаръ. Одинъ барсъ держалъ въ осадѣ цѣлый городъ. Цѣны поднялись, и купцы потирали руки, радуясь, что продадутъ свои запасы втрое дороже.

На четвертый день наиболѣе смѣлые охотники нѣсколькими отрядами человѣкъ въ пять-шесть вышли изъ города во всѣ стороны, готовые на все, лишь бы убить барса. Нѣкоторые цѣлый день проходили, не видѣвъ ничего, кромѣ слѣдовъ кровавыхъ расправъ ужаснаго звѣря, но другіе... Грустные

разсказы пошли по городу послѣ ихъ возвращенія. Не они напали на барса, а онъ на нихъ. Пока они шли или ѣхали по дорогамъ, звѣрь безшумно крался за ними и съ непостижимой, истинно дьявольской сообразительностью бросался тамъ, гдѣ труднѣе всего было защищаться.

На одинъ отрядъ онъ напалъ, когда охотники гуськомъ пробирались по узкой тропинкѣ, и въ одну минуту тремя ударами лапъ повалилъ троихъ заднихъ. Двое оставшихся въ живыхъ, прижавшись къ колючей заросли, отчаянно отстрѣливались. Звѣрь, не желая рисковать, ушелъ, какъ они увѣряли, раненый, но это не помѣшало ему поймать другой отрядъ, расположившійся довольно беззаботно на отдыхъ, и убить изъ него четырехъ человѣкъ,— послѣдніе двое спаслись, взобравшись какимъ-то чудомъ ловкости на высокую чинару. И, наконецъ, послѣдній отрядъ изъ четырехъ человѣкъ вовсе не вернулся.

Черезъ нѣсколько дней ихъ нашли, и слѣды разсказали слѣдующее. Тропинка вилась въ заросли, среди которой попадались толстые, но низкіе каменные дубы, дѣлая самые неожиданные повороты. Должно быть, усталые охотники, отчаявшись встрѣтиться съ барсомъ, шли довольно далеко другъ отъ друга, а звѣрь, воспользовавшись этимъ, забѣжалъ впередъ и затаился за толстымъ деревомъ, на кру-

томъ поворотѣ тропинки. Съ каждымъ, кто подходилъ къ нему, онъ, видимо, кончалъ сразу и, такова была его удивительная ловкость, оттаскивалъ за свое дерево. Такъ и нашли всѣхъ четырехъ охотниковъ мертвыхъ, троихъ въ кучѣ, а одного немного поодаль.

Этого было слишкомъ. На пятый день цѣлый боевой отрядъ болѣе чѣмъ изъ ста пѣшихъ людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы, сотни загонщиковъ съ крѣпкими тенетами и пятидесяти всадниковъ на лучшихъ лошадяхъ выступилъ изъ города.

Всадники разсыпались кругомъ на развѣдки, но долго никто ничего не находилъ. Часто лошади храпѣли и бросались въ сторону, чуя звѣря, и люди понимали, что барсъ здѣсь, среди нихъ, но увидѣть его въ заросли было невозможно. А онъ, осторожный и хитрый, не нападалъ. Наконецъ, кровожадная природа хищника взяла верхъ, и онъ бросился на одного изъ всадниковъ. Его крикъ со всѣхъ сторонъ собралъ толпу наѣздниковъ, звѣрь былъ окруженъ и, несмотря на всѣ усилія скрыться, загнанъ на небольшой курганъ, такъ густо заросшій гранатникомъ и ежевикой, что съ лошадью туда нечего было и думать пробраться.

Окруживъ его, всадники безпорядочной стрѣльбой удерживали звѣря, пока подоспѣли пѣшіе и

тенета. Тогда, обведя почти полный кругъ сѣтью и въ выходѣ оставивъ отрядъ въ шестьдесятъ человѣкъ, охотники принялись выгонять барса. Страшный шумъ, дикіе крики смѣшались и заглушили бѣшеное рычаніе звѣря,—тихо было только тамъ, гдѣ стоялъ послѣдній отрядъ.

Но барсъ не выходилъ. Пули пронизывали кустарникъ и чмокались въ мокрую землю, вѣроятно иногда задѣвая звѣря, такъ какъ онъ на иные выстрѣлы отвѣчалъ ревомъ, отъ котораго невольно кровь холодѣла въ жилахъ. И какъ ни возбуждали людей шумъ и пальба, все-таки въ сердцѣ каждаго отдѣльнаго человѣка шевелился неясный страхъ передъ звѣремъ, страшнымъ и до сихъ поръ непобѣдимымъ, и вспоминались базарныя розсказни. Вдругъ это и правда оборотень?... И толпа въ триста человѣкъ боялась одного барса, безумнаго и страшнаго въ своемъ гнѣвѣ и горѣ.

Тогда стали бросать внутрь сѣтей горящія головни. Сырой кустарникъ не загорался, но густой дымъ поползъ по вѣтру и темной удушающей шапкой закрылъ курганъ. Нѣсколько минутъ барсъ все-таки не выходилъ, уже теряли надежду выгнать его на стрѣлковъ, но когда въ послѣднемъ усиліи крики и выстрѣлы дошли до высшей степени напряженія, однимъ гигантскимъ прыжкомъ онъ вылетѣлъ изъ дыма.

Нестройный залпъ встрѣтилъ его, звѣрь упалъ, перевернулся черезъ голову... Крикъ торжества раздался надъ равниной, но рано. Барсъ справился; пугая одной своей неустрашимостью, онъ ринулся на плотную линію стрѣлковъ и, сбивая людей грудью и ударами мощныхъ переднихъ лапъ, среди выстрѣловъ, криковъ ужаса и боли, пробился и исчезъ въ заросли.

Барса преслѣдовали по кровавому слѣду, но скоро потеряли его, да и ночь уже была близко. И на этотъ разъ побѣдилъ звѣрь!..

Прошла недѣля, мѣсяцъ, и уже больше никому не встрѣчался черноухій барсъ. Ушелъ ли онъ далеко отъ мѣста, гдѣ росъ, охотился, гдѣ настигло его горе, или умеръ отъ ранъ въ лѣсной глуши, и шакалы разорвали его могучее, красивое тѣло,—кто знаетъ! Но съ послѣдней побѣдой окончилась исторія черноухаго барса.

Н. Рогоза.

ЦАРЕВИЧИ.

(Дѣтскіе годы Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича).

I.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ на 29-мъ году жизни, въ 1625 году, женился на дочери дворянина Евдокіи Стрѣшневой, а 10 Марта 1629 года у него родился сынъ, названный Алексѣемъ, въ будущемъ второй русскій царь изъ дома Романовыхъ.

Царь, по обычаю, сдѣлалъ рядъ богатыхъ пировъ; былъ пиръ родильный, а послѣ крестильный.

Маленькаго царевича помѣстили въ теремѣ съ мамкою и нянюшками и окружили всякою роскошью.

Помнилъ царь Михаилъ свое безрадостное дѣтство и рѣшилъ дать своему сыну-наслѣднику и радость дѣтскихъ воспоминаній, и образованіе, достойное его будущаго сана.

Первые годы въ теремѣ царицы прошли для

царевича среди забавъ, заботливой ласки родителей и нѣжнаго о немъ попеченія.

Няньки играли съ нимъ, шили ему мячи изъ тафты и бархата, дѣлали ему куклы, качали на качеляхъ, что были поставлены въ сѣняхъ терема, катали зимой его съ горъ на салазкахъ, — и мальчикъ росъ здоровымъ, веселымъ и очень бойкимъ.

Миновалъ царевичу 5-ый годъ и его великій дѣдъ, патріархъ Филаретъ, сказалъ сыну, что пора уже взять внука изъ женской опеки и начать его обучать.

Царь Михаилъ призвалъ ближняго боярина Морозова и сказалъ ему:

— Отличаю тебя, бояринъ Борисъ Ивановичъ, отъ прочихъ всѣхъ за умъ и прямоту. Послужи нашему дѣлу царскому. Возьми царевича и блюди за нимъ!

Морозовъ поклонился царю въ землю, поцѣловалъ его въ плечо и съ волненіемъ отвѣтилъ:

— Буду беречь, какъ зеницу ока своего и уготовлю изъ него мужа прямого, насколько на то моего разумѣнія хватитъ.

Борисъ Морозовъ, ближній бояринъ царя, былъ для того времени выдающійся человѣкъ.

Ему случалось быть за границею, онъ увлекался всѣмъ иноземнымъ и былъ по тому времени едва ли не самымъ образованнымъ и просвѣ-

щеннымъ человѣкомъ. Онъ зналъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій, имѣлъ собраніе книгъ и во многомъ перенялъ нѣмецкій обычай.

Съ радостнымъ рвеніемъ онъ принялъ на себя воспитаніе царевича.

Для маленькаго Алексѣя во дворцѣ отвели особыя хоромы и перевели его туда изъ терема.

Въ этихъ хоромахъ была опочивальня, комната для игръ, комната для ученія; при нихъ былъ у царевича особый садъ, въ которомъ въ клѣткахъ висѣли птицы, билъ фонтанъ и росли цвѣты.

Вмѣстѣ съ этимъ при царевичѣ находился штатъ прислуги: спальные, стольники, окольничій и нужное число холоповъ, которыми всѣми управлялъ боярин Морозовъ.

II.

Онъ не могъ вмѣшаться въ дѣло образованія своего воспитанника съ первыхъ лѣтъ, потому что за это взялся его дѣдушка, патріархъ Филаретъ.

Филаретъ выбралъ дьяка и приказалъ составить ему древне-русскій букварь съ титлами, заповѣдями и краткимъ катехизисомъ.

Затѣмъ былъ выбранъ дьякъ-грамотей изъ московскаго приказа и, послѣ молебна, отслуженнаго самимъ патріархомъ,—дьякъ поклонился царевичу

въ землю, далъ ему въ руки указку, раскрылъ букварь.... и началось ученіе.

Годъ училъ царевичъ азбуку, а потомъ перешелъ къ чтенію Часовника; черезъ пять мѣсяцевъ послѣ сталъ читать Псалтирь, черезъ три—послѣ Псалтири принялся за Дѣянья Апостоловъ, а еще черезъ полгода сталъ учиться писать.

Къ этому времени объявился новый учитель для царевича.

Пришелъ «пѣвчій дьякъ» изъ дворцоваго хора, т.-е. регентъ.

Точно также былъ отслуженъ молебенъ и новый учитель сталъ учить царевича пѣть «по крюкамъ» т.-е. по нотамъ и разучивать Октоихъ—нотную богослужебную книгу, а спустя восемь мѣсяцевъ перешелъ къ обученію «страстного пѣнья», т.-е., пѣнія всѣхъ молитвъ и тропарей Страстной недѣли, особенно трудныхъ по напѣву.

Исполнилось царевичу 10 лѣтъ и онъ окончилъ весь курсъ тогдашняго ученія.

Что же онъ зналъ?

Могъ онъ свободно читать и писать. Могъ свободно читать въ церкви часы и пѣть на клиросѣ по нотамъ. Зналъ также почти наизусть Псалтирь и Евангеліе, зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ весь чинъ церковнаго богослуженія.

Дьяки получили свои награды и оставили царевича.

III.

Но время было уже иное и находившійся при царевичѣ боярин Морозовъ, помимо казенной науки, старался всячески расширить кругъ знаній его.

Для этой цѣли онъ покупалъ въ Овощномъ ряду нѣмецкія «карты» или картинки и пріобрѣлъ ихъ на 3 алтына и 4 деньги (рубля на полтора); досталъ нѣмецкія картинки прямо отъ нѣмцевъ и по нимъ сталъ разсказывать царевичу объ иныхъ земляхъ, о городахъ, о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ, объ иноземныхъ обычаяхъ, будя въ царевичѣ пытливость ума.

Къ 11—12 годамъ у царевича собралась маленькая библіотечка изъ книгъ, которыя онъ всѣ прочелъ. Были въ ней главнымъ образомъ книги священнаго писанія, но была и грамматика, и лексиконъ съ кушитами, т.-е. съ рисунками.

Одновременно съ развитіемъ царевича Морозовъ думалъ и объ его развлеченіяхъ.

Дѣти того времени не знали такихъ игрушекъ, которыми развлекалъ своего питомца боярин Морозовъ.

У царевича былъ конь нѣмецкой работы; нѣмчинъ Петръ Шильтъ сдѣлалъ для него маленькія латы; была у него пищаль, дѣтская сабля, лукъ со стрѣлами, труба звучная и барабанъ.

Онъ садился на коня, надѣвалъ латы и воинственно махалъ саблею, или трубилъ въ трубу и билъ въ барабанъ, или стрѣлялъ въ цѣль изъ пищали и лука.

Морозовъ, мало-по-малу, пріучилъ его къ воинскимъ забавамъ, а въ 11 лѣтъ началъ учить верховой ѣздѣ.

Царь Михаилъ глядѣлъ на своего здороваго, всегда веселаго сына и радовался.

Когда исполнилось царевичу 12 лѣтъ, въ первый разъ взялъ его бояринъ Морозовъ на охоту.

Съ той поры это стало любимой забавой царевича и до конца жизни онъ остался страстнымъ охотникомъ.

Скакать на конѣ по чистому полю, спускать сокола съ рукавицы и слѣдить за его полетомъ, становиться на роздыхъ на опушкѣ лѣса и созерцать природу,—не было слаще этого для царевича наслажденія.

Такъ онъ росъ до рокового 1645 года.

12 іюля этого года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ день своихъ именинъ пошелъ къ заутренѣ. Въ церкви съ нимъ сдѣлался припадокъ. Его унесли въ хоромы.

Къ вечеру царю стало хуже.

Онъ тотчасъ приказалъ привести къ нему ца-

рицу, царевича съ боярином Морозовымъ и патріарха *).

Нѣжно и трогательно онъ простился съ женою и благословилъ царевича Алексѣя на царство.

Потомъ сказалъ боярину Морозову:

— Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученія страху Божьему, и соблюдалъ его какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи.

Ночью того же 12-го іюля царь, пріобщившись Св. Таинъ, скончался.

Царевичъ Алексѣй сталъ русскимъ царемъ и за свой миролюбивый характеръ и за кроткую душу, былъ нареченъ *Тишайшимъ*.

IV.

Царь Алексѣй Михайловичъ женился въ 1648 году на дочери дворянина, Маріи Ильиничнѣ Милославской, и отъ этого брака 30 мая 1661 года у него родился сынъ, нареченный Ѳеодоромъ.

До того времени у царя родились: сынъ Димитрій, который тотчасъ померъ, дочери Евдокія и

*) Въ ту пору Филаретъ уже померъ (въ 1633 г.) и патріаршее мѣсто занималъ Іосифъ.

Марѳа, затѣмъ сынъ Алексѣй, тоже вскорѣ умершій, дочери — Софія, Екатерина, Марья, Феодосія и, наконецъ, долго жданный наслѣдникъ, котораго и назвалъ царь Ѳеодоромъ, т.-е. подаркомъ Божьимъ.

Вмѣстѣ съ царемъ радовался и народъ московскій.

Другъ за другомъ шли веселыя пированія.

Царь устремилъ на своего сына и наслѣдника все свое заботливое вниманіе.

Къ общему огорченію и этотъ сынъ былъ съ первыхъ дней своихъ слабъ здоровьемъ и тепливпшаяся въ немъ жизнь походила на разгорающійся огонекъ костра.

Сильный порывъ вѣтра — и огонекъ погаснетъ.

Маленькаго царевича окружили всѣми возможными заботами. Въ терему среди нянекъ, мамокъ, старшихъ сестеръ и матери на него, какъ говорится, не давали вѣтерку пахнуть.

Его колыбель была обита и уложена лисьимъ и соболинымъ мѣхомъ, перинки и одѣяла были стеганы на пуху.

Медленно и вяло, какъ больное растеніе, поднимался и росъ царевичъ.

Вначалѣ его не спускали съ рукъ, потомъ онъ сталъ ползать и только на 4-мъ году всталъ на ноги и пошелъ.

Царь любилъ вечернее время проводить въ терему съ царицею и царевнами.

Здѣсь онъ не мало забавлялся со своимъ сыномъ и въ этомъ отношеніи жизнь маленькаго царевича была еще разнообразнѣе дѣтскихъ лѣтъ его отца.

Въ горницахъ сразу появились и заморскія игрушки: непремѣнный конь на качалкѣ, каретки съ запряжкой, трубы, цимбалы и разное оружіе.

Но мальчикъ мало рѣзвился и игралъ. Онъ былъ очень слабъ на ноги, быстро уставалъ и часто лежалъ по цѣлымъ днямъ въ своей пуховой постели, страдалъ непонятной въ то время болѣзнію.

И царь, и царица каждый годъ возили его по монастырямъ на богомолье.

Мальчикъ любилъ эти поѣздки. Онѣ совершались обычно лѣтомъ.

Онъ ѣхалъ или на конѣ, или въ покойномъ, глубокомъ возкѣ.

Съ нимъ часто ѣхалъ отецъ, страстный охотникъ; за ними ѣхала охота съ соколами, собаками, и царь по дорогѣ спускалъ соколовъ.

Мальчикъ, какъ и отецъ, часами любовался плавными полетами сокола.

Теплый весенній день. Далеко станицей летятъ журавли.

Сокольничій даетъ мальчику рукавицу и сокола.

Вотъ онъ снялъ съ него колпачокъ и подбросилъ съ руки; съ легкимъ клекотомъ взлетѣлъ соколъ.

расправилъ крылья и сталъ взлетать кверху. Выше, выше!.. вотъ уже кажется онъ легкимъ бѣлымъ комочкомъ въ синевѣ неба.

Мальчикъ сидитъ, поднявъ голову кверху и неотвязно смотритъ на свою птицу.

Взлетѣлъ соколъ, кажется точкой, а подъ нимъ словно линія станица журавлей.

И вдругъ всѣ разметались въ стороны.

Это соколъ, свернувъ крылья, камнемъ летитъ внизъ и бьетъ журавля въ голову.

Кувыркомъ падаетъ съ высоты бѣдная птица, а соколъ опять взвился и снова летитъ еще одинъ поверженный журавль.

Свиститъ въ серебряный свистокъ царевичъ и соколъ летитъ къ нему, садится на рукавицу и важно чиститъ свой окровавленный клювъ.

Правъ державный отецъ: нѣтъ ничего усладительнѣй соколиной охоты!

Но царевичу за недугами трудно отдаться этой забавѣ.

V.

Когда царевичу исполнилось 6 лѣтъ, царь рѣшилъ начать его обученіе.

Также былъ позванъ приказный дьякъ съ указкою, букваремъ, Часовникомъ, Псалтирью, Евангe-

ліемъ; также пришелъ въ свое время и пѣвчій дьякъ.

Вся наука проходилась по установленному порядку, но у царевича былъ уже воистину мудрый воспитатель.

Это былъ монахъ Симеонъ Полоцкій, по тогдашнему ученый человѣкъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ глубоко уважалъ его. Ему было вѣдомо все тогдашнее человѣческое ученье. Онъ былъ и богословъ, и астрологъ, зналъ всѣ языки, умѣлъ лѣчить и заговаривать, умѣлъ слагать вирши и вести ученые споры.

Этотъ-то Симеонъ Полоцкій и сталъ воспитателемъ юнаго Ѳеодора.

Ѳеодоръ учился съ большою охотою.

Скоро у него образовалась настоящая библіотека. Грамматика, книги о натурѣ, травникъ—входили въ его библіотеку, помимо богословскихъ книгъ.

Юный царевичъ зналъ языки польскій, латинскій и нѣмецкій.

Полоцкій научилъ его слагать вирши, и имъ переложены на стихи нѣсколько псалмовъ Давида.

Насколько полюбилъ царевичъ науку, оцѣнилъ свѣтъ знанія, можно судить потому, что, сдѣлавшись царемъ, онъ основалъ въ Москвѣ греко-латинско-славянскую академію, въ которой впослѣдствіи началъ свое образованіе Ломоносовъ

Царевичу было 15 лѣтъ, когда, 29 января 1676 года померъ царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ этотъ день царевичъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Его въ креслахъ вынесли въ палату и бояре съ духовенствомъ цѣловали его руку.

Царствовалъ онъ всего 6 лѣтъ и померъ 27 апрѣля 1682 года.

А. Заринъ.

БОГАТЫРЬ-КАЗАКЪ.

Съ незапамятныхъ временъ течетъ рѣка Донъ и не мѣняетъ своего русла. Съ незапамятныхъ же временъ гремитъ и слава казацкая. Слава идетъ и переходитъ изъ рода въ родъ; воевалъ съ непріятелемъ прадѣдъ и передалъ и храбрость и вѣрную шашку дѣду; дѣдъ рубилъ вражескія головы за вѣру Христову и то же самое наказывалъ отцу и внуку. Это былъ родовой, семейный завѣтъ, свято чтимый всѣми казаками отъ мала до велика. Съ этимъ завѣтомъ умиралъ старый казакъ; съ нимъ же родился и молодой.

Любятъ казаки свой «Тихій Донъ Ивановичъ». Не мало онъ вскормилъ и вспоилъ истинныхъ, настоящихъ героевъ, оставившихъ по себѣ добрую славу. Вскормилъ онъ и богатыря, прогремѣвшаго, во время замиренія, по всему Кавказу и памятнаго еще до сихъ поръ. Этотъ богатырь-казакъ съ ти-

хаго Дона былъ генералъ Яковъ Петровичъ Баклановъ. О немъ и до настоящаго времени поютъ еще и на Дону и на Кавказѣ пѣсни, а сказанія о немъ и о борьбѣ его съ грознымъ Шамилемъ занесены даже въ исторію.

*
* *

Каждый старый казакъ умѣетъ разсказывать про старину и про подвиги и свои и чужіе такъ хорошо, что отъ вечера и до утра слушалъ бы. Но лучше всѣхъ про казацкое рыцарство разсказываетъ сѣдой казакъ Петро Дмитріевичъ Бакланъ въ Гугнинской станицѣ, той самой, что лежитъ на правой сторонѣ Дона, верстахъ въ пятнадцати отъ богатой Цымлянской станицы.

Сидитъ старый есаулъ, Петро Дмитріевичъ, вечеркомъ на завалинкѣ своей хатки и любуется тихою лѣтнею прохладою послѣ долгаго жаркаго дня. Донъ заснулъ и какъ будто застылъ неподвижнымъ зеркаломъ, отражающимъ въ своей глубинѣ яркія звѣзды, серебристые пирамидальные тополи и вишневые сады. Степь тоже убаюкалась и задремала, и ея вечерній покой нарушается лишь криками перепеловъ и скрипомъ дергача-коростеля.

Есаулъ сидитъ и молчитъ, погрузившись въ думы о прошломъ. Рядомъ съ нимъ сидятъ и тянутъ люльки два такихъ же, какъ и онъ, старика—его

ратные товарищи съ порядочными рубцами на разныхъ частяхъ тѣла. Кругомъ стоитъ казацкая молодежь и почтительно ждетъ, не начнутъ ли старики своихъ занимательныхъ разсказовъ. Среди молодыхъ казаковъ такъ же почтительно и безмолвно стоитъ и сынъ стараго есаула, Яковъ Петровичъ. Онъ ждетъ терпѣливѣе всѣхъ, потому что знаетъ по опыту, что если батько есаулъ задумается и въ то же время станетъ изрѣдка разглаживать вправо и влѣво казацкіе усы, то, значитъ, пойдутъ занятные разсказы про Кубань, про Терекъ, про чеченца и про всякую кавказскую всячину. Знаетъ также по опыту молодой казакъ и то, что батько есаулъ не сразу начнетъ про подвиги, а сначала для вида придерется къ нему, къ Якову Петровичу, пожуритъ его, а потомъ уже и перейдетъ на старину. Это у него всегда такой порядокъ.

Такъ оно и вышло. Старый есаулъ, Петро Дмитріевичъ, долго сидѣлъ молча, потомъ посмотрѣлъ на звѣздное небо, погладилъ усы и, обведя медленно глазами почтительно стоявшую полукругомъ молодежь, сдѣлалъ видъ, будто только теперь замѣтилъ сына, и съ напускной суровостью обратился къ нему съ вопросомъ:

— Коней вычистилъ? Корма имъ задалъ?

Вычистилъ и все сдѣлалъ, отвѣтилъ сынъ.

— И воронаго и бѣлаго?

— Обоихъ.

— То-то! Все тебѣ приказывать надо: самъ не догадаешься. Вороной у меня—дорогой конь. Онъ—отъ той самой матки, на которой я послѣ двѣнадцатаго года на рѣчку Кундуручью атамана, графа Платова, встрѣчать ѣздилъ... Славный конь былъ... Помните, небойсь, братцы-товарищи, какъ дѣло было, обратился онъ къ сосѣдямъ старикамъ,—вмѣстѣ на Кундуручью ѣздили... Моему хлопцу, Яшкѣ, тогда семь лѣтъ было, восьмой годъ пошелъ... Атаманъ Платовъ съ нашимъ воинствомъ казацкимъ француза нещадно билъ и однихъ генераловъ десять душъ въ плѣнъ забралъ и больше трехсотъ пушекъ, а офицерства—сверхъ тысячи. Храбрые были казаки! Дай Богъ, чтобы и наши сыны такими же были... Чуешь, Яшка, мои слова? обратился онъ къ сыну,—чтобы и ты такимъ же у меня вышелъ добрымъ казакомъ, какими твой батько и покойный дѣдусь были!.. Ты про дѣда своего Митрія и отъ старыхъ казаковъ слыхалъ и отъ меня многое знаешь. Доблестный рыцарь былъ и на Кавказѣ славныя дѣла дѣлалъ. А ужъ какъ стрѣлялъ?! Такого стрѣлка поискать днемъ со свѣчкой... Знаете вы, молодые воробьи, какъ мой батько Митрій, царство небесное, вѣчный покой, съ ружьемъ управлялся? Слыхали про его стрѣльбу?

— Разскажите, Петро Дмитричъ! въ одинъ голосъ заговорили почтительно молодые казаки.

Старый есаулъ помолчалъ ради соблюденія достоинства, погладилъ усы и началъ.

— Разсказать не трудно, только надо, чтобы вы это на усъ намотали и сами постарались не хуже его на всемъ скаку въ цѣль мѣтить... Давно это было, васъ, молокососовъ, еще и въ поминѣ не было. Послали нашихъ донцовъ, а въ томъ числѣ и моего батька, Митрія, на Кавказъ, и остановились донцы тамъ на Маломъ Зеленчукѣ,—рѣчка такая есть; на эту рѣчку тогда черкесы похаживали. Похаживали, только съ нашимъ братомъ, казакомъ, не очень любили встрѣчаться, и особенно наши выстрѣлы имъ не нравились... Мой батько, пока казаки кашу варили, сѣлъ на копя и поѣхалъ по зарослямъ—мѣста осматривать. При немъ винтовка и все прочее, какъ слѣдуетъ. Ѣдетъ себѣ и кругомъ посматриваетъ. Вдругъ на него налетаютъ человѣкъ пятнадцать горцевъ-джигитовъ. Налетѣли, стали поодаль, смотрятъ и смѣются: очень онъ имъ неуклюжимъ, толстымъ и неповоротливымъ пеглеваномъ, т.-е. богатыремъ, показался.

— А ну-ка, пеглеванъ, слѣзай съ коня да подойди сюда къ намъ! кричатъ со смѣхомъ джигиты.

Видитъ батько Митрій, что онъ одинъ, а джигитовъ пятнадцать, ежели не больше, метнулъ злоб-

ный взоръ, тихо и неуклюже слѣзъ съ коня, снялъ съ себя все оружіе, воткнулъ пику въ землю, подошелъ къ нимъ тяжелой, грузной походкой и спрашиваетъ по-ногайски:

— Чего вамъ отъ меня надо?

Дураки-джигиты давай еще пуще хохотать.

— Бери, говорятъ,—увалень ты этакій, свое оружіе, садись на коня и поѣзжай съ нами.

Медленно, совсѣмъ по-медвѣжьи, кое-какъ взобрался батько на коня, согнулся и какимъ-то кущымъ скокомъ поплелся за молодыми горцами-головорѣзами. Руки и ноги болтаются, а самъ чуть не валится съ сѣдла. И конь какъ разъ по немъ—вислоухій и неуклюжій...

— А ну-ка, проскачи немного на своемъ дорогомъ конѣ, а мы тобою полюбуемся! потребовали горцы.

Батько Митрій поскакалъ, да такъ, что джигиты съ хохота покатились.

— А ну, еще!

Батько еще поскакалъ.

— А ну, еще разъ, увалень неуклюжій!

Батько еще разъ—и все молча, угрюмо и едва въ сѣдлѣ держится. Отъѣхалъ на выстрѣлъ—и сразу перемѣнился. И самъ перемѣнился и конь перемѣнился: выпрямился и стройно укрѣпился въ сѣдлѣ, и конь его сталъ другимъ, подтянулся и навострилъ

уши. Не успѣли горцы надивиться перемѣнѣ, какъ батько Митрій за винтовку. Бацъ, и одинъ горецъ уже на землѣ: пуля въ лобъ, какъ разъ между бровей попала. Джигиты за батькою въ погоню. Зарядилъ батько на полномъ скаку винтовку, остановилъ коня, бацъ,—и другой джигитъ Богу душу отдалъ. Посмотрѣли, а у него такая же рана между бровей. Закипѣли горцы гнѣвомъ и бросились на батьку. А батько съ ними какъ будто въ игру играетъ: то унесется, Богъ вѣсть, какъ далеко, то остановится и ждетъ. Подъѣдутъ горцы совсѣмъ близко,—онъ за винтовку, —и опять горецъ валится съ лошади, опять пуля между бровей попала. А батько уже стрѣлой умчался, зарядилъ на ходу винтовку, остановился и ждетъ. Джигиты совсѣмъ изъ себя выходятъ и до тѣхъ поръ на него налетали, пока онъ семерыхъ не уложилъ и все въ то же мѣсто: между бровей. Увидали они, что дѣло не шутка, рѣшили, что это не человѣкъ, а злой духъ изъ ада—шайтанъ-джегепемъ, и давай Богъ ноги. А батько Митрій, царство ему небесное, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ своимъ. Казаки прозвали его «Баклашъ», и съ тѣхъ поръ мы стали Баклановы... Вотъ какъ настоящіе рыцари стрѣляли. Не то, что вы, воробьи... Вотъ, Яковъ, изъ какого ты корня происходишь!.. Помни это... И чтобъ и ты у меня черезъ три мѣсяца такъ же стрѣлялъ,

какъ и дѣдусь твой, царство небесное... Прощайте, братцы-товарищи! Покойной вамъ ночи! Поздно уже: пора старымъ костямъ на покой.

Старички поднялись, распрощались и разбрелись по своимъ хатамъ на огоньки. Разошлась и молодежь.

Молодой казакъ, Яковъ Петровичъ, вошелъ въ хату вслѣдъ за отцомъ и сѣлъ ужинать. Но ѣлъ онъ мало. Глаза его блестѣли, и весь онъ былъ взволнованъ.

— Батько родной! заговорилъ онъ просящимъ голосомъ.—Отпусти меня на Кавказъ, хочу съ Шамилемъ воевать.

Есаулъ взглянулъ на него изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей и коротко отвѣтилъ:

— Прежде батька въ петлю не суйся. Когда надо будетъ, пошлютъ и дальше, чѣмъ ты проспишься... Ты раньше выучись стрѣлять такъ, какъ стрѣлялъ твой дѣдъ.

Со слѣдующаго же дня гугнинская молодежь стала усердно учиться стрѣлять. Впереди всѣхъ былъ Яковъ Петровичъ Баклановъ.

*
* *

Кавказъ, считающійся одной изъ цѣнныхъ жемчужинъ въ русской коронѣ, достался Россіи не дешево. Покореніе его тянулось свыше шестидесяти лѣтъ. Изъ нихъ послѣднія двадцать пять лѣтъ намъ

пришлось воевать съ знаменитымъ Шамилемъ, свившимъ себѣ горное гнѣздо въ неприступномъ аулѣ Ведень, а впослѣдствіи въ еще болѣе неприступномъ аулѣ Гунибъ. Добраться до Шамиля явилась возможность лишь тогда, когда русскія войска, начиная отъ рѣки Кубани, прорубили въ непроходимыхъ тогда кавказскихъ лѣсахъ широкія просѣки, потребовавшія нѣсколькихъ лѣтъ работы, очень безпокойной и опасной, потому что горцы дѣлали постоянныя засады въ лѣсахъ и нападали на наши отряды.

Имя Шамиля въ свое время гремѣло не только въ Россіи, которая имѣла съ нимъ дѣло, но и въ Европѣ, гдѣ его считали неприступнымъ и неуловимымъ. Теперь же историки смотрятъ на Шамиля, какъ на человѣка умнаго, пожалуй, даже въ своемъ родѣ и геніальнаго, но такого, которому помогала сама природа, въ видѣ горъ, ущелій, тѣснинъ и почти сплошныхъ лѣсовъ. То, что Шамиль цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ могъ вести борьбу съ Россіей, объясняется тѣмъ, что онъ хорошо зналъ на своемъ Кавказѣ каждую гору и каждую тропинку, а для насъ это была страна новая и невѣдомая, каждый шагъ въ которую мы, русскіе, должны были покупать кровью. Много значило также и то, что кавказскіе горцы были мусульманами и на смерть въ бою смотрѣли какъ на вѣрное средство попасть въ рай.

Шамиль въ одно и то же время соединялъ въ своей особѣ власть свѣтскую и власть духовную: онъ и управлялъ своими полудикими подданными и духъ ихъ возбуждалъ, объявивъ войну съ русскими священною.

Какъ правитель и глава своихъ скопищъ, онъ былъ неумолимо строгъ и даже, по восточному обычаю, жестокъ: его гнѣва боялись его подданные хуже лютой казни и трепетали передъ нимъ, но въ то же время глубоко и искренно уважали его, какъ человѣка безукоризненно честнаго, правдиваго, свято державшаго свое слово и справедливаго.

Какъ духовная особа, онъ носилъ титулъ «имама», и подавалъ собою примѣръ святой жизни. Какъ воинъ, онъ выдѣлялся беззавѣтной храбростью и непоколебимымъ мужествомъ. Это былъ настоящій горный рыцарь и горный орелъ, до послѣднихъ силъ защищавшій свое родимое гнѣздо, свитое на неприступныхъ вершинахъ Кавказа.

Такимъ рисуютъ намъ его историки.

Въ общежитіи, въ кругу друзей и въ домашнемъ быту это былъ милѣйшій и добродушный человѣкъ, другъ и прекрасный семьянинъ, съ мягкою душою, послушный голосу сердца, безкорыстчый, готовый отдать нищему послѣднюю рубаху, добрый, ласковый и даже нѣжный. Шамиль среди своихъ подданныхъ и Шамиль въ кругу родныхъ и друзей были на

первый взглядъ два различные человѣка. Но онъ не былъ виноватъ въ этой двойственности: онъ подчинялся издавна укоренившемуся восточному обычаю, не допускавшему, чтобы владыка выказывалъ подданному свои настоящія чувства.

Горцы на первый планъ ставили храбрость, безпощадную ненависть къ гяуру, т.-е. къ русскому, умѣнье быть выдающимся наѣздникомъ и стрѣлкомъ и способность хладнокровно рубить, рѣзать, убивать и уносить съ собою въ видѣ трофея правое ухо противника. Проявленіе сердечной доброты и нѣжности считалось дѣломъ недостойнымъ и неприличнымъ. И Шамиль, какъ воинъ, былъ именно такимъ. Но дома у себя онъ никогда не садился за столъ безъ своей любимой кошечки, для которой собственноручно нарѣзывалъ куриное мясо и кормилъ ее изъ рукъ. Кошечка такъ свыклась со своимъ хозяиномъ, что изъ чужихъ рукъ не брала ничего, и, когда Шамиль надолго ушелъ въ походъ, она отказалась отъ ѣды и околѣла отъ голода. Грозный и суровый Шамиль долго тосковалъ по ней.

Какъ истинный горецъ, уважавшій главнымъ образомъ физическую силу, Шамиль любилъ гимнастическія упражненія и всячески, еще съ молодыхъ лѣтъ, старался развить и укрѣпить въ себѣ силу и ловкость. Двадцатипятилѣтнимъ юношей онъ достигъ такого совершенства, что перепрыгивалъ черезъ ве-

ревку, которую два высокихъ горца протягивали надъ своими головами; могъ перепрыгивать черезъ голову прямо стоявшаго человѣка; дѣлалъ прыжки черезъ яму въ двѣнадцать аршинъ шириною; хорошо бился на саблѣхъ и превосходно ѣздилъ верхомъ. Чтобы закалить свое здоровье, онъ круглый годъ и во всякую погоду ходилъ съ открытой грудью и босикомъ.

Какъ имамъ, т.-е. духовная особа, онъ глубоко изучилъ коранъ, и былъ такимъ удачнымъ истолкователемъ этой священной книги магометанъ, что стяжалъ себѣ общее уваженіе своихъ единомышленниковъ и подданныхъ-горцевъ. Кораномъ же между прочимъ объясняется и его жестокость къ гяурамъ-русскимъ, жестокость, противорѣчившая его доброй душѣ.

Однимъ словомъ, это былъ горный витязь и горный орелъ, чувствовавшій себя крѣпко среди кавказскихъ вершинъ и тѣснинъ. Вышибить его изъ его позиціи было очень не легко. И вотъ, съ этимъ-то могучимъ горцемъ, защищаемымъ самою дикою природою, и пришлось помѣряться силами степному герою-донцу, Якову Петровичу Бакланову.

*
* *

Въ тѣ времена,—а это было въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія,—границею между наши-

ми владѣніями и владѣніями Шамиля была рѣка Кубань. По нашему берегу этой рѣки были издавна разбросаны станицы кубанскихъ линейныхъ казаковъ. Эти станицы въ то же время были и укрѣпленіями. Въ нихъ казаки (ихъ звали пластунами) вели со своими семьями весьма своеобразную жизнь. Въ одно и то же время они занимались хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей и вели ожесточенную борьбу съ горцами. И день и ночь обѣ стороны, раздѣленныя только рѣкою, находились подъ страхомъ. То горцы ночью налетали на казачьи станицы и уводили первыхъ попавшихся обитателей въ плѣнъ и требовали за нихъ выкупъ, то казаки, переправившись въ бродъ или вплавь черезъ рѣку, нападали на горскіе аулы и производили въ нихъ истребленіе.

Но были между горцами и такъ называемые мирные. Эти признавали себя покорными Россіей и, какъ настоящіе хитрые азіаты, жили и между нашими и между своими и постоянно перекочевывали изъ одного лагеря въ другой. Ихъ услугами наши пользовались для переговоровъ съ Шамилемъ и его наибами, т.-е. начальниками его отрядовъ. По большей части они были лазутчиками, очень падкими на русскія деньги и беззастѣнчиво измѣнявшими своему владыкѣ Шамилю. Даже въ свитѣ самого Шамиля, — какъ мы увидимъ ниже, — былъ

такой молодчикъ, по имени Ибрагимъ, который, пользуясь довѣріемъ своего повелителя и зная его планы и намѣренія, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти продавалъ за деньги свѣдѣнія Якову Петровичу Баклановy,—конечно, тайкомъ, черезъ третье лицо.

Отличнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить одинъ изъ вліятельнѣйшихъ и приближеннѣйшихъ наибовъ Шамиля и даже дальній родственникъ его, нѣкій горецъ Бата. Этотъ Бата воспитывался въ Россіи, служилъ подъ русскими знаменами, сражался противъ Шамиля и имѣлъ за свою службу русскіе ордена и отличія. Въ одинъ прекрасный день онъ по какому-то поводу перессорился съ русскимъ начальствомъ и, недолго думая, перемахнулъ на службу къ Шамилю. Шамиль обрадовался. Человѣкъ, знающій русскій языкъ, русскую военную службу и даже недостатки и прорѣхи нашего военнаго строя, былъ для него, конечно, кладомъ. Перебѣжчикъ и вчерашній врагъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, и ему былъ порученъ большой отрядъ горцевъ. Бата теперь уже выступилъ заклятымъ врагомъ русскихъ. Но ему не повезло. Въ одной изъ серьезныхъ стычекъ Яковъ Петровичъ Баклановъ разбилъ его на голову. Эта неудача была такъ сильна и велика, что не только обезчестила Бату, но даже нѣсколько поколебала среди горцевъ и обаяніе самого Шамиля.

Тогда Бата, увидѣвъ, что его дѣла плохи, опять навострилъ лыжи къ русскимъ, принесъ покаяніе и также спокойно и съ чистою совѣстью поклялся въ вѣрности русскому царю, какъ недавно клялся Шамилю.

Среди горцевъ такихъ примѣровъ было много. На русскія деньги они были очень падки, хотя и не умѣли ихъ считать, а иногда даже и цѣны имъ не знали. Разъ къ Шамилю совершенно случайно попала въ плѣнъ русская семья, которую владыка Кавказа призналъ почему-то очень знатною и вліятельною въ Россіи. Онъ потребовалъ за нее выкупа не болѣе, не менѣе, какъ ровно милліонъ рублей и непремѣнно серебряной монетой; другихъ денегъ онъ не признавалъ, потому что не зналъ имъ цѣны. Ему сказали, что, для того только, чтобы сосчитать милліонъ мелкой серебряной монетой, нужно по крайней мѣрѣ полжизни. Тогда онъ сказалъ:

— Это неудобно и отниметъ много времени. Пусть дадутъ пять тысячъ рублей, и я отпущу плѣнныхъ.

Въ наше время это покажется наивнымъ, но удивляться здѣсь нечему. Кавказскіе горцы были очень близки къ природѣ, а извѣстно, что чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ онъ наивнѣе. Когда Шамиля, послѣ покоренія, везли въ каретѣ съ Кавказа въ Россію, то онъ каждый провинціальный

городъ, черезъ который его провозили, принималъ за Петербургъ, каждый большой домъ— за царскій дворецъ и каждаго генерала въ мундирѣ—за самого падишаха (царя).

Другое дѣло была толпа невѣжественныхъ и суевѣрныхъ горцевъ. Эти дрались и ненавидѣли искренно и убѣжденно. Но и среди нихъ встрѣчалось не мало мелкихъ владѣтельныхъ князьковъ, которыхъ тогдашнее русское правительство отбивало отъ ихъ законнаго владыки Шамиля тѣмъ, что награждало ихъ орденами и медалями. Дѣтски увлеченные этими наградами, князьки сидѣли въ своихъ малодоступныхъ горныхъ норахъ и отказывались принимать участіе въ походахъ противъ гяуровъ-урусовъ.

*
* *

Предсказаніе стараго казака Петра Дмитріевича Бакланова исполнилось. Сынъ его, молодой казакъ Яковъ Петровичъ, такъ сильно стремившійся на Кавказъ воевать съ Шамилемъ, въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли. Правительство находило, что для покоренія этой окраины однихъ мѣстныхъ кубанскихъ казаковъ еще не достаточно, а потому по временамъ посылало туда и донскихъ казаковъ.

Во главѣ донского казачьяго полка попалъ на Кубань и Яковъ Петровичъ, но уже не молодымъ казакомъ, какимъ мы его видѣли раньше, а гене-

раломъ, — опытнымъ воякою съ постоянно нахмуренными бровями надъ проницательнымъ, острымъ взглядомъ умныхъ глазъ и съ огромными, спускавшимися внизъ, щетинистыми, прямыми усами.

На Кавказѣ его полкъ считался образцовымъ. Онъ зналъ всѣхъ своихъ казаковъ въ лицо, и они знали его до тонкости и понимали его съ полуслова. Онъ ихъ называлъ «Гаврилычами» и умѣлъ съ ними разговаривать. Если предстояла какая-нибудь схватка съ горцами, то онъ воодушевлялъ своихъ нижнихъ чиновъ довольно своеобразно. Вмѣсто длинной рѣчи, онъ имъ говорилъ только коротенькую фразу:

— Съ вами, Гаврилычами, мнѣ долго разговаривать нечего. Вы сами знаете свое дѣло!

И баклановскіе казаки дѣйствительно знали свое дѣло. Не успѣли они, какъ говорится, еще осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, какъ слѣдуетъ, какъ всѣ уже одѣлись въ горскія папахи и въ горскіе костюмы и запаслись оружіемъ горцевъ. Всю эту амуницію они добыли въ схваткахъ и въ стычкахъ съ непріятелемъ. Они раздѣвали убитыхъ чеченцевъ и облекались въ ихъ платье, а свое сдавали въ кладовую. Поэтому на смотрахъ они оказывались самыми исправными: ихъ казацкіе мундиры и шинели, въ которыхъ они пришли съ Дона, до самаго конца службы были новенькими. Это была въ сво-

емъ родѣ экономія въ пользу войсковой казачьей казны.

Большая доля нашихъ неудачъ при покореніи Кавказа происходила оттого, что начальникамъ нашихъ частей приходилось сплошь и рядомъ начинать съ горцами военное дѣло, не успѣвъ еще хорошенько ознакомиться съ мѣстностью, тогда какъ горцы были у себя дома и знали не только каждую тропинку, но и каждый камешекъ. При такихъ условіяхъ имъ не трудно было устраивать скрытыя и подчасъ убійственныя засады для нашихъ отрядовъ.

Яковъ Петровичъ понялъ это съ перваго же момента, какъ только попалъ со своимъ полкомъ на Кубань и на Терекъ. Его полкъ каждый день выходилъ изъ станицы-укрѣпленія на работы: либо косить сѣно для лошадей, либо рубить и прокладывать лѣсныя просѣки на вражьей сторонѣ. Тутъ-то и были опасны горцы, скрывавшіеся за деревьями и за камнями. На этихъ работахъ всегда присутствовалъ Баклановъ.

Ему страшно везло счастье. Сотни пуль, направленныхъ въ него, пролетали мимо, не задѣвъ его. А онъ при этомъ сидѣлъ на своемъ конѣ или ходилъ среди своихъ казаковъ такъ спокойно и хладнокровно, какъ будто бы горцы мѣтили вовсе не въ него, а въ кого-то другого. Люди кругомъ него валились, а онъ какимъ-то чудомъ оказывался цѣлъ.

Эти спокойствіе и неуязвимость производили на суевѣрныхъ горцевъ сильное впечатлѣніе, и они вѣрили, что «казакъ Бакланъ»—не кто иной, какъ самъ Даджалъ, т.-е. чортъ; если же не самъ Даджалъ, то, по меньшей мѣрѣ,—его правая рука и помощникъ—Боклю. Даже свои казаки пришли въ изумленіе и тоже рѣшили, что ихъ командиръ Яковъ Петровичъ либо слово противъ пуль знаетъ, либо заколдованъ.

Баклановъ зналъ все, что дѣлается у него въ полку; зналъ и объ этихъ слухахъ, но не разубѣждалъ. Да это, пожалуй, и не помогло бы, потому что случайности, какъ нарочно, подтасовывались сами собою. Однажды Яковъ Петровичъ, выстроивъ свой полкъ, дѣлалъ выговоръ по поводу какого-то незначительнаго упущенія и, подойдя почти вплотную къ одному изъ казаковъ, началъ поучать:

— Все замѣть, ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобы никто не видѣлъ. Будь молодцомъ: во время боя не смѣй покидать рядовъ; получилъ легкую рану,—не уходи, а оставайся во фронтѣ; ежели подъ тобою убьютъ лошадь, дерись пѣшкомъ, пока не добудешь новую. Покажи врагамъ, что думка твоя—не о жизни, а о славѣ и чести донского казачества.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ вдругъ надъ его головой просвистала пуля и, не задѣвъ его, впи-

лась въ папаху стоявшаго передъ нимъ казака. Яковъ Петровичъ быстро обернулся, въ одинъ мигъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ убѣгавшаго въ лѣсъ чеченца. Чеченецъ свалился, а Бакланов проговорилъ:

— Не родился еще на свѣтѣ тотъ человѣкъ, которому суждено меня подстрѣлить!..

И затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свои наставленія полку. Послѣ этого случая казаковъ уже нельзя было разубѣдить въ томъ, что ихъ командиръ для вражескихъ пуль неуязвимъ.

— Когда онъ родился, то бабка особую чудодѣйственную травку ему въ колыбель положила! убѣжденно разсказывали другъ другу казаки.

* * *

За Яковомъ Петровичемъ водилась одна странность, о которой въ полку не зналъ почти никто. Онъ очень часто исчезалъ по ночамъ изъ дома и возвращался въ станицу только подъ утро. Объ этихъ исчезновеніяхъ даже и не подозрѣвалъ никто, потому что Баклановъ съ начинавшейся утренней жизнью полка былъ уже на ногахъ и распоряжался работами такъ бодро и такъ неутомимо, что казакамъ не могло и въ голову прійти, что онъ провелъ безсонную ночь.

По ночамъ онъ осторожно пробирался на вра-

жескую сторону и потихоньку знакомился съ мѣстностью. Онъ къ себѣ же къ первому примѣнялъ свое правило: «Все замѣть, ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобы никто не видѣлъ». Наблюдательностью онъ обладалъ замѣчательною, но о своихъ наблюденіяхъ молчалъ и пускалъ ихъ въ ходъ только для провѣрки другихъ.

Среди молодыхъ казаковъ его полка были такіе лихіе и смѣлые развѣдчики, которые удивляли даже опытныхъ кавказцевъ. Они забирались въ такія горныя трущобы, куда даже и горцы, повидимому, проникали рѣдко. Ихъ ничто не удерживало—ни погода, ни ночная тьма, ни разстояніе. Яковъ Петровичъ поощрялъ такія развѣдки, хвалилъ своихъ молодцовъ, но зато и удивлялъ ихъ неожиданностями.

Возвратились, напримѣръ, трое казаковъ, ходившихъ на очень опасную развѣдку на чеченскую сторону, и докладываютъ, что́ имъ встрѣтилось на пути. Гдѣ на ногахъ, гдѣ на четверенькахъ, а гдѣ и ползкомъ изслѣдовали они тропинку, которая вела въ чеченскій немирный аулъ. Тропинка идетъ нѣсколько верстъ то по лѣсистымъ горамъ, то по ущельямъ. Пришлось два горныхъ ручья въ бродъ переходить. Въ самомъ концѣ, почти у самаго аула, гдѣ уже сакли начинаютъ явственно виднѣться, тропинка раздваивается: одна упирается прямо въ аулъ, а другая убѣгаетъ вправо.

— Куда же эта правая тропинка ведетъ, и гдѣ она кончается? спрашиваетъ Яковъ Петровичъ.

— Не знаемъ. По ней мы еще не ходили! отвѣчаютъ казаки.—Тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда мы пробрались, еще ни одна русская нога не бывала.

— Правда, Гаврилычи, правда! говоритъ Яковъ Петровичъ. А я вамъ все-таки скажу. Правая тропа идетъ съ четверть версты и кончается у пещеры. Въ эту пещеру горцы запасы ячменя ссыпаютъ. А на правой стѣнкѣ старый заржавленный кинжалъ виситъ...

Удивились казаки. Никогда человѣкъ въ этихъ трущобахъ не бывалъ, а такія подробности разсказываетъ! Разсказали они объ этомъ въ полку. Забрало казаковъ и задѣло за живое.

Давайте, братцы, провѣримъ!

Слѣдующей же ночью выискалась группа смѣльчаковъ—и пошли провѣрять, а къ утру вернулись въ полкъ, и въ самомъ дѣлѣ и старый кинжалъ и немного ячменя напоказъ принесли.

— Видно, Якову Петровичу Богъ такъ на роду написалъ, что онъ все знаетъ и что пуля его не беретъ.

Во время стычекъ съ горцами, предводимыми Батой, потребовалось узнать и развѣдать, гдѣ находится ближайшая стоянка этого перебѣжчика. Итти приходилось далеко—въ глубь незамиреннаго края.

Вызвалась команда смѣльчаковъ-охотниковъ. Нашелся и мирный горецъ-проводникъ, поклявшійся бородою Аллаха, что знаетъ, гдѣ стоянка Баты, и что дорога къ ней извѣстна ему, какъ свои пять пальцевъ.

Собрались и тронулись въ путь. Во главѣ отряда Яковъ Петровичъ, впереди всѣхъ -проводникъ. Мѣстность -совершенно никому не знакома. Но горецъ идетъ, увѣренно, сворачиваетъ направо и налѣво и опять выводитъ на тропинку. Идутъ часъ, идутъ другой. Перешли въ бродъ черезъ горный ручей. Яковъ Петровичъ молчитъ, насупился и только по временамъ на звѣзды поглядываетъ.

Вдругъ на одномъ поворотѣ Яковъ Петровичъ неожиданно останавливается и говоритъ проводнику:

Стой! Не туда ведешь! Ты сбился съ дороги!

Проводникъ выпучилъ глаза отъ удивленія.

— Нѣтъ, вовсе не сбился! отвѣтилъ онъ.—Веду по той дорогѣ, по какой надобно.

— А тебѣ говорю, что ты сбился! стоялъ на своемъ Баклановъ.—Надо взять лѣвѣе.

— Но вѣдь ты же, наибъ, не бывалъ здѣсь ни разу! возразилъ обиженно горецъ.—Какъ же ты можешь знать дорогу? Только я одинъ ее знаю.

Казаки насторожились. Они были тоже изумлены вмѣшательствомъ Якова Петровича и теперь не безъ любопытства ждали, чья возьметъ и кто окажется правъ.

— Я здѣсь сто разъ ходилъ и тропу знаю! убѣждалъ проводникъ.

— А если знаешь, то гдѣ же дерево и подъ нимъ два камня? спросилъ Баклановъ.—Наша дорога должна итти мимо этого дерева, а оно должно быть тамъ влѣво.

Горецъ обидѣлся окончательно и началъ въ десятый разъ свою нескончаемую пѣсню о томъ, что онъ по этой дорогѣ ходилъ сто разъ и никакого дерева и никакихъ камней не видалъ.

— Гаврилычи, обратился Яковъ Петровичъ къ казакамъ, — возьмите немного влѣво и осмотрите мѣстность. Если найдется, то, о чемъ я говорю, то ткните горца носомъ, чтобы онъ получше зналъ свое дѣло.

Трое казаковъ отдѣлились, пошли по указанному направленію и вскорѣ вернулись крайне удивленные.

— Такъ точно. Дерево и подлѣ него два камня! доложили они.

— Сворачивай туда. Наша дорога тамъ проходитъ! скомандовалъ Баклановъ.

Горецъ выпучилъ глаза и сталъ глядѣть на Якова Петровича съ нескрываемымъ суевѣрнымъ страхомъ.

— Бакланъ, ты—не человѣкъ, а Боклю! проговорилъ онъ.—А можетъ-быть, и самъ Даджалъ... Ты знаешь все, что есть на землѣ, и тебя не тро-

гаетъ пуля... Я боюсь вести тебя дальше. Тебѣ извѣстно больше, чѣмъ мнѣ...

— Тогда иди, куда хочешь. Я самъ поведу отрядъ! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

Горецъ въ ту же минуту исчезъ, радуясь тому, что счастливо ушелъ отъ нечистой силы, и направилъ стопы не домой, откуда вышелъ, а въ лагерь Баты, гдѣ и поднялъ своимъ разсказомъ такой переполохъ, что Бата для успокоенія своихъ подчиненныхъ снялся и перенесъ свой лагерь на другое мѣсто.

Такихъ случаевъ было много, и молва о нихъ, часто даже въ преувеличенномъ видѣ, доходила до немирныхъ горцевъ и мало-по-малу создала во всей Чечнѣ убѣжденіе, что казакъ Бакланъ состоитъ въ большой дружбѣ съ самимъ чортомъ-Даджаломъ и что самъ онъ—Боклю.

Разъ были удивлены и казачьи офицеры, состоявшіе подъ начальствомъ Бакланова. Были они у него и пили чай съ ромомъ. Докладываютъ, что вернулись съ развѣдокъ два казака.

— Зови! приказалъ Баклановъ.

Вошли казаки и стали докладывать. Зашли они на этотъ разъ въ горы далеко. Прошли ущелье. Переходили горную рѣчку. Бурлитъ рѣка. Стали искать брода, но не нашли. Ходили и вправо и влѣво по берегу,—брода нѣтъ. Вдвинулся въ воду огром-

ный камень, а за камнемъ—камыши. Дальше итти было нельзя. Пришлось черезъ рѣчку перебраться вплавь у самаго камня, а камыши остались лѣвѣе.

Яковъ Петровичъ слушалъ, насупивъ, по своему обыкновенію, брови. И слушалъ молча. Но тутъ онъ прервалъ казака:

— Ходили вы кругомъ да около, а сути не видали! сказалъ онъ хмуро.—Бродъ-то отъ самыхъ камышей начинается. Къ нему тропинка въ самыхъ камышахъ проложена. И по ту сторону рѣки тропинка вверхъ идетъ и къ лѣсу вправо сворачиваетъ... Прозѣвали, Гаврилычи... Говори дальше...

Казаки были страшно смущены, а офицеры очень удивлены.

— Скажите, Яковъ Петровичъ, спросили офицеры по уходѣ казаковъ, -этотъ бродъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ? Или же вы сказали нарочно, чтобы пріучить казаковъ къ большей внимательности?

— Въ самомъ дѣлѣ существуетъ! отвѣтилъ, улыбаясь, Баклановъ.

— А вы-то сами откуда знаете? еще болѣе удивились офицеры.—Вы тамъ были?

— Командиръ полка обязанъ все знать! уклончиво отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.—Иначе онъ что за командиръ, если его казаки учить будутъ!..

*

Надъ нашимъ русскимъ укрѣпленіемъ, въ которомъ стоялъ казачій полкъ Бакланова, спустилась ночь. Пора было итти ко сну. Сторожевая цѣпь была разставлена, и въ хатахъ станицы, занятыхъ нашими солдатами, казаками и мирными горцами, одинъ за другимъ гасли огоньки. Кое-гдѣ лаяли собаки и похрапывали лошади. Часовые на вышкахъ осмотрѣли приготовленные на случай тревоги пучки соломы, ощупали у себя въ карманахъ кремни, кресала и трутъ и въ послѣдній разъ перекликнулись. Ночь настала тихая, спокойная и безлунная. Слышно было только, какъ шумѣла, катясь по камнямъ, горная рѣчка и какъ по временамъ что-то всплескивало въ рѣчномъ камышѣ, росшемъ въ заливчикахъ по берегамъ.

Въ укрѣпленіи затихло все, и въ хатахъ погасли послѣдніе огоньки. Казалось со стороны, будто теплая, южная кавказская ночь, полная мира и очарованія, нѣжно ласкаетъ истомленную дневнымъ зноемъ землю и навѣваетъ на ея обитателей мирный сонъ и безмятежныя грезы.—«Спите, спите, уставшіе добрые люди!» ворковала горная рѣчка.— «Спите, спите, враждующіе люди!» шептали рѣчные камыши.—«Спите, неустанные борцы! Довольно вамъ враждовать между собою!» бормотали невѣдомые поч-

ные звуки въ травѣ.—«Не спи, казакъ! Чеченецъ ходитъ за рѣкой!» отвѣчалъ доносившійся съ горъ слабый вѣтерокъ.

Казакъ Михаленко дѣйствительно не спалъ. Въ то время, когда все укрѣпленіе уже заснуло и замерло, когда старыя казачки, помолившись Богу и охая и кряхтя, полѣзли подъ теплые кожухи, казакъ Михаленко не спалъ. Онъ чистилъ свою винтовку, снаряжалъ патроны и оттачивалъ до тонкости и безъ того острый кинжалъ. Приведя всѣ свои воинскіе доспѣхи въ порядокъ, онъ облекся въ поношенное чеченское платье, снятое съ убитаго врага, надвинулъ на брови папаху, захватилъ винтовку, патроны и кинжалъ и вышелъ изъ своей хаты.

Надъ его головою мерцали съ неба звѣзды, его со всѣхъ сторонъ окутывала темная, волшебная ночь съ ея таинственными звуками, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Къ этимъ красотамъ онъ привыкъ уже давно, и онѣ его не занимали. У него было дѣло поважнѣе. Онъ пристально поглядѣлъ черезъ рѣчку въ даль, гдѣ чуть-чуть замѣтно вырисовывались въ ночномъ мракѣ темные, даже почти черные силуэты горъ на вражеской чеченской сторонѣ,—и твердыми шагами пошелъ по укрѣпленію. Пройдя десятокъ безмолвно спавшихъ хатъ, онъ подошелъ къ одной изъ нихъ, въ которой еще свѣтился огонекъ, и вошелъ.

— Хозяинъ дома? спросилъ онъ, едва успѣвъ переступить порогъ.

— А гдѣ же ему быть, какъ не дома? послышался въ отвѣтъ густой полухриплый басъ.—Просимъ милости въ хату.

Михаленко вошелъ и, пожимая протянутую хозяиномъ руку, произнесъ:

— Храброму казаку пластуну Степану Бузуну почтеніе!

— И вамъ также. Отъ такого же храбраго казака пластуна и слышу! отвѣтилъ хозяинъ.

— Готовъ, казаче, пти въ походъ за ушами?

— Не видишь развѣ? Совсѣмъ готовъ. Только затѣмъ и остановка, что добраго казака Михаленку поджидаю.

Передъ Михаленкой стоялъ огромнаго роста, бородатый казакъ-пластунъ Бузунъ, одѣтый такъ же, какъ и онъ, въ чеченскій костюмъ, увѣшанный оружіемъ, съ винтовкой черезъ плечо и въ папахѣ, надвинутой на брови.

— Добре, казаче! сказалъ Михаленко. — Коли готовъ, такъ и пойдемъ. Покуримъ,—и пойдемъ.

— Покуримъ да и пойдемъ! согласился хозяинъ, вытаскивая изъ кармана трубку и набивая ее тютюномъ.—Садись пока. Треба покурить поосновательнѣе, чтобы получше накуриться. Пожалуй, до самаго свѣта огня зажигать не придется.

Можетъ-быть, и до свѣта не придется! поддержалъ Михаленко, садясь и тоже набивая трубку.

Казаки закурили сосредоточенно и затягивались сильно и дѣловито, съ чисто служебнымъ усердіемъ.

— Ты видѣлъ?

— Что?

— Чеченцевъ утромъ.

Тѣхъ, что Настьку и двухъ дѣтокъ увезли? Нѣтъ, не видѣлъ. А ты?

— Я видѣлъ.

— А ну, разскажи, какъ было дѣло?

— Дѣло было не хитро. Виноваты сами бабы. Сказано имъ, глупымъ: «Не ходите на рѣку одинѣ, безъ провожатаго!» А онѣ плюютъ на этотъ приказъ. Вотъ тебѣ и доплевались. Утромъ Настьку дернула нелегкая итти на рѣку рубахи и всякую другую домашнюю справу полоскать. Чтобы не было скучно, позвала она съ собою Хвеську Коноплиху. Та тоже узелъ захватила. За бабами дѣтишки увязались: Настькинъ сынишка Ванька и Хвеськина дочка Аксютка. Съ ними и собачка Шарикъ была. Встрѣтился по дорогѣ казакъ Голофтій.—«Куда, говоритъ, молодаечки, Богъ несетъ?»—«На рѣчку бѣлье стирать.»—«А кто же съ вами изъ казаковъ идетъ?» «А никто». —«А какъ горцы съ той стороны выскочатъ?»—«А Богъ дастъ, не выскочатъ!»—«Безъ добраго казака да безъ ружья нельзя».—«А съ

нами собака, Шарикъ: чуть что,—онъ и забрешетъ!»—«Ну, дуры же вы, коли на одну собачку полагаетесь!»—Поговорилъ съ ними Голофтій, еще разъ выбранилъ и пошелъ своею дорогою, а бабы къ рѣчкѣ спустились и стали тряпье свое разное въ водѣ полоскать. И не то, чтобы молча, а со смѣхомъ и съ пѣснями. Долго ли, коротко ли онѣ тамъ свое бабье дѣло дѣлали,—сказать не сумѣю, только слышимъ, бѣжитъ съ берега Хвеська и голоситъ изо всей мочи:—«Ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ! Настьку съ дѣтками двое чеченцевъ хватили и на ту сторону къ себѣ увезли!»—Выбѣжали на тотъ крикъ казаки съ ружьями. Въ томъ числѣ и я выбѣжалъ съ винтовкой. Глядимъ: чеченцы скачутъ и по лошадямъ нагайками лупятъ. У одного подлеца поперекъ сѣдла Настька перекинута, а у другого—дѣвочка спереди на сѣдлѣ, а мальчишка сбоку какъ сумка болтается... Что тутъ подѣлаешь? Стрѣлять нельзя: въ своихъ попадешь... Такъ и бросили... А Хвеську мужъ—за волосы.

— Въ погоню, стало-быть, не ходили?

— Пять душъ казаковъ изъ баклановскаго полка поскакали за чеченцами слѣдомъ, а только догнали ли,—не знаю. Назадъ казаки еще не возвращались... Да это ничего, вернутся. Баклановцы не такой народъ, чтобы зря пропадать.

— И-и, подлый народъ эти бабы, непослуш-

ный!.. Если казаки не отобьютъ, то когда мы Настьку съ дѣтишками выкупимъ? Да гдѣ и грошей возьмемъ?

— То-то и оно. Пока наши грошей наберутъ, такъ изъ молодайки старуха выйдетъ, а дѣтишки очеченятся и, пожалуй, вѣру Христову среди басурмановъ забудутъ!

— Очень просто. Такія вещи бываютъ... Ну, что же, докурилъ?

— До самаго утра накурился. Пойдемъ?

— Пойдемъ.

Казаки сняли папахи, набожно перекрестились, еще разъ осмотрѣли оружіе, потушили огонь и вышли изъ хаты. На нихъ заворчала собака, но они ее окликнули, и она замолчала. Пошли они по дорожкѣ, спускавшейся къ рѣкѣ, и скоро оказались на берегу. Было темно, но ихъ зоркіе глаза умѣли видѣть и въ темнотѣ. Подойдя къ водѣ, они остановились и долго прислушивались. Рѣчка бурлила и шумѣла, въ прибрежныхъ камышахъ шелестѣлъ легкій вѣтерокъ. На противоположномъ, вражескомъ берегу царило безмолвіе.

— Гайда, Бузуне, налѣво! шепнулъ Михаленко.

— Налѣво, къ броду! согласился Бузунъ.—Дорога знакомая.

Казаки свернули налѣво и пошли впередъ такъ осторожно, что не слышно было ни шаговъ ихъ,

ни шелеста. Изрѣдка только изъ-подъ ногъ вырывался какой-нибудь шальной камешекъ и скатывался въ камыши. Шли они гуськомъ, въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга—Михаленко впереди, а Бузунъ сзади. Подвигались они впередъ, хотя и медленно, но увѣренно, какъ по давно уже извѣстной имъ дорогѣ, гдѣ даже въ ночной тьмѣ былъ знакомъ каждый кустикъ и каждый поворотъ.

По временамъ Михаленко останавливался и чутко прислушивался. Останавливался за нимъ и его товарищъ. Пройдя съ полверсты, оба они сошлись на берегу и уже намѣрены были вступить въ воду. Вдругъ передъ ними точно изъ земли выросла фигура въ папахѣ и въ чеченскомъ обмундированіи. Оба казака схватились за винтовки.

— Бросьте, панове! Со своими не дерутся! сказала незнакомая фигура.

Казаки закинули винтовки за спины и шопотомъ заговорили:

— Якову Петровичу!.. Куда васъ Богъ несетъ?

— Погнались пятеро моихъ молодцовъ утромъ за чеченцами, да и пропали! отвѣтилъ шопотомъ же Баклановъ.—Иду на всякій случай провѣдать что-нибудь о нихъ.

— Ваши не пропадутъ! увѣреннымъ тономъ прошепталъ Михаленко.—Не такой народъ ваши ба-

клановцы... Вамъ какъ угодно, а намъ съ Бузуномъ надо въ путь... Гайда, Бузуне, въ воду.

— И я съ вами перейду рѣчку, сказалъ Яковъ Петровичъ,—а тамъ и разойдемся: вы въ одну сторону, а я въ другую... Вы вѣдь на охоту за чеченцами?

— Да, Яковъ Петровичъ! отвѣтилъ Бузунъ.— Треба поучить ихъ немного, а то они очень осмѣлѣли; стали народъ православный къ себѣ въ плѣнъ таскать.

Всѣ трое вошли въ рѣку и съ первыхъ же трехъ шаговъ почти по поясъ погрузились въ воду и, поднявъ оружіе надъ головою, перешли на вражескую сторону тихо и осторожно, стараясь не выдать себя даже всплескомъ воды. Здѣсь они разстались. Яковъ Петровичъ Баклановъ сразу прилегъ къ землѣ и исчезъ безъ шороха. Казаки же, удвоивъ осторожность, прошли нѣсколько саженъ во весь ростъ, скрываясь въ росшихъ на берегу густыхъ кустарникахъ, потомъ пошли согнувшись наполовину, а затѣмъ и поползли, вытянувшись во всю длину. Ползли они съ удивительнымъ искусствомъ. Несмотря на то, что они двигались по дорогѣ, усѣянной мелкими камешками и что имъ приходилось почти на каждомъ шагу раздвигать вѣтви кустовъ,—ни одно, даже опытное ухо не открыло бы ихъ присутствія: до того они подвигались безшумно.

Сдѣлавъ еще около полуверсты отъ брода, Михаленко подалъ знакъ Бузуну, издавъ какой-то странный, чуть слышный звукъ губами, и остановился. Бузунъ подползъ къ нему.

— Тебѣ мѣсто здѣсь, а мое дальше! шепнулъ Михаленко.—Если понадобится моя помощь,—свистни, какъ всегда.

— Добре. Не понадобится. Справлюсь, Богъ дастъ, и одинъ! отвѣтилъ такимъ же шопотомъ Бузунъ.

— А если ты понадобишься мнѣ,—я свистну.

— Не понадоблюсь... До сихъ поръ не надобился.

Бузунъ, взявъ винтовку поудобнѣе въ лѣвую руку и стиснувъ кинжалъ зубами, своротилъ въ сторону и сталъ пробираться сквозь чащу кустовъ къ самой водѣ.

Михаленко съ тѣми же предосторожностями поползъ на животѣ дальше и, въ свою очередь, залѣзъ въ кусты поближе къ водѣ. Оба казака были другъ отъ друга саженяхъ въ двадцати, и оба притаились тамъ, какъ будто ихъ и не было вовсе. Оба застыли, и оба точно окаменѣли.

* * *

Рѣчка въ этомъ мѣстѣ выходила на небольшую равнину и катила свои воды плавно и почти без-

шумно. Изрѣдка только всплескивалась на ея поверхности рыба, а затѣмъ все кругомъ становилось попрежнему тихо.

Прошелъ часъ. Казаки не подавали никакихъ признаковъ жизни. И на нашей и на вражеской сторонѣ было все спокойно. Жизнь точно вымерла и точно зачарованная кавказской темной ночью заснула, притаилась и примолкла.

Прошло еще полчаса и затѣмъ еще часъ. Звѣзды на темномъ, глубокомъ небѣ уже успѣли перемѣститься: Возъ (Большая Медвѣдица) сталъ подниматъ свой передокъ кверху. Но все еще было темно и даже стало какъ будто темнѣе, точно и безъ того темная ночь напрягла передъ уходомъ всѣ свои усилія и еще болѣе сгустился мракъ.

Цѣлую ночь напролетъ оба казака пролежали въ кустахъ, поджидая, не появятся ли чеченцы.

Между чеченцами и русскими поселеніями-станицами, укрѣпленіями и пикетами съ давнихъ поръ установились своего рода почти разбойническія отношенія. Чеченцы небольшими партіями, а иногда и въ одиночку старались тайно и незамѣтно проникать въ нашу сторону и брать въ плѣнъ кого попало и что попало. Захвативъ врасплохъ какую-нибудь зазѣвавшуюся казачку, чеченцы спѣшили увезти ее какъ можно скорѣе къ рѣкѣ. Тамъ они быстро накидывали своей жертвѣ арканъ на шею, при-

вязывали къ хвосту лошади и быстро переплывали на свою сторону. Если плѣнникъ или плѣнница захлебывались во время переправы или арканъ туго стягивалъ шею и они задыхались, то чеченцы безъ церемоніи бросали ихъ на своемъ берегу и удирали въ горы. Если же имъ удавалось доставить къ себѣ плѣнныхъ живьемъ, то они прятали ихъ гдѣ-нибудь въ дальнихъ аулахъ и посылали лазутчиковъ къ нашимъ торговаться о выкупѣ. Лазутчики заламывали обыкновенно огромныя цѣны; начинался торгъ, и канитель затягивалась надолго, иногда на цѣлые годы. Бывало и такъ, что плѣнники умирали въ горахъ. Тогда чеченцы добросовѣстно извѣщали нашихъ черезъ тѣхъ же лазутчиковъ.

Такіе одиночные, полуразбойничьи набѣги совершались горцами не столько изъ корысти, сколько изъ удальства. Большою честью для чеченца считалось подсидѣть и убить казака и въ доказательство своей храбрости и удали привезти домой правое ухо убитаго. Ухо, въ видѣ трофея, прибивалось къ стѣнкѣ сакли снаружи, и чѣмъ въ большемъ количествѣ красовались у горца на стѣнкѣ эти неаппетитные трофеи, тѣмъ онъ считался среди своихъ храбрѣе, удалѣе и безстрашнѣе.

Съ другой стороны, чеченцы и соплеменные съ ними горцы считали позорнымъ потерять ухо. И даже отсутствіе уха у мертваго горца служило ти-

желымъ упрекомъ для живыхъ. Это значило, что у живыхъ не хватило храбрости и удальства отстоять своего единоплеменника и отнять у враговъ его трупъ. По мусульманскимъ вѣрованіямъ, оставлять тѣло ближняго въ рукахъ невѣрныхъ урусовъ былъ великій грѣхъ передъ Аллахомъ, а если гяуры вдобавокъ и уродовали тѣло убитаго, то къ грѣху присоединялся еще и срамъ для живыхъ.

Наши казаки-пластуны подмѣтили эту чеченскую особенность и, чтобы досадить врагамъ какъ можно чувствительнѣе, отрѣзали у вражьихъ тѣлъ правое ухо. Чеченцы всегда приходили за тѣломъ, гдѣ бы оно ни было брошено, и непремѣнно увозили его съ собою и передавали роднѣ для погребенія. Если родня убитаго не находила на мѣстѣ праваго уха, то поднимался страшный вой, и товарищамъ убитаго, участвовавшимъ въ набѣгѣ, доставалось очень чувствительно и срамъ надъ ними тяготѣлъ до тѣхъ поръ, пока они не возстановляли своей прежней славы прибитіемъ къ своимъ саклямъ свѣжихъ русскихъ ушей.

Казаки-пластуны Михаленко и Бузунъ славились тѣмъ, что, по ихъ милости, у горцевъ нерѣдко совершались подобныя поминки. Оба храбреца почти каждую ночь отправлялись въ засады, поджидали возвращенія хищниковъ и вступали съ ними въ бой непремѣнно одинъ-на-одинъ. Горцы знали ихъ хо-

рошо и питали къ нимъ большое уваженіе, но за отрѣзываемыя уши злились на нихъ ужасно. Головы обоихъ этихъ казаковъ-молодцовъ были оцѣнены высоко, и тотъ горецъ, которому посчастливилось бы привезти въ свой аулъ хоть одну изъ этихъ бородатыхъ головъ, непремѣнно сталъ бы героемъ...

Дѣло подходило къ утру. Михаленко уже собирался выругаться хорошенько и подать Бузуну условный знакъ свистомъ. Но въ это время на противоположномъ берегу послышались неясные звуки. Казакъ прилегъ къ землѣ и напрягъ зрѣніе и слухъ. Въ душѣ у него заискрилась надежда, что ночь еще не потеряна и что, можетъ-быть, будетъ и «дѣло». Надежда не обманула ни того, ни другого удальца. Неясный шумъ мало-по-малу превратился въ конскій топотъ, затѣмъ послышался плескъ воды, и потомъ оба казака, по обыкновенію, съ кинжаломъ въ зубахъ, незамѣтно скользнули въ воду и поплыли навстрѣчу звукамъ.

По обыкновенію же, на водѣ завязалась жестокая борьба, съ яростными криками, стонами, проклятіями и воззваніями къ Аллаху, и, въ концѣ концовъ, при свѣтѣ чуть загоравшейся зари, на нашемъ берегу оказалась цѣлая группа существъ. На каменистомъ пескѣ лежали неподвижно и уже безъ признаковъ жизни два чеченца, каждый безъ праваго уха. Нѣсколько въ сторонѣ Михаленко хлопо-

талъ около третьяго, раненаго, но еще боровшагося врага, которому онъ силился связать руки и который ни за что не хотѣлъ даваться живымъ. Съ рѣки доносилось болѣзненное ржаніе уносимой теченіемъ раненой лошади. На это ржаніе подавали съ берега голосъ другія двѣ лошади. Къ хвосту одной изъ нихъ былъ привязанъ арканъ, конецъ котораго туго обхватывалъ шею, повидимому, безжизненной молодой женщины. Около женщины лежала тоже недвижная дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Пока Михаленко справлялся съ жестоко сопротивлявшимся раненымъ горцемъ, Бузунъ перерѣзалъ кинжаломъ арканъ, и поспѣшилъ распустить петлю вокругъ шеи женщины. Молодую дѣвушку старался привести въ чувство Богъ вѣсть откуда появившійся Яковъ Петровичъ. Михаленко нисколько не удивился, увидѣвъ его, и только сказалъ:

— Дѣвчонка, кажется, совсѣмъ захлебнулась, а женщину, Яковъ Петровичъ, будто бы и можно будетъ откачать.

Баклановъ приложилъ ухо къ груди одной, а потомъ другой женщины и проговорилъ:

— Слава Богу, обѣ живы. Дѣлай, Михаленко, свое дѣло, а о нихъ я похлопочу. Не упусти только лошадей, чтобы перевезти ихъ въ станицу.

— Справляйся скорѣе! крикнулъ Михаленко Бузуну.—Что тамъ у тебя?

— Не дается: все хочетъ кинжаломъ угодить! отвѣчалъ, кряхтя, Бузунъ.—Какъ только справлюсь, такъ и приду... Доглядай коней.

Михаленко быстро схватилъ обѣихъ лошадей, привязалъ ихъ къ кустамъ, бросилъ взглядъ на Бакланова и на утопленницъ и поспѣшилъ на помощь къ товарищу.

— Что тутъ у тебя за оказія?

— А вотъ погляди!

Бузунъ сидѣлъ верхомъ на раненомъ, страшно барахтавшемся горцѣ, держалъ его за обѣ руки и старался связать ихъ. Въ одной рукѣ у горца былъ судорожно стиснутъ кинжалъ, которымъ онъ силился пырнуть казака, но не могъ, потому что рука у кисти была стиснута казацкой лапой, какъ клещами. По временамъ горецъ пускалъ въ ходъ зубы и старался укусить Бузуна за что попало.

— Скорѣй справляйся! торопилъ Михаленко.— Хочешь, помогу?

— Не замай... На одного вдвоемъ не честно...

Михаленко отошелъ въ сторону и приблизился къ Якову Петровичу. Приведенная въ чувство молодая женщина уже сидѣла, но еще не пришла въ себя и тупо и ничего не понимая глядѣла раздвоеннымъ взглядомъ на рѣку. Баклановъ хлопоталъ около дѣвушки. Казакъ увидѣлъ, что ему дѣлать нечего, и отошелъ къ чеченскимъ лошадямъ.

— А, чтобъ тебѣ провалиться, проклятому! раздался злобно болѣзненный голосъ Бузуна.

— Что тамъ у тебя еще? спросилъ Михаленко.

— Палецъ чуть не откусилъ и кинжаломъ оцарапалъ!

— Ишь, прыткій какой! А ты его—по зубамъ или тоже кинжаломъ.

— Теперь ужъ не надо. Справился.

Бузунъ поднялся на ноги, съ презрѣніемъ поглядѣлъ на связаннаго чеченца и повернулся къ Бакланову.

— Какъ у васъ дѣла, Яковъ Петровичъ? Ага! уже и дѣвчонка сидитъ?.. А я думалъ, что она совсѣмъ захлебнулась... Эге! вдругъ во весь голосъ вскрикнулъ онъ.

Изъ лѣвой руки его фонтаномъ свистнула кровь.

— Михаленко, иди сюда. Оторви у меня кусочекъ полы. Чеченецъ до крови царапнулъ.

— Эге, это —царапнулъ! покачалъ головою Михаленко, перевязывая рану товарищу.—За жилу задѣлъ... Какъ бы худа не было...

— Ничего, обойдется...

Яковъ Петровичъ, оставивъ женщинъ, подошелъ поближе, всмотрѣлся пристально въ черты лица неподвижно лежавшаго чеченца и спросилъ казаковъ:

— Что вы думаете съ нимъ дѣлать, братцы?

— Отрѣжемъ правое ухо для срама—и бро-

симъ! отвѣтилъ Михаленко.—Очнется, и пускай идетъ на всѣ четыре стороны. Безъ уха ему къ своимъ родичамъ показаться нельзя: всю жизнь срамить будутъ.

— Отдайте его мнѣ. Онъ мнѣ пригодится! проговорилъ Яковъ Петровичъ.

— Сдѣлайте милость, Яковъ Петровичъ, берите! отвѣтили въ одинъ голосъ оба казака.

Баклановъ снялъ съ себя поясъ и еще крѣпче скрутилъ руки и ноги чеченца.

— Пусть тутъ лежитъ! сказалъ онъ.—Я за нимъ своихъ молодцовъ пришлю... Смотрите, ваши линейные казаки-пластуны сюда скачутъ. Должно-быть, родня этимъ женщинамъ.

— Такъ и есть! проговорилъ, всматриваясь, Бузунъ. —Батько и мужъ... Михаленко, гайда!..

Оба казака вскочили на чеченскихъ лошадей и умчались, изъ боязни, чтобы родственники не поблагодарили ихъ за спасеніе дорогихъ имъ женщинъ. Баклановъ тоже исчезъ въ кустахъ. На мѣстѣ остался только одинъ неподвижный чеченецъ.

*
* *

Къ удивленію всѣхъ офицеровъ Баклановскаго полка, Яковъ Петровичъ, всегда радушный и гостепріимный, цѣлую недѣлю не приглашалъ къ себѣ

въ хату никого, а казаковъ, являвшихся по службѣ съ докладами, принималъ въ сѣняхъ.

Офицеры, привыкшіе частенько пить у Бакланова чай съ ромомъ и иногда перекинуться въ картишки, знали, что у него въ хаткѣ лежитъ на излѣченіи какой-то раненый чеченецъ. Знали также, что этого чеченца привезли съ берега рѣки два казака, посланныхъ Яковомъ Петровичемъ. Но оба эти казака крѣпко держали языкъ за зубами и на всѣ разспросы есауловъ, хорунжихъ и прочихъ офицеровъ отвѣчали:

— Чеченецъ, какъ и всѣ чеченцы. А кто онъ такой,—не знаемъ. Когда его везли къ командиру, онъ былъ безъ памяти.

Разспрашивать самого Якова Петровича считали неудобнымъ, а Яковъ Петровичъ молчалъ и за все это время выѣзжалъ только на работы по прокладкѣ просѣки, а все остальное время проводилъ у себя въ хатѣ. Полковой докторъ предложилъ было изъ любопытства свои услуги по части лѣченія, но получилъ короткій отвѣтъ:

— И самъ отойдетъ... Не безпокойтесь, Кузьма Семеновичъ. На чеченцѣ, какъ на собакѣ, всякая рана сама собой присыхаетъ...

Почему вы въ немъ такое участіе принимаете? допытывался докторъ.—Вѣдь онъ изъ числа

тѣхъ, что похитили двухъ казачекъ... Чѣмъ онъ передъ вами заслужилъ?

— Ничѣмъ! улыбнулся Яковъ Петровичъ. — Его, по настоящему, повѣсить слѣдовало бы, а мнѣ пришла фантазія повозиться съ нимъ. Я и самъ не знаю, съ чего мнѣ это вздумалось...

Такъ докторъ и не узналъ ничего, а стало быть, не могъ и сообщить никому ничего. А вѣстей о загадачномъ чеченцѣ всѣ въ полку и въ станицѣ ждали жадно.

Ждали, но такъ и не дождались. Не прошло и недѣли, какъ Яковъ Петровичъ во время работы сказалъ добродушно есаулу:

— Вы бы ко мнѣ съ товарищами зашли нынче чайку попить. Дорогу въ мою хату, я думаю, не забыли...

— А чеченецъ? удивленно спросилъ есаулъ. Хотите показать намъ вашего невидимку?

— Чеченецъ?! Эка, когда хватились! засмѣялся въ щетинистые усы Баклановъ. — Его давно уже нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— А чортъ его знаетъ, гдѣ онъ!.. Должно быть, къ своимъ удралъ, на ту сторону... Я проснулся разъ утромъ, а его и слѣдъ простылъ. Даже и спасибо не сказалъ...

— Значитъ, ваши труды и заботы о немъ даромъ пропали, Яковъ Петровичъ?

— Можетъ, пропали, а можетъ-быть, и нѣтъ! загадочно отвѣтилъ Баклановъ.—Такъ милости прошу вечеркомъ.

Собравшіеся вечеромъ на чай однополчане нѣсколько разъ всѣми способами заводили рѣчь о чеченцѣ, но Яковъ Петровичъ, сидя въ своей любимой позѣ съ ногами на лежанкѣ, отмалчивался, а потомъ не выдержалъ и сказалъ:

— Охота вамъ, господа, такою дрянью интересоваться! Самый обыкновенный азіатъ, какъ и всѣ азіаты,—и благородный, и вѣроломный, и дерзкій и суевѣрный. Только и всего. Ничего въ немъ особеннаго нѣтъ. Я взялъ его къ себѣ по какому-то глупому капризу: думалъ поближе познакомиться съ чеченцами. Познакомиться не удалось. Пока онъ въ бреду лежалъ, то только и говорилъ два слова: «Аллахъ» и «Шамиль», а когда бредъ прошелъ и сознаніе вернулось, то онъ удралъ. Вотъ и все. Я даже имени его не знаю.

Тѣмъ эта исторія и кончилась, и о ней скоро всѣ забыли.

Но Яковъ Петровичъ съ той поры сталъ всевѣдущимъ и почти безошибочнымъ пророкомъ и предсказателемъ.

Иногда по ночамъ, когда вся станица крѣпко спала, со стороны рѣчки раздавался короткій, похожій на трескъ крикъ коростеля-дергача. Бакла-

новь осторожно и крадучись выходилъ изъ своей хаты на берегъ и, подойдя къ большому камню, произносилъ:

— Али-Бегъ! Ты?

— Я, сердарь Баклапъ... Завтра съ той стороны, гдѣ старая батарея, придутъ полтораста нашихъ... Драться будутъ...

— Ладно... Какъ твои рапы, Али Бегъ?

— Ничего, сердарь. Послѣ того, какъ ты меня вылѣчилъ въ своей саклѣ, я здоровъ... Благодарю... Да пошлетъ тебѣ Аллахъ долгіе дни.

— А какъ Ибрагимъ?

— Ибрагимъ попрежнему знаетъ все, что думаетъ имамъ Шамиль. Ибрагимъ благодаритъ тебя за золото... Ибрагимъ говоритъ, что скоро придетъ къ тебѣ драться самъ Бата... Онъ тогда пришлетъ меня увѣдомить тебя.

— Хорошо. Возьми, Али-Бегъ, эти деньги и, сколько нужно, отдай Ибрагиму, а остальныя оставь себѣ.

— Благодарю, сердарь. Ибрагимъ и Али-Бегъ — твои вѣрные слуги.

— Это я знаю... Не забывай, что если ты измѣнишь мнѣ или обманешь, то я найду тебя, гдѣ бы ты ни спрятался, и твоя голова будетъ послана Шамилю.

— Не бойся, сердарь Баклапъ. Я знаю, что

ты всемогущъ. Ты—Боклю (чортъ). Ты все знаешь... Слѣдующій разъ я буду вызывать тебя кукушкою.

На другой день ранымъ-рано поутру Яковъ Петровичъ, выѣзжая съ полкомъ на обычныя работы, говорилъ своимъ казакамъ:

— Гаврилычи, приготовься! Нынче около полудня драться будемъ. Смотрите, чтобы все было исправно! Чтобы не ударить лицомъ въ грязь! Помните честь донского казачества! На старую, заброшенную батарейку поглядывайте...

Казаки-Гаврилычи переглянулись между собою. Кругомъ было спокойно, и горцевъ не было видно нигдѣ. Но къ полудню, къ общему удивленію, они вдругъ нахлынули, и драка дѣйствительно завязалась.

— И откуда онъ это знаетъ? Какая птица ему на хвостѣ приноситъ? удивлялись въ полку.

Удивлялись даже и офицеры. Случалось, что когда, по общему мнѣнію, на вражеской сторонѣ было спокойнѣе, обыкновеннаго, Яковъ Петровичъ вдругъ, точно по наитію свыше, уводилъ свой полкъ и садился съ нимъ въ засадѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли появиться горцы. А они вдругъ появлялись и, застигнутые врасплохъ, теряли много своихъ и убѣгали въ полномъ пораженіи, приписывая побѣду Бакланова чорту.

— Бакланъ-Боклю!.. Боклю-Бакланъ! кричали они въ ужасѣ.

Вѣсти объ успѣхахъ Бакланова, о томъ, что онъ внезапно появлялся тамъ, гдѣ его не ожидали, и разстраивалъ самые хитрые планы горцевъ, наводнили всю Чечню и тревожили и самого Шамиля въ его неприступномъ аулѣ Ведени. Почти каждый день ему докладывали, что Боклю-Баклань либо одержалъ побѣду въ стычкѣ тамъ-то и тамъ-то, либо предупредилъ задуманный чеченцами набѣгъ и оказался въ засадѣ раньше, нежели они, горцы, успѣли прійти и занять позицію.

Въ короткое время Яковъ Петровичъ навелъ такой страхъ на всю Чечню, что горцы почти прекратили свои набѣги и стали бояться, какъ бы самъ Боклю-Баклань не вторгся въ ихъ родную землю и не сталъ бы разорять ихъ аулы. А Шамиль одно время дошелъ до такого нервнаго состоянія, что, когда къ нему приходили съ докладомъ, то онъ предупреждалъ вопросомъ:

— Не о новой ли побѣдѣ казака Баклана принесъ ты мнѣ извѣстіе?

*
* *

Дѣла чеченцевъ къ этому времени стали изъ рукъ вонъ плохи. Съ одной стороны тѣснилъ ихъ и не давалъ имъ покоя Яковъ Петровичъ Баклановъ, которому, по ихъ глубокому убѣжденію, по-

могалъ самъ чортъ Даджалъ и его правая рука — Боклю; по всей пограничной линіи тѣснили ихъ линейные казаки-пластуны; а съ другой, противоположной стороны, на нихъ наступали наши регулярныя войска подъ предводительствомъ князя Барятинскаго. Положеніе было не изъ пріятныхъ.

Шамиль, ихъ владыка, сидѣлъ у себя въ Дагестанѣ и тоже едва-едва успѣвалъ отбиваться отъ насѣдавшихъ на него урусовъ. Дѣла его тоже были плохи.

Въ это-то время изнемогавшая Чечня рѣшила послать къ нему депутацію—просить помощи.

— Да благословитъ тебя Аллахъ на многіе и многіе годы, сказали Шамилю депутаты,—но мы уже истощили наши силы. Ты обѣщалъ прислать намъ помощь, и мы долго и напрасно ждемъ ее. Твои мюриды, которыхъ ты прислалъ, видѣли собственными очами и могутъ разсказать тебѣ, сколько горя патерпѣлись мы и какое разореніе понесли мы за послѣдніе годы. Одинъ Боклю-Бакланъ чего намъ стоитъ!.. Мы болѣе уже не можемъ оставаться въ такомъ ужасномъ положеніи. Или окажи ты намъ помощь, или же мы принуждены будемъ покориться русскимъ.

Депутація выбрала самое неудобное время. Грозный горный владыка не могъ въ этотъ моментъ ничѣмъ имъ помочь. Онъ могъ имъ дать только то,

чѣмъ располагалъ, какъ духовная особа, имамъ: онъ далъ имъ не матеріальную помощь, а духовное назиданіе.

— Молитесь Аллаху, сказалъ онъ, — и переносите невзгоды терпѣливо. Гибель вашихъ жилищъ и всевозможныя бѣдствія не вѣчны, а временны. Великій Аллахъ видитъ ваши бѣдствія и вознаградитъ васъ сторицею, если вы останетесь ему вѣрны и будете такими же добрыми мусульманами, какими были ваши предки.

Депутаты, услышавъ такой отвѣтъ, печально повѣсили головы.

— Мы уже истощены и не въ силахъ болѣе сопротивляться урусамъ! сказали они.

Аллахъ всемогущъ и милостивъ! отвѣтилъ Шамиль.

Депутаты вздохнули.

— Мнѣ доподлинно извѣстно, продолжалъ имамъ,— что многіе изъ васъ подпали малодушію, забыли великаго Аллаха, передались урусамъ и стали искать защиты за стѣнами ихъ крѣпостей. Но вѣрьте мнѣ и знайте, что эти малодушные скоро испытаютъ на себѣ, что̀ такое раскаяніе. Вы обязаны съ оружіемъ въ рукахъ итти противъ гяуровъ, а не подчиняться имъ. Пока я живъ,—я не потерплю такого беззаконія, и пока стоитъ твердь небесная,—вы должны ненавидѣть невѣрныхъ. Погодите немного, и я явлюсь

къ вамъ на помощь съ кораномъ и съ мечомъ, и— горе тогда нечестивцамъ-отступникамъ: я ихъ истреблю!

Депутаты молча выслушали эту краснорѣчивую проповѣдь и вернулись къ себѣ глубоко разочарованные.

Но Шамиль все-таки исполнилъ свое обѣщаніе. По Чечнѣ стали распространяться посланія Шамиля, и въ этихъ посланіяхъ обѣщалась скорая помощь. Чеченцы заволновались и стали ждать лучшаго будущаго.

Затѣмъ стало ходить по рукамъ посланіе Шамиля такого содержанія:

«Желаю вамъ вѣчный миръ съ Богомъ! Именемъ всемогущаго Аллаха призываю васъ всѣхъ на брань съ невѣрными! Я соберу въ горахъ всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе, и приду къ вамъ. Если же помощь моя нужна вамъ скорая, то увѣдомьте,—и я прискачу такъ скоро, какъ бѣгаютъ зайцы. Дѣйствуйте противъ непріятеля хитро, какъ лисицы, и не забывайте обычаевъ славныхъ нашихъ предковъ. Къ вамъ придетъ лучшій другъ мой наибъ Бата. Довѣрьтесь ему. Онъ соберетъ васъ и поведетъ противъ невѣрныхъ. Надѣюсь на Аллаха, который не допуститъ, чтобы вамъ было нанесено пораженіе».

Черезъ два дня посланіе это было уже въ рукахъ Якова Петровича.

* * *

— Смотри, донцы-молодцы, чтобы все въ порядкѣ было! объявилъ по полку Баклановъ.—Дня черезъ два или три хорошее дѣло будетъ. Придется, пожалуй, станицу грудью отстаивать.

— А вы откуда это знаете? съ любопытствомъ спросили есаулы и хорунжіе.

— Сорока на хвостѣ принесла... Сонъ такой видѣлъ... Имѣйте въ виду: съ самимъ Батой драться будемъ.

— Какой это Бата? Кто такой Бата? Что это за птица? спросилъ одинъ изъ случайно присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ прапорщиковъ другого полка. Онъ лишь недавно прибылъ на Кавказъ искать орденовъ и отличій.

— Есть у насъ звѣрь такой! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.—Такіе вопросы задавать, будучи кавказскимъ служакою, стыдно. Одно только васъ извиняетъ, что вы всего нѣсколько дней какъ присланы къ намъ изъ Петербурга въ науку... Бата Шанурзовъ—человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный, если хотите... Родомъ онъ чеченецъ, а воспитывался у насъ, у русскихъ, въ Тифлисѣ. Потомъ, въ молодые годы довольно долго служилъ въ конвоѣ фельдмаршала Паскевича въ Варшавѣ.

— Значитъ, онъ — нашъ? съ любопытствомъ спросилъ прапорщикъ.

— А вы не перебивайте, когда старшіе говорятъ... Нашъ, да не очень. Изъ Варшавы онъ перевелся сюда на Кавказъ, получилъ чинъ подпоручика милиціи. Знаетъ онъ и здѣшніе языки и русскій. Его и употребляли, какъ переводчика. Въ душѣ — азіатъ, какъ и всѣ чеченцы, и служилъ ради чиновъ и орденовъ. Натура—пылкая, кавказская: вспыхиваетъ какъ порохъ. Не поладилъ что-то съ начальствомъ, и—маршъ черезъ горы къ Шамилю. Шамиль, конечно, радъ такому перебѣжчику и принялъ съ превеликимъ почетомъ: русскій языкъ знаетъ, русскую службу знаетъ, всѣ наши недочеты и прорѣхи ему извѣстны,—чего же болѣе? Самый для Шамиля подходящій служака. Вотъ съ этимъ-то Батой Шанурзой мы и встрѣтимся не нынче, завтра. Готовъ объ закладъ биться, что онъ, вопреки горскимъ обычаямъ, совершитъ набѣгъ на станицу не ночью, а днемъ.

— И вы думаете, Яковъ Петровичъ, что вы съ нимъ легко сладите? спросилъ наивно петербуржецъ.

— Что я думаю, молодой человѣкъ, это—мое дѣло! отвѣтилъ строго Баклановъ.—Я думаю, что кое-какіе вопросы и задавать нужно подумавши сначала... Не вздумайте когда-либо спросить что-либо подобное у здѣшнихъ, а особенно у моихъ казаковъ: на смѣхъ поднимутъ.

Юный прапорщикъ густо покраснѣлъ.

— Имѣйте въ виду, обратился Яковъ Петровичъ къ своимъ офицерамъ,—что Бата своимъ чеченцамъ назначилъ десять рублей тому, кто первый переправится черезъ рѣку... Вотъ тутъ-то, во время переправы мы ихъ и угостимъ...

Такъ и вышло. Черезъ два дня чеченцы подошли огромной толпою къ Тереку и приготовились къ переправѣ на нашу сторону. Впереди всѣхъ былъ Бата. На нашемъ берегу не было видно ни одного человѣка. Не успѣли однакоже конные чеченцы броситься въ воду, какъ съ нашего берега раздался откуда-то изъ скрытнаго мѣста пушечный выстрѣлъ, и ядро со свистомъ врѣзалось въ толпу чеченцевъ, а потомъ пошла свистать картечь.

Ошеломленные неожиданностью горцы съ криками повернули назадъ. Напрасно Бата уговаривалъ и воодушевлялъ ихъ. Напрасно даже старался онъ увлечь ихъ собственнымъ примѣромъ, бросившись съ лошадью въ воду. Горцы въ страшной паникѣ стремились къ берегу и тѣснили своихъ же, еще не успѣвшихъ подойти къ водѣ. Бата выходилъ изъ себя и отчаянно бранился.

— Трусы! кричалъ онъ.—У гяуровъ нѣтъ больше картечи! Имъ больше нечѣмъ стрѣлять! Я знаю ихъ порядки...

Но тутъ сбившихся въ безпорядочную кучу че-

ченцевъ поразила новая и уже совсѣмъ непредвидѣнная неожиданность: передъ ними, на ихъ же вражескомъ берегу точно изъ-подъ земли появился изъ засады Баклановъ со своими казаками.

— Бакланъ-Боклю!... Боклю-Бакланъ! кричали объятые паникой горцы и убѣгали, даже побросавъ своихъ раненыхъ, что считалось великимъ грѣхомъ и стыдомъ.

Бата едва выбрался со своими обезумѣвшими подчиненными на сосѣдній холмъ и крикнулъ оттуда по-русски:

— Сегодня, Яковъ Петровичъ, ваша взяла! Но я еще приду къ вамъ!..

— Милости просимъ, Бата Шанурзовъ! тоже крикнулъ въ отвѣтъ Баклановъ.—Угощеніе всегда найдется!..

— Ну, да и Яковъ же Петровичъ! говорили казаки.—Все, какъ есть, напередъ знаетъ! Чисто, заколдованный!..

* * *

Какъ-то послѣ полуночи на берегу рѣки уныло залаялъ шакалъ. Но на него никто не обратилъ вниманія, кромѣ казаковъ-пластуновъ Бузуна и Михаленка, которые, по привычкѣ, шли на охоту за чеченскими ушами. Не доходя до берега, они неожи-

данно столкнулись съ Яковомъ Петровичемъ, возвращавшимся, повидимому, съ рѣки домой.

— Съ развѣдокъ идете? спросили пластуны.

— Нѣтъ, братцы. Не спится что-то! отвѣтилъ небрежно Баклановъ.—Да и въ хатѣ душно... Ходилъ немножко освѣжиться.

Такъ, такъ! согласились казаки.—И у насъ въ хатахъ духота стоитъ... И мы освѣжиться идемъ, да что-то не больно охота. Распугали вы, Яковъ Петровичъ, чеченцевъ: уже которую ночь въ зарослях напрасно теряемъ...

— Не плачьте, братцы, еще придутъ! утѣшилъ Баклановъ и распрощался.

На завтра денекъ выдался прекрасный, свѣтлый и не особенно жаркій. По небу медленно ползли бѣлыя лѣтнія облака и, заслоняя собою солнце, по временамъ давали отрадную тѣнь. Вдали ярко зеленѣли ближайшія горы, изъ-за которыхъ чуть виднѣлись снѣговыя вершины. Подъ ногами вдоль горной рѣчки стлалась по небольшой равнинѣ сочная трава, пестрѣвшая причудливымъ ковромъ всевозможныхъ красокъ отъ миріадовъ разбросанныхъ цвѣтовъ.

Рано утромъ изъ укрѣпленія вышла на эту зеленую равнину партія донскихъ казаковъ съ косами и съ ружьями. Это были баклановцы. Тотчасъ же ихъ охватило чувство простора и жизнерадостности, по

вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ лицахъ видна была и тѣнь нѣкоторой скрытой озабоченности.

На чеченской сторонѣ было тихо и пусто.

Выйдя на равнину, казаки сняли черкески и оружіе, стали въ рядъ, дружно взмахнули косами и съ веселыми шутками и остротами припялись косить. Трава ложилась подъ ихъ косами покорными, стройными рядами.

— Помни, Гаврилычи, мою заповѣдь, обратился къ нимъ Яковъ Петровичъ:—Бата съ чеченцами переберется на нашу сторону черезъ бродъ въ верстѣ отсюда. Станетъ къ вамъ подкрадываться,—вы знай себѣ работай косами, а съ ружей глазъ не спускай. Первый ударъ чеченцевъ на себя принимай. А тамъ уже—мое дѣло... Ну, да васъ, Гаврилычи, учить нечему.

Яковъ Петровичъ оглядѣлъ зоркимъ взглядомъ вражескія горы и уѣхалъ въ укрѣпленіе. Казаки поглядѣли ему вслѣдъ и обмѣнялись многозначительными взглядами, которые говорили одно и то же:

— Откуда онъ знаетъ, что Бата придетъ?

— Знаетъ даже, гдѣ онъ и черезъ рѣку перейдетъ... Ну, голова!..

Казаки продолжали косьбу съ пѣсней и увлеклись и работой и пѣсней. Подошло незамѣтно время къ обѣду.

— Время бы, братцы, къ котлу собираться,

заговорилъ въ раздумьѣ хорунжій,—да не знаю, какъ быть,—Яковъ Петровичъ на этотъ счетъ не распорядился.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ сзади казаковъ неожиданно грянулъ выстрѣлъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ зашуршала картечь. Они оглянулись. Ближайшая горка была усѣяна конными чеченцами, а на самой макушкѣ стояла пушка, изъ которой только что былъ произведенъ выстрѣлъ.

— Бросай косы, хватай скорѣй ружья и бѣги за мной! скомандовалъ хорунжій.

Горцы заволновались и засуетились, что-то подготовляя. Впереди нихъ стояли Бата и какая-то стройная, высокая фигура, что-то говорившая, размахивавшая руками и указывавшая на горсть казаковъ. На фигурѣ была чалма — признакъ мусульманской духовной особы.

— Готовься, ребята! крикнулъ хорунжій, не отрывая глазъ отъ горцевъ

Казаки схватились за винтовки. И было какъ разъ время. Горцы всею толпою, человѣкъ въ двѣсти, верхомъ на коняхъ быстро двигались на небольшую горсть казаковъ.

— Алла! закричали они.

— Ура! крикнула горсточка косцовъ.

Чеченцы, предвидя легкую побѣду надъ неболь-

шою горсточкой казаковъ, набросились на нее неудержимой лавиной. Но не успѣли они сойтись, какъ неожиданно сбоку ударилъ на нихъ всей массою своего полка Яковъ Петровичъ. Горцы оказались сжатыми съ двухъ сторонъ и въ испугѣ подняли крикъ:

— Боклю-Бакланъ!.. Даджалъ-Бакланъ!..

Минутъ десять продолжалась стычка. Чеченцы кос-какъ вырвались изъ тисковъ и попробовали было наутекъ, но казаки сомкнулись и потѣснили ихъ къ рѣкѣ. Бата однимъ изъ первыхъ прыгнулъ въ воду съ конемъ и поплылъ на свою сторону. Имъ вслѣдъ посыпалась картечь изъ ихъ же пушки.

— Куда же ты, Бата? Ты обѣщалъ побывать у меня и теперь уходишь такъ скоро! крикнулъ насмѣшливо Яковъ Петровичъ.

Но Бата не отвѣчалъ. Выбравшись на свой чеченскій берегъ, онъ поспѣшилъ съ уцѣлѣвшими горцами скрыться въ лѣсу. Его уже второй разъ разбиваетъ на голову Баклановъ,—и онъ чувствовалъ, что его обаяніе среди горцевъ начинаетъ падать.

* * *

Въ рукахъ казаковъ остались взятыми въ плѣнъ пятеро чеченцевъ и въ числѣ ихъ шестой—тотъ самый мулла въ чалмѣ, который размахивалъ руками и воодушевлялъ толпу. Нѣсколько лошадей было ранено и около тридцати взято живьемъ.

Пушку съ торжествомъ ввезли въ укрѣпленіе. Туда же ввели и плѣнныхъ.

Яковъ Петровичъ велѣлъ подвести къ себѣ муллу и спросилъ его:

— Ты знаешь меня?

Знаю! отвѣчалъ мулла. -Ты самъ чортъ, Даджалъ или Боклю. Въ своихъ рукахъ ты всегда держишь побѣду, и отъ тебя же исходитъ наше пораженіе. Тебѣ помогаетъ не Богъ, не всемогущій Аллахъ, а дьяволъ-Даджалъ.

— Такъ знай же, мулла, проговорилъ серьезно Баклановъ,—что еще не отлита та пуля и не скованъ тотъ кинжалъ, которыми можно поразить меня.

— Знаю! отвѣчалъ мулла.—Въ тебя сегодня стрѣляли особенной, заговорной пулей, и она не попала въ тебя.

— И впередъ будетъ точно такъ же. Скажи, что бы сдѣлалъ, если бы я попалъ къ тебѣ въ руки?

— Во имя и во славу Аллаха, я приказалъ бы тебя повѣсить.

— А какъ ты думаешь, что я съ тобой намѣренъ сдѣлать?

— Тоже повѣсить. Но я не боюсь смерти. Вѣшай.

— Нѣтъ. Я тебя не только не повѣшу, но даже приглашаю быть моимъ почетнымъ гостемъ.

Яковъ Петровичъ дружески протянулъ руку. Мулла сначала выпучилъ глаза отъ изумленія, а

затѣмъ горячо пожалъ протянутую руку и приложилъ ее къ своему сердцу.

Полудикій, грубый мулла долго не могъ повѣрить тому, что онъ не будетъ повѣшенъ. Въ великодушіе онъ не вѣрилъ и даже не могъ допустить этого чувства. По ученію корана и еще болѣе по укоренившемуся обычаю, разъ заклятый врагъ попался въ лапы,—пощады не должно быть никакой.

Поэтому мулла, приглашенный Яковомъ Петровичемъ въ его хату, шелъ за своимъ побѣдителемъ покорно, но самъ дико озирался по сторонамъ, опасаясь, не пырнетъ ли его кто-нибудь изъ урусовъ предательски кинжаломъ въ бокъ или сзади. Проходя по укрѣпленію, онъ смотрѣлъ направо и налѣво, ища глазами, не болтается ли гдѣ-либо на перекладинѣ заранѣе приготовленная петля.

Вошли въ горницу. Мулла смотрѣлъ дико и недовѣрчиво, какъ затравленный волкъ, и окинулъ взглядомъ всѣ стѣны. Яковъ Петровичъ, прекрасно знавшій всѣ повадки горцевъ, нисколько не удивлялся этому и началъ съ того, что снялъ со стѣны кинжалъ, вынулъ его изъ ноженъ, потрогалъ пальцемъ лезвее, вложилъ опять въ ножны и подалъ изумленному горцу, сказавъ:

— Ты подъ моей кровлей; теперь ты—мой гость, и да хранитъ Аллахъ каждый волосъ на твоей бо-

родѣ. Будь отнынѣ моимъ кунакомъ и прими отъ меня подарокъ.

Мулла взялъ кинжалъ въ руки, тоже попробовалъ его остріе и отвѣтилъ:

— Благодарю. Первый разъ въ своей долгой жизни я встрѣчаю врага, который хочетъ быть моимъ кунакомъ. Но уста мои привыкли говорить одну правду, и уши всегда умѣютъ отличить ложь. Даджалъ умѣетъ говорить сладкую ложь, но уши правовѣрнаго не должны вѣрить ей.

Вмѣсто отвѣта Яковъ Петровичъ снялъ съ себя все свое оружіе и отдалъ казаку, который и повѣсилъ его на стѣну. Горецъ выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе.

— Ты, Бакланъ, проговорилъ онъ,—храбрый витязь, и слава о тебѣ и о твоей удали быстрѣе серны бѣжитъ по горамъ и ущельямъ отъ одного аула до другого, и всѣ боятся тебя и уважаютъ. Но ни одинъ чеченецъ не зналъ еще до сихъ поръ, что ты такъ отваженъ и что ты можешь дать въ руки врагу оружіе, а самъ передъ нимъ остаться добровольно безоружнымъ.

— Ты видишь это самъ! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.—Я могу отдать тебѣ въ руки и все остальное мое оружіе, потому что ты—мой гость, и я буду спокойно смотрѣть тебѣ въ глаза, потому что я тебѣ вѣрю. А теперь милости просимъ, садись, я

велю подать тебѣ воды умыть руки и будемъ вмѣстѣ обѣдать.

Мулла все еще не довѣрялъ.

— Твои слова сладки, какъ медъ, но я все еще боюсь, что твоими устами говоритъ лукавый Даджалъ.

Подали воду. Мулла, по восточному обычаю, вымылъ руки, вытеръ ихъ полотенцемъ и сталъ, повидимому, понемногу успокаиваться.

Подали обѣдъ—жирныя щи. Ради горца обѣдъ былъ предложенъ на низенькомъ столикѣ на полу. Баклановъ сѣлъ по восточному, поджавъ подъ себя ноги. Мулла сдѣлалъ то же самое.

— Ты всегда такъ сидишь? спросилъ мулла.

— Нѣтъ. Сегодня я это сдѣлалъ для добраго гостя! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ и аппетитно перепрокинулъ въ себя солидный серебряный стаканъ водки, послѣ чего принялся ѣсть мясо руками, поазіатски.

Горецъ смотрѣлъ на него голодными глазами, но не дотрогивался до мяса.

— Вотъ баранъ! сказалъ Баклановъ.—Можешь ѣсть смѣло. Свиней у насъ нѣтъ.

Мулла подумалъ немного, потомъ, видя, что хозяинъ уписываетъ за обѣ щеки, и убѣдясь, что коварный гяуръ не подсыпалъ въ кушанье яду, въ свою очередь, принялся за ѣду. Отъ щей онъ отка-

зался, но на послѣдовавшій за тѣмъ жирный пловъ накинулся съ жадностью. Отъ водки и отъ вина онъ тоже отказался, ссылаясь на коранъ. Оба ѣли молча. Съ лица мусульманина стали мало-по-малу сбѣгать морщины.

— Я теперь понимаю, зачѣмъ ты подарилъ мнѣ жизнь! сказалъ послѣ обѣда осѣненный внезапной мыслью чеченецъ.—Ты хочешь отослать меня къ своему сердарю (намѣстнику), чтобы онъ зналъ, что ты взялъ меня въ плѣнъ и чтобы далъ тебѣ награду за это сюда.

Мулла показалъ себѣ пальцемъ на шею.

Бакланов отрицательно покачалъ головою, не вставая съ мѣста, потянулся рукой къ шкатулкѣ, досталъ оттуда два ордена и медаль и положилъ ихъ передъ муллою.

— У меня уже, какъ видишь, есть награды! сказалъ онъ.

У горца при видѣ красивыхъ и блестящихъ орденовъ разбѣжались глаза.

— Это тебѣ далъ сердарь (намѣстникъ)? спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—падишахъ (государь).

— Онъ и мнѣ можетъ дать такія же награды?

— Нѣтъ. Онъ дастъ только тѣмъ, кто ему служитъ и храбро дерется съ врагами.

Мулла задумался.

— Я начинаю понимать тебя, Баклановъ! сказалъ онъ.—Ты не хочешь наградъ, потому что онѣ у тебя уже есть. Но ты хочешь получить за меня отъ Шамиля хорошій выкупъ серебряными рублями.

Яковъ Петровичъ молча потянулся къ той же шкатулкѣ. небрежно высыпалъ изъ нея золото и серебро и спокойно сказалъ:

— У меня и безъ того много серебряныхъ рублей.

Глаза горца заблестѣли еще сильнѣе.

— Откуда у тебя столько монетъ?

— Тоже отъ падишаха.

— Должно быть, ты, Баклань, большой напбъ (предводитель) у своего падишаха, если онъ даетъ тебѣ такъ много рублей! проговорилъ горецъ, качая многозначительно головою.—Большой ты напбъ... Но я все-таки не могу догадаться, что ты хочешь сдѣлать со мною? Можетъ-быть, ты намѣренъ отослать меня къ самому падишаху,—да пошлетъ ему Аллахъ долгіе и хорошіе дни,—и получить отъ него сразу и награды и серебряные рубли?!

Баклановъ опять отрицательно покачалъ головою. На лицѣ чеченца показалось сильнѣйшее изумленіе.

Тогда чего же ты хочешь? воскликнулъ онъ. Вѣдь я твой врагъ?

— Хочу, чтобы ты, мой врагъ, сталъ моимъ кунакомъ.

Горецъ задумчиво теребилъ себя за длинную сѣдую бороду.

— Я хотѣлъ бы вѣрить тебѣ, Бакланъ, но боюсь, что твоими устами говоритъ хитрую ложь Даджалъ. Чѣмъ ты мнѣ докажешь, что ты дѣйствительно хочешь моей дружбы?

Баклановъ посмотрѣлъ ему прямо и строго въ глаза.

— Хорошо, сказалъ онъ,—я дамъ тебѣ доказательство. Я имѣю привычку послѣ ѣды спать и сейчасъ лягу и спокойно засну въ твоемъ присутствіи. У тебя въ рукахъ кинжалъ, а у меня нѣтъ даже соломинки,—ты можешь меня соннаго убить. Но я знаю, что ты не убьешь меня. Кромѣ того, я возвращаю тебѣ свободу: за тобой никто не будетъ слѣдить, и ты можешь безопасно и смѣло ходить не только по всему укрѣпленію, но даже и за укрѣпленіемъ. Тебѣ всѣ мои казаки будутъ оказывать почетъ.

Мулла вытаращилъ глаза.

— Ты даришь мнѣ свободу? Но тогда гдѣ же твой умъ? Я тогда легко уйду къ своимъ.

— Ты не уйдешь! спокойно и твердо сказалъ Яковъ Петровичъ.—Ты сначала простишься со мною.

— Почему?

— Потому что ты—мой кунакъ.

Яковъ Петровичъ тяжело поднялся съ мѣста,

подошелъ къ своей походной жесткой кровати, растянулся на ней, подложилъ подъ голову руки, и черезъ минуту въ горницѣ раздался его богатырскій храпъ.

Мулла постоялъ передъ нимъ, поглядѣлъ на его мощную фигуру, покачалъ задумчиво головою и проговорилъ:

— Это—самъ Даджалъ! Убить его не поднимается рука... Уйду отсюда, пусть онъ спитъ...

Когда Яковъ Петровичъ, послѣ здоровой казацкой выхрапки, проснулся, то увидѣлъ, что мулла, сгорбившись, сидитъ въ углу, поджавъ подъ себя ноги, перебираетъ четки и бормочетъ молитву. Яковъ Петровичъ улыбнулся. Въ отвѣтъ на эту улыбку горецъ поднялся на ноги, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Въ тебѣ, Бакланъ, большая сила. Ты сковалъ меня безъ цѣпи. Я хотѣлъ уйти—и не ушелъ. Отнынѣ я—твой кунакъ!

— Я это зналъ! улыбнулся Яковъ Петровичъ.

— Почему ты зналъ?

— Потому что я—Даджалъ... Я уже овладѣлъ твоей душой и твоими помыслами.

Чеченецъ въ суевѣрномъ ужасѣ отступилъ назадъ.

— Мнѣ извѣстна каждая твоя мысль, даже самая сокровенная. Но ты не бойся. Я не сдѣлаю тебѣ зла, пока ты мой гость и кунакъ, а когда солнце поднимется послѣ трехъ разъ въ четвертый, я съ

миромъ и съ моей дружбою отпущу тебя назадъ въ твои горы!..

Съ этого момента горецъ повѣрилъ въ дружбу гяура, но удивляться не пересталъ.

На слѣдующее утро Яковъ Петровичъ положилъ свою руку на плечо муллы и сказалъ:

— Я знаю твои мысли. Тебя Аллахъ просвѣтилъ свѣтомъ науки и окрылилъ твои руки умѣніемъ писать. Ты теперь ищешь бумаги и чернилъ, чтобы записать то, что ты видѣлъ здѣсь и слышалъ. Написанное ты хочешь послать въ горы, своимъ, чтобы они знали, что Аллахъ сохранилъ тебѣ жизнь и далъ новаго кунака.

Горецъ разинулъ ротъ, сильно вытаращилъ глаза и на минуту онѣмѣлъ.

— Кто тебя, напбъ Бакланъ, заговорилъ онъ съ суевѣрнымъ страхомъ,—кто тебя научилъ видѣть насквозь чужую голову и читать чужія мысли, какъ свои собственныя? Да, я дѣйствительно хотѣлъ писать своимъ, но теперь мнѣ страшно, потому что ты знаешь, что именно я буду писать...

— Вотъ тебѣ бумага и чернила. Не бойся и пиши все, что думаешь, и все, что хочешь. Одинъ изъ горцевъ, взятыхъ вмѣстѣ съ тобою въ плѣнъ, отнесетъ твое письмо къ горцамъ. Но только не теряй времени.

— Почему?

— Потому что сегодня вечеромъ или завтра утромъ на сосѣднихъ вершинахъ появятся чеченцы и ичкеринцы. Ихъ приведетъ новый наибъ Шамиля—Гехо, назначенный вмѣсто наиба Баты. Бата проигралъ нѣсколько сраженій, и Шамиль больше не хочетъ имѣть его наибомъ.

— Это ты прочелъ въ моей головѣ! съ ужасомъ воскликнулъ мулла.

— Гехо умѣетъ читать и толковать коранъ не хуже тебя, хотя онъ и не мулла! продолжалъ Яковъ Петровичъ.—Чеченцы поэтому приняли его съ уваженіемъ, а ичкеринцы—неохотно, потому что имъ надоѣла война.

— Ты читаешь мои собственныя мысли! Теперь я уже больше не колеблюсь въ томъ, что ты—Даджалъ! Отъ тебя ничего не скроется.

— Можешь написать, что и Гехо будетъ такъ же разбитъ и побѣжденъ, какъ и Бата.

Яковъ Петровичъ улыбнулся, подалъ горцу бумагу и чернила и вышелъ изъ горницы. Мулла долго оставался въ оцѣпенѣніи, потомъ сѣлъ, поджалъ подъ себя ноги, положилъ на лѣвое колѣно бумагу и сталъ медленно и сосредоточенно царапать по ней гусинымъ перомъ. Весь лобъ его былъ въ морщинахъ глубокомыслія, и перо не очень спѣшило переносить на бумагу премудрыя слова, потому что мулла былъ далеко не первый мастакъ по части

грамоты. Черезъ два часа усиленной и напряженной работы бумага покрылась азіатскими письменами...

Письмо, какъ и обѣщалъ Яковъ Петровичъ, было отправлено.

*
* *

Въ полночь на рѣкѣ четыре раза прокуковала кукушка. На ея зовъ, какъ и всегда, вышелъ изъ своей хаты Яковъ Петровичъ, и у большого камня на берегу завязался разговоръ шопотомъ:

— Али-Бегъ, ты?

— Я, наибъ. Ибрагимъ проситъ Аллаха, да продлитъ онъ твои дни, Бакланъ; Ибрагимъ велитъ сказать тебѣ, что наибъ Гехо придетъ къ тебѣ лѣсомъ послѣзавтра утромъ. Съ нимъ будутъ триста чеченцевъ и ичкеринцевъ и двѣ пушки. Они пройдутъ къ тому броду, который лежитъ къ западу отсюда, между двухъ камней. Я все сказалъ.

— Передай это золото Ибрагиму, и да продлитъ Аллахъ и его дни! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

Наканунѣ назначеннаго Али-Бегомъ дня Яковъ Петровичъ перешелъ на чеченскую сторону черезъ бродъ въ лѣсъ и расположилъ тамъ свой полкъ. Захватилъ онъ также съ собою и своего новаго кунака-муллу.

— Я хочу, чтобы ты видѣлъ собственными глазами то, что произойдетъ! сказалъ онъ.—Когда ты

увидишь, то будешь знать, что говорить Шамилю. Тогда твои уста не скажутъ лжи.

Во время переправы подошли къ Бакланову и пластуны Михаленко съ Бузуномъ. У Бузуна рука была на перевязи.

— Дозвольте и намъ съ вашимъ полкомъ, Яковъ Петровичъ! сказали они.—Надоѣло даромъ ночи тратить. Чеченецъ совсѣмъ перевелся.

— Какъ же Бузунъ съ одной рукой пойдетъ? слегка удивился Баклановъ.

— У меня, ваше превосходительство, лѣвая ранена! поспѣшилъ заявить Бузунъ.—А правой я могу съ кинжаломъ управляться —за первый сортъ...

— Какъ хотите! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.

На утро грянулъ бой. Гехо, не разсчитывавшій встрѣтить на пути въ засадѣ Якова Петровича, былъ разбитъ и бѣжалъ. Чеченцы бѣжали со своимъ обычнымъ крикомъ:

— Боклю-Бакланъ!.. Боклю!.. Даджалъ-Бакланъ.

Нашимъ достались пушки и нѣсколько плѣнныхъ, но зато не досчитались пластуна Бузуна. Онъ былъ подобранъ Михаленкой среди убитыхъ. Михаленко былъ угрюмъ. Похоронивъ съ честью своего друга, онъ исчезъ. Въ станицѣ говорили, будто бы онъ поклялся до тѣхъ поръ не возвращаться, пока не убьетъ самого Шамиля...

По окончаніи боя Яковъ Петровичъ обратился къ муллѣ и сказалъ:

— Возвращаю тебѣ, кунакъ, свободу. Иди къ своимъ. Я читаю твои мысли и знаю, что ты поспѣшишь отсюда прямо въ аулъ Веденъ къ Шамилю. Разскажи грозному имаму только то, что ты здѣсь видѣлъ. Остальное онъ пойметъ самъ. Онъ пойметъ, что силы и могущество урусовъ несокрушимы... Прощай, кунакъ!..

Мулла крѣпко и съ чувствомъ пожалъ руку Якова Петровича и пустился догонять безпорядочно бѣжавшихъ чеченцевъ и ичкеринцевъ.

* * *

Гехо, послѣ этой неудачи, черезъ нѣсколько дней снова собралъ полчища горцевъ и—снова былъ разбитъ генераломъ Баклановымъ. Это на него такъ подѣйствовало, что онъ заперся въ своей саклѣ и не выходилъ три дня, чтобы не слышать воплей и плача родственниковъ многочисленныхъ убитыхъ. Наконецъ, на четвертый день онъ велѣлъ позвать къ себѣ молодого наѣздника Джемала—красиваго, пылкаго юношу, уже показавшаго не разъ, что онъ носитъ оружіе не напрасно.

— Не устала ли еще душа твоя ненавидѣть проклятыхъ гяуровъ? спросилъ Гехо.

— Нѣтъ, наибъ. Пламя ненависти горитъ въ моей груди такъ же ярко, какъ и раньше! отвѣтилъ юноша.

— Не ослабѣли ли, Джемалъ, твои молодыя ноги держаться за бока коня, когда ты мчишься храбро мстить урусамъ?

— Мои ноги еще крѣпки, наибъ.

Дрогнетъ ли молодая рука твоя, Джемалъ, когда ты занесешь свой кинжалъ надъ грудью врага?

— Ты напрасно спрашиваешь объ этомъ, наибъ. Я молодъ, но ни разу еще съ самаго дѣтства рука моя не измѣняла мнѣ и мой кинжалъ не давалъ промаха.

— Но, быть-можетъ, сердце твое дрогнетъ и сжалится, если врагъ станетъ просить у тебя пощады?

— Мое сердце твердо, какъ камень, наибъ.

— Способенъ ли твой умъ хитрить, какъ умъ женщины; могутъ ли уста твои говорить врагу льстивыя, сладкія рѣчи, и въ силахъ ли мысль твоя думать обратно тому, что говоритъ языкъ твой?

— Да, наибъ, если только ты научишь, какъ надо поступать.

— Да будетъ благословенно имя Аллаха, украсившаго твой возрастъ мудростью зрѣлаго мужа. На тебя положиться можно, и я полагаюсь вполнѣ. Ты долженъ будешь отомстить за свой народъ врагу-урусу.

— Скажи, наибъ, кто онъ,—и я не задумаюсь сейчасъ же выполнить святое и благородное дѣло мести.

— Сейчасъ узнаешь. Но передъ этимъ отвѣть мнѣ: какъ поступаетъ хорошій охотникъ, если, встрѣтивъ въ горахъ газелей, захочетъ овладѣть всѣмъ стадомъ?

Онъ убиваетъ вожака, наибъ, и тогда уже, не спѣша, бьетъ все остальное стадо газелей, потому что безъ предводителя умъ ихъ меркнетъ и тонкія ноги отказываются уносить ихъ.

— Такъ же точно долженъ поступить и ты. Знаешь ли, кто былъ предводителемъ урусовъ во время нашихъ двухъ послѣднихъ набѣговъ?

— Конечно, знаю. Это былъ казакъ, генералъ Бакланъ... Боклю-Бакланъ.

— Ты самъ сказалъ, что если убить вожака, то все стадо растеряется и легко дается въ руки охотника. Ты долженъ убить генерала Баклана, и тогда намъ легко будетъ бороться съ урусами. Къ тому же я буду отомщенъ за нанесенныя мнѣ пораженія.

— Я согласенъ, наибъ. Боклю-Бакланъ—врагъ всей Чечни, стало-быть, и мой врагъ.

— Ты сказалъ умное слово, Джемалъ. Но ты долженъ спѣшить. Собери всю хитрость и изворотливость своего тонкаго ума и дѣйствуй немедленно и вѣрно.

— Подай совѣтъ, наибъ.

— Ты передайся гяурамъ, начни говорить имъ слова слаще меда, но да будетъ сердце твое здѣсь, въ Чечнѣ. Сдѣлайся слугою наиба Баклана, войди въ его довѣріе и убей его. Согласенъ ли ты поступить такъ съ нашимъ врагомъ?

— Согласенъ, наибъ, и думаю, что это будетъ легко. Вокругъ Боклю-Баклана не мало горцевъ. Тамъ буду и я.

— Да благословитъ тебя на доброе дѣло Аллахъ. Поѣзжай.

— Я выѣду съ закатомъ солнца и утромъ буду уже тамъ.

Дѣйствительно, на утро, когда Яковъ Петровичъ, собравъ въ своей хатѣ полковыхъ офицеровъ, распредѣлялъ съ ними работы предстоящаго дня, доложили, что какой-то молодой незнакомый горецъ хочетъ видѣть его.

— Приведите его сюда вмѣстѣ съ переводчикомъ.

Вошелъ Джемалъ—гордый, молодой, красивый и съ блестящимъ взглядомъ.

— Кто ты и что скажешь? спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Я былъ до сихъ поръ вѣрнымъ слугою имама Шамиля и дрался съ вами, съ урусами! съ достоинствомъ отвѣтилъ Джемалъ. — Но теперь я

больше не слуга имаму. Я хочу служить тебѣ, Бакланъ. Слава твоя гремитъ по всей Чечнѣ, по Ичкеріи и по Дагестану. Ты сильнѣе нашего имама Шамиля. Твое солнце восходитъ, а его закатывается... Положеніе моей родины становится, благодаря тебѣ и сердарю Барятинскому, невыносимымъ: аулы разрушаются, посѣвы вытаптываются, лучшіе и храбрѣйшіе витязи погибаютъ въ стычкахъ, глаза женъ и матерей опухли отъ слезъ, и помощи нѣтъ ниоткуда. Шамиль на помощь не приходитъ...

Яковъ Петровичъ слушалъ молодого чеченца, насупивъ брови и вперивъ въ него пристальный острый взглядъ.

— Изъ Ичкеріи и изъ Чечни, продолжалъ Джемалъ,—уже много нашего народа перешло къ вамъ къ урусамъ, но никто изъ перешедшихъ не возвращался назадъ съ жалобой на гяуровъ. Значитъ, у васъ живется хорошо и вольно. У покорившихся горцевъ урусы скота не отнимаютъ, саклей не разоряютъ и женъ и дочерей не увозятъ, а наоборотъ, даютъ много серебряныхъ рублей... Я тоже хочу перейти къ вамъ. Прими меня, генералъ Бакланъ, къ себѣ на службу. Я буду тебѣ вѣренъ.

Яковъ Петровичъ все такъ же пристально смотрѣлъ горцу въ глаза и послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ:

— Правду ли ты сказалъ?

— Готовъ принести клятву! отвѣтилъ Джемалъ.

Брови Бакланова грозно насупились.

— Знаешь ли ты, кто я? продолжалъ онъ допросъ.

— Тебя зовутъ: Боклю-Баклань, и въ Чечнѣ говорятъ, что ты—Даджалъ.

— Если ты знаешь, то зачѣмъ лжешь? Развѣ тебѣ не извѣстно, что за ложь я велю тебя повѣсить? И ты будешь повѣшенъ. Ты пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы служить урусамъ. Я читаю твои мысли. Ты—Джемалъ, и тебя прислалъ сюда наибъ Гехо съ порученіемъ убить меня.

Джемалъ страшно поблѣднѣлъ и въ суевѣрномъ страхѣ пробормоталъ:

— Боклю! Ты читаешь чужія мысли, какъ коранъ...

— Повѣсить его! распорядился Яковъ Петровичъ.

Но прежде, чѣмъ кто-либо изъ бывшихъ въ хатѣ успѣлъ подняться съ мѣстъ, Джемалъ, страшно сверкнувъ глазами, обнажилъ кинжалъ и, размахивая имъ, бросился къ двери. Всѣ, кто могъ, выскочили за нимъ вслѣдъ. Но было поздно. Горецъ, бросивъ своего копя, пустился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ, кинулся въ воду и поплылъ на чеченскую сторону.

— Откуда вы, Яковъ Петровичъ, узнали, что этотъ негодяй пріѣхалъ убить васъ? спросили ошеломленные полковые офицеры.

— Сорока на хвостѣ принесла! коротко отвѣтилъ Баклановъ.

* *
*

Грозный имамъ Шамиль сидѣлъ въ своей саклѣ въ аулѣ Ведень и творилъ среди своихъ подчиненныхъ судъ и расправу. Грозно было чело его. Его окружали вѣрные мюриды и приближенные и въ числѣ ихъ—Ибрагимъ, тотъ самый горецъ, который черезъ Али-Бега за деньги служилъ генералу Бакланову. Но Шамиль не подозрѣвалъ, что въ средѣ приближенныхъ его завелась измѣна,—иначе голова Ибрагима давно уже была бы отдѣлена отъ туловища. Но теперь пока она еще крѣпко сидѣла на его плечахъ, и онъ зорко наблюдалъ за тѣмъ, что происходило вокругъ и что дѣлалъ имамъ.

Передъ горнымъ владыкою, сидѣвшимъ на коврѣ, скрестивъ ноги, стояло пять человѣкъ чеченцевъ. Они снова явились депутатами отъ своего народа, и то, что они говорили, вызывало гнѣвныя морщины на лобъ Шамиля.

— Могущественный имамъ! говорилъ старшина депутаціи.—Будь милостивъ, и да будетъ сердце твое справедливо. Подвластная тебѣ Чечня совсѣмъ изнемогаетъ подъ тяжестью многолѣтней войны. Наши цвѣтущіе аулы одинъ за другимъ подвергаются нападенію урусовъ и превращаются въ развалины. Храбрѣйшіе и лучшіе наѣздники наши перебиты. Ты все обѣщаешь прійти къ намъ на по-

мощь, но почему-то медлишь, а урусы все сильнѣе и сильнѣе тѣснятъ насъ...

Глаза Шамиля гнѣвно засверкали.

— Пусть умолкнутъ уста ваши! грозно сказалъ онъ.—То, что я слышу отъ васъ теперь, похоже на горькій плачъ женщинъ. Вы недостойны называться мужчинами. Куда дѣлись ваши гордость, отвага и удаль? Аллахъ на сторонѣ праваго и храбраго. Терпите! Я не спѣшу итти къ вамъ на помощь потому, что до поры, до времени вы можете справиться съ гяурами сами. Мнѣ же нужно прежде всего обращать все мое вниманіе на Дагестанъ, гдѣ урусы сильнѣе и гдѣ опасность больше. Потерпите немного,—и я приду къ вамъ самъ. Теперь же вы не можете сѣтовать на меня: я вамъ далъ лучшихъ своихъ наибовъ—Бату и Гехо.

Депутаты поникли головами.

— Повелитель, ты самъ знаешь, что Бата былъ нѣсколько разъ разбитъ Бакланомъ и перешелъ опять на сторону невѣрныхъ! сказалъ старшина.

— Вмѣсто него я далъ вамъ неустрашимаго и храбраго наиба Гехо! отвѣтилъ Шамиль.

— Да не покажется тебѣ, владыка горъ, наше слово дерзкимъ: наибъ Гехо знастъ коранъ лучше, нежели войну. Урусъ Бакланъ разбилъ и его два раза.

— Какъ? вскричалъ Шамиль,—Гехо потерпѣлъ

пораженіе, и я до сихъ поръ не знаю этого?! Отчего мнѣ не дали знать?

— Мы на нашихъ быстрыхъ коняхъ летѣли къ тебѣ скорѣе вѣстника. А могло случиться и то, что вѣстникъ въ быстрой ѣздѣ по горнымъ тропинкамъ свалился съ какой-нибудь кручи въ пропасть. Для Аллаха все возможно. Намъ же, твоимъ вѣрнымъ слугамъ, невозможно только одно—убить уруса Боклю-Баклана. Пока онъ будетъ предводительствовать своими казаками, мы будемъ терпѣть пораженія, и онъ доведетъ насъ до того, что мы принуждены будемъ покориться урусамъ, чтобы не умереть съ голоду.

– Истинный правовѣрный не смѣетъ даже и думать о переходѣ къ урусамъ! бѣшено крикнулъ Шамиль. -Кто измѣняетъ вѣрѣ отцовъ, тотъ проклятъ Аллахомъ! Но неужели доблестные и храбрые чеченцы и ичкеринцы разучились стрѣлять? Неужели они потеряли мѣткость глаза и не могутъ всадить пулю между бровей урусу Бакланову?

— Нѣтъ, имамъ, не разучились твои вѣрные слуги стрѣлять. И въ Чечнѣ и въ Ичкеріи много найдется такихъ витязей, которые на пятьдесятъ шаговъ могутъ стрѣлять въ муху, а на семьдесятъ пять всадить пулю въ пулю. Но искусство здѣсь не поможетъ, потому что Баклань заколдованъ. Много мѣткихъ пуль посылали ему въ сердце и

между глазъ лучшіе наши стрѣлки, но всѣ пули по волѣ Даджала отлетаютъ отъ него въ бокъ и не производятъ даже царапины на его тѣлѣ. Къ намъ пріѣзжалъ почтенный мулла Мустафа. Онъ былъ въ плѣну у генерала Баклана и прислалъ намъ изъ плѣна грамоту, въ которой пишетъ, что Баклана можетъ убить только особый стрѣлокъ особой пулей. Мулла Мустафа здѣсь. Пусть онъ самъ разскажетъ тебѣ то, что слышали наши уши.

Шамиль задумался.

— Если Мустафа здѣсь, пусть войдетъ! приказалъ онъ.—Послушаемъ его пѣсню.

Приближенные вышли изъ сакли и черезъ минуту вернулись съ муллою, который отвѣсилъ низкій поклонъ своему духовному главѣ—имаму.

— Говори! сказалъ коротко Шамиль.

— Да продлитъ всемогущій Аллахъ дни твои, да ниспошлетъ онъ душѣ твоей миръ и твоему оружію побѣду! началъ мулла.—По твоему приказу, свѣтлый имамъ,—радуются очи мои при видѣ твоей особы,—былъ я въ Чечнѣ и побуждалъ вѣрныхъ твоихъ слугъ бить урусовъ безъ пощады. Но Аллахъ отвернулся отъ насъ за грѣхи наши, и гяуръ Бакланъ побилъ многихъ доблестныхъ витязей, отбилъ пушку и взялъ нѣсколькихъ наѣздниковъ и меня въ плѣнъ. Бакланъ—большой наибъ у своего падишаха, и падишахъ даетъ ему столько

серебра, сколько за одинъ разъ могутъ привезти три сильныя лошади. Падишахъ даетъ ему съ каждой новой лупой по новой медали и по кресту на грудь. У него полный большой сундукъ денегъ и орденовъ. Его сокровища видѣлъ я самъ, и глаза мои чуть не ослѣпли. Но главныя сокровища наиба Баклана находятся въ немъ самомъ. Въ немъ сидитъ большая сила, которой повинуются всѣ люди. Онъ приказалъ мнѣ, чтобы я не уходилъ изъ плѣна,— и я не могъ сдѣлать ни одного шага. Но самая главная сила его въ томъ, что каждый его выстрѣлъ убиваетъ его врага безъ промаха, а самъ онъ не можетъ быть убитъ ни нашею пулею, ни нашимъ кинжаломъ.

— Кто тебѣ говорилъ это? спросилъ, нахмурясь, Шамиль.

— Онъ самъ говорилъ мнѣ. Онъ и Даджалъ— большіе кунаки, и Даджалъ бережетъ его. Самъ наибъ Бакланъ сказалъ мнѣ, что его можно убить только тѣмъ кинжаломъ, который ковалъ святой Давидъ и который хранится въ одной старой грузинской церкви. И еще можетъ убить его только та пуля, на которой вырѣзаны святыя слова корана и...

— Ты знаешь эти слова? быстро спросилъ Шамиль.

— Нѣтъ, свѣтлый имамъ. Я—только бѣдный,

смиренный мулла, и мнѣ не дано постигнуть всей премудрости корана, но ты—святой имамъ, и ты знаешь эти слова лучше меня.

— Хорошо. Продолжай.

— Если такая священная пуля будетъ отлита, то нужно отыскать такого витязя, который удостоился совершить паломничество въ Мекку и получилъ незримое благословеніе Магомета.

— И ты знаешь такого витязя?

— Знаю, свѣтлый имамъ. Это—Джапебъ, родомъ тавлинецъ. Онъ сподобился побывать въ Меккѣ и стрѣляетъ безъ промаха въ муху.

— И ты утверждаешь, что все это разсказалъ тебѣ самъ Баклановъ?

— Клянусь бородою Магомета! Аминь! торжественно произнесъ мулла.

Бѣдный мулла безбожно совралъ и поклялся всуе. Ничего подобнаго Яковъ Петровичъ никогда не говорилъ ему, да и не могъ говорить такихъ нелѣпостей. Но у суевѣрнаго, невѣжественнаго и грубаго горца еще въ русскомъ плѣну разыгралась фантазія. Онъ очень много думалъ, напрягалъ свой мозгъ и, незамѣтно для самого себя, такъ все перепуталъ, что и самъ пересталъ понимать, гдѣ истина, а гдѣ выдумка. Онъ искренно вѣрилъ тому, что разсказывалъ Шамилю, и поклялся тоже искренно и со спокойной совѣстью.

Можешь ли ты найти тавлинца Джанеба? спросилъ задумчиво Шамиль.

— Онъ здѣсь, свѣтлый имамъ! отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ мулла.—Я его отыскалъ въ его аулѣ и привелъ къ тебѣ. Онъ ждетъ только милостиваго приказа явиться предъ твоими очами и утрудить твой слухъ своею рѣчью.

— Приведи его сюда.

Черезъ минуту передъ Шамилемъ предсталъ высокій, статный, гордый горецъ лѣтъ сорока пяти. Шамиль внимательно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Ты кто? спросилъ онъ.

Джанебъ, тавлинецъ.

— Ты былъ въ Меккѣ?

— Былъ.

— Сколько разъ?

— Пока удостоился поклониться святынямъ ислама только одинъ разъ; но если Аллахъ сохранитъ мнѣ силы и жизнь, то я буду просить его, чтобы онъ удостоилъ меня посѣтить святой городъ еще разъ.

— Ты счастливъ.

— Я буду счастливъ, могущественный имамъ, лишь тогда, когда сподоблюсь скончаться въ Меккѣ или если кости мои будутъ похоронены тамъ.

— Это—моя мечта и мечта каждаго правовѣрнаго. Но не всякому дается это счастье. Мулла

Мустафа привелъ тебя ко мнѣ потому, что ты мѣтко стрѣляешь. Правда ли это?

— Пока еще, по милости пророка, я въ ста шагахъ не дѣлалъ промаха, стрѣляя въ подброшенное кверху яблоко, а въ пятидесяти попадаю въ муху или въ другой мелкій предметъ.

— И попадаешь всегда безъ промаха?

— Промахнулся я всего только одинъ разъ и то когда мнѣ было лишь семь лѣтъ отроду.

— Не думаю, чтобы устами твоими говорила гордыня, и вѣрю тебѣ! сказалъ Шамиль.—Но все же покажи мнѣ и моимъ приближеннымъ свое почетное искусство.

— Приказывай, свѣтлый имамъ. Укажи мнѣ цѣль, въ которую я долженъ мѣтить.

Имамъ и его приближенные въ сопровожденіи муллы и Джанеба вышли изъ сакли и осмотрѣлись кругомъ. Шамиль испытующимъ окомъ смотрѣлъ на стрѣлка. Тотъ былъ спокоенъ и попрежнему самоувѣренъ.

— Изъ какого оружія ты намѣренъ стрѣлять? спросилъ Шамиль.

— Изъ этой винтовки, свѣтлый имамъ.

— Дай-ка ее мнѣ.

Джанебъ подалъ ружье. Шамиль прицѣлился въ гранатовое дерево, стоявшее шагахъ въ шестидесяти

отъ сакли, и выстрѣлилъ. Съ вѣтви на землю свалился сбитый плодъ.

— Благодареніе Аллаху! несмотря на старость, я еще не разучился стрѣлять! сказалъ онъ.

— Это прекрасный выстрѣлъ! тономъ знатока сказалъ Джанебъ.—Если бы всѣ горцы стрѣляли такъ же мѣтко, какъ ты, имамъ, то въ нашихъ горахъ не было бы ни одного гяура.

— Теперь стрѣляй ты! сказалъ Шамиль, возвращая винтовку.

Джанебъ зарядилъ, прицѣлился и выстрѣлилъ. На землю упало второе гранатовое яблоко.

— Мѣтко! похвалилъ Шамиль.

- Это—черезчуръ крупная цѣль! сказалъ съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія горецъ.—Выбери что-нибудь помельче.

Шамиль нагнулся, поднялъ съ земли круглый камешекъ величиною съ орѣхъ, отсчиталъ пятьдесятъ шаговъ и положилъ его на столбъ изгороди.

— Видишь цѣль? крикнулъ онъ.

— Вижу! отвѣтилъ Джанебъ.—Если хочешь, можешь держать около камня свой палецъ.

Шамиль, нисколько не смущаясь, протянулъ руку и положилъ палецъ на тотъ же столбъ въ полувершкѣ отъ камня. Грянулъ выстрѣлъ. Мимо имама просвистала пуля. Палецъ былъ цѣлъ, но камешка не было.

— Аллахъ излилъ на тебя, Джанебъ, великую милость, сдѣлавъ тебя такимъ хорошимъ стрѣлкомъ! сказалъ поощрительнымъ и довольнымъ тономъ Шамиль.—Теперь тебѣ предстоитъ совершить великую заслугу передъ всѣмъ моимъ народомъ. Я отолью для тебя двѣ пули съ священными изреченіями изъ корана, и одною изъ этихъ пуль ты долженъ будешь убить уруса Бакланова. Мустафа покажетъ тебѣ къ нему дорогу.

— Твоя воля, свѣтлый наибъ, будетъ исполнена! отвѣтилъ стрѣлокъ и отвѣсилъ поклонъ.

* * *

Генералъ Баклановъ вернулся со своими казаками съ работъ, сопровождавшихся небольшою стычкой, къ вечеру и, по своему обыкновенію, усѣлся въ любимой позѣ, съ поджатыми подъ себя ногами, на лежанкѣ. Здѣсь же собралось и небольшое общество офицеровъ. Радушный хозяинъ предложилъ гостямъ чаю съ ромомъ. Было уже поздновато.

Рѣчь зашла о главнокомандующемъ на Кавказѣ, князѣ Барятинскомъ.

— Разскажите, Яковъ Петровичъ, намъ о главнокомандующемъ! стали просить офицеры. —Вы съ нимъ раньше служили вмѣстѣ. Можетъ-быть, намъ и не придется видѣть его никогда, все же не мѣ-

шаетъ знать свое начальство поближе.

— Барятинскій — славный парень! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ.— Ему теперь сколько: сорокъ второй или сорокъ третій годъ только пошелъ, а онъ уже главнокомандующій!.. Хорошій парень, умница... Никогда не забуду я, какъ мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ рѣку Мичикъ вмѣстѣ переходили и Гурдали-Юртъ брали. Славное было время. Что ни день, то побѣда надъ горцами...

— Разскажите, Яковъ Петровичъ, поподробнѣе, попросили офицеры, намъ въ поученіе.

— Въ поученіе? добродушно усмѣхнулся Бакламовъ сквозь свои огромные нависшіе усы.—Мнѣ и самому пріятно вспоминать... Въ пятьдесятъ третьемъ году дѣло было. Князь Барятинскій на лѣвомъ флангѣ тогда служилъ и находился въ станицѣ Грозной, а я съ своимъ полкомъ въ укрѣпленіи Куринскомъ командовалъ. Донесли намъ, что на томъ берегу, въ Гурдали-аулѣ, самъ Шамиль съ двадцатью тысячами горцевъ укрѣпился и съ пушками; и сынъ его, Кази Магома, тоже тысячъ двадцать привелъ и тоже съ артиллеріей. Ну, стало-быть, и надо было воспользоваться случаемъ и задать горному орлу такую встряску, чтобы потомъ оба берега Мичика стали наши. Мы и воспользовались. Сказано, — сдѣлано. Нужно было перейти черезъ Мичикъ, у котораго въ этомъ мѣстѣ берега

ужасъ какъ круты да вдобавокъ еще и укрѣплены: штурмомъ не возьмешь безъ потери. Нужно было поискать въ другомъ мѣстѣ переправы. Призываетъ меня разъ вечеромъ, — какъ теперь помню 16 февраля,—князь къ себѣ и говоритъ:

— «Дѣдъ,—онъ меня дѣдомъ звалъ, — дѣдъ, здѣсь намъ не перейти черезъ Мичикъ. Хорошо, если мы, потерявъ тысячу людей, овладѣемъ переправою; но что будетъ тогда, когда мы потеряемъ больше и все-таки возвратимся назадъ безъ успѣха... Ты хорошо знаешь здѣшнюю мѣстность: нельзя ли будетъ сдѣлать обходъ, чтобы атаковать позицію съ фланга?»

— Подумалъ я и говорю:

— «На это я ничего не могу отвѣчать теперь. Дайте мнѣ время, по крайней мѣрѣ, два дня, и тогда я обстоятельно доложу вамъ то, что узнаю».

— «Нѣтъ, дѣдъ, время не терпитъ. Хочу знать непремѣнно сегодня же, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, долженъ уже выйти изъ лагеря».

— «Дѣлать, говорю,—нечего. Постараюсь!»

— Пришелъ я къ себѣ домой, позвалъ начальника моей пластунской команды, Скопина, и спрашиваю:—«Помнишь, Скопинъ, то мѣсто на Мичикѣ, куда мы ѣздили съ тобою вдвоемъ еще въ началѣ 46-го года?»

— «Помню, отвѣчаетъ,—это будетъ отсюда не

ближе пятнадцати верстъ; тамъ еще на самомъ берегу Мичика лежитъ большая, вросшая въ землю скала, на которой ваше превосходительство тогда отдыхали.» — «Прекрасно. Садись же сейчасъ на коня и поѣзжай на это самое мѣсто, осмотри тамъ переправу, и чтобы къ свѣту я непремѣнно зналъ обо всѣхъ подробностяхъ!» — «Слушаю-съ! Только разрѣшите мнѣ взять съ собою земляка и товарища, Шапошникова». — «Хорошо. Бери». — Минутъ черезъ десять подъѣзжаютъ оба къ моей палаткѣ и докладываютъ, что готовы въ путь. — «Ну, во святой часъ! Исполните, — спасибо, а не исполните, — живыми назадъ не возвращаться!» — Поѣхали мои молодцы, одѣтые чеченцами; а сдѣлать имъ нужно было въ оба конца за ночь не менѣе тридцати верстъ и не дорогою, а лѣсомъ, гдѣ на каждомъ шагу чеченскіе разъѣзды бродятъ... Ну да не можетъ же быть, чтобы казаки чего-нибудь да не исполнили. Въ полночь они были уже на Мичикѣ у знакомаго камня, а къ свѣту возвратились въ лагерь, и сообщили, что переправа есть и что горцы ея не охраняютъ вовсе, потому, вѣроятно, что и сами не знаютъ о ней. Спускъ къ рѣкѣ отлогій, а подъемъ на противоположный берегъ — такая круча, заросшая орѣшникомъ, что артиллерію на нее не подымешь. — «А сколько, спрашиваю, — надо времени, чтобы срыть эту кручу и вырубить орѣшникъ?» —

«Четверть часа, много—двадцать минутъ».—«Хорошо. Отдохните и никому ни слова о томъ, гдѣ вы были».—«Слушаемъ-съ!»—Иду съ этимъ отвѣтомъ къ князю Барятинскому. Лагерь еще спитъ, но у него въ палаткѣ горятъ свѣчи. Окликнулъ. Отперли и впустили.

—«Ну, что? съ какими вѣстями? Берешься?» спрашиваетъ меня князь Барятинскій.

—«Берусь. Но прошу позволенія выступать немедленно».

—«Съ Богомъ, дѣдъ! Помни: теперь отъ тебя будетъ зависѣть успѣхъ и неудача всей экспедиціи. Сколько тебѣ нужно войска?»

«Я возьму съ собой два полка казаковъ, дивизіонъ драгунъ, три баталіона пѣхоты и восемь орудій.»

—«Хорошо. Въ которомъ часу ты будешь на этомъ мѣстѣ?»

— Барятинскій раздвинулъ полы своей палатки и показалъ рукою на синѣющій за Мичикомъ лѣсъ.

—«Въ полдень. Но помните: если, паче всякаго чаянія, движеніе мое будетъ открыто горцами и вы услышите страшную канонаду въ лѣсу, то не посылайте ко мнѣ на выручку ни одного человѣка. Всякая помощь будетъ уже безполезна. Та мѣстность, по которой я поведу отрядъ, такова, что всякое подкрѣпленіе только безполезно увеличитъ наши потери».

Яковъ Петровичъ умолкъ и снова задумался, какъ бы припоминая подробности.

— И что же? Чѣмъ же кончилась ваша экспедиція? стали нетерпѣливо спрашивать заинтересованные офицеры. —Удалась она вамъ?

— Конечно, удалась! отвѣтилъ Яковъ Петровичъ такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о самой простой вещи.—Я перешелъ незамѣтно черезъ переправу и двинулся быстрымъ маршемъ къ аулу Гурдали-Юрту, а Барятинскій спустился съ высотъ и уже нагрянулъ на Шамиля. Горцы и не подозрѣвали, что я тутъ, а когда увидѣли, что я вдругъ выдвинулъ изъ-за лѣса свою кавалерію, то сразу и перепугались; закричали: «Боклю! Боклю! Бакланъ!»—и давай Богъ ноги, вразсыпную. Началась между ними паника: побросали и оружіе, и пушки и хлопотали только о томъ, чтобы унести животы... И Шамиль съ ними тоже... Много имъ тогда отъ насъ досталось... Ну, да что объ этомъ толковать!? Старина!..

— А что же потомъ? спросили офицеры.

— А потомъ то, что и слѣдовало: стали брать аулъ за ауломъ... Много кое-чего взяли... Вспоминать не стоитъ... Вотъ, только чего не забуду никогда. Шли мы срубленнымъ лѣсомъ. Вдругъ изъза пней вижу, на меня наведено десятокъ винтовокъ. Это—абреки засѣли и поджидали меня. Вдругъ

мой Скопинъ заслоняетъ меня своей грудью. Раздается залпъ, и онъ падаетъ съ раздробленнымъ плечомъ и говоритъ: —«Это готовилось вашему превосходительству. Будьте впередъ осторожнѣе: вы еще не разъ пригодитесь нашей матушкѣ-службѣ»... Скопинъ потомъ выздоровѣлъ, и его произвели въ хорунжіе... Чего тебѣ?

Съ этимъ вопросомъ Яковъ Петровичъ обратился въ вошедшему и вытянувшемуся у дверей ординарцу.

— Лазутчикъ, ваше превосходительство, дожидается! доложилъ ординарецъ.

— Ахъ, я о немъ и забылъ... Который явился?

— Али-Бегъ. ваше превосходительство.

* * *

Яковъ Петровичъ слегка нахмурился. Ему не хотѣлось показывать компаніи своего таинственнаго лазутчика, но дѣлать было нечего. Должно-быть, у Али-Бега было важное извѣстіе, если онъ рискнулъ пробраться въ хату. А тутъ и офицеры стали просить:

– Яковъ Петровичъ, говорите съ нимъ по-русски или черезъ переводчика. Можетъ-быть, онъ что-нибудь интересное скажетъ...

— Зови. Пусть войдетъ! нехотя приказалъ Баклановъ.

Вошелъ Али-Бегъ, окинулъ всю компанію подозрительнымъ, волчьимъ взглядомъ и заговорилъ! по-чеченски.

— Нѣтъ, вы по-русски, пожалуйста, по-русски! пристали офицеры.

— Ординарецъ, позови переводчика! совсѣмъ уже нехотя сказалъ Баклановъ.

Явился переводчикъ. Всѣ присутствовавшіе обратились въ слухъ и вниманіе.

— Говори! приказалъ Яковъ Петровичъ Али-Бегу.

— При всѣхъ говорить? спросилъ тотъ не безъ удивленія.

— При всѣхъ.

— Ну, такъ слушай, Боклю-Бакланъ. Узналъ Шамиль, что тебя нельзя убить никакой пулей, кромѣ какъ заколдованной и заговоренной, и досталъ хорошаго стрѣлка, который пулей муху убиваетъ. Онъ былъ въ Меккѣ и имѣетъ благословеніе пророка. Онъ поклялся на коранѣ, что онъ непремѣнно попадетъ въ тебя и убьетъ безъ промаха, если Шамиль дастъ ему какую-то священную пулю. Шамиль далъ ему двѣ пули.

Слушатели были живо заинтересованы.

— Ты почему знаешь, что двѣ пули, а не одну? спросилъ кто-то изъ компаніи.

— Я самъ видѣлъ. Каждая пуля—серебряная,

и на каждой изъ нихъ вырѣзано мелко святое слово изъ корана.

— Гдѣ же тебѣ удалось видѣть ихъ?

— Въ нашемъ лагерѣ, который недалеко отсюда. Джанебъ уже пріѣхалъ къ нашимъ. У него хорошее ружье.

— Какъ же его у васъ приняли?

— Ничего. Приняли, какъ слѣдуетъ. Но только онъ сразу началъ много хвастать и все разсказываетъ, какъ онъ хорошо стрѣляетъ... Такъ много хвасталъ, что наши старики ему сказали: — «Ты говоришь, что въ пятидесяти шагахъ разбиваешь изъ винтовки яйцо, брошенное кверху. Можетъ-быть, ты и правду говоришь,—мы этого не знаемъ, потому что искусства твоего еще не видѣли. Но Боклю-Баклана, котораго ты собираешься убить, мы много разъ видѣли и знаемъ: онъ на разстояніи полутораста шаговъ при насъ попадалъ изъ ружья въ намѣченную цѣль. Смотри же, Джанебъ, если ты промахнешься, то Бакланъ положитъ тебя на мѣстѣ».

Ну, и что же Джанебъ? спросили въ одинъ голосъ офицеры.

— Онъ — ничего! отвѣтилъ Али-Бегъ и засмѣялся.

— То-есть какъ—ничего?

— Немножко поблѣднѣлъ, но скоро оправился и сказалъ: — «Я во всю свою жизнь далъ только одинъ

промахъ и то когда былъ семилѣтнимъ ребенкомъ».

Всѣ замолчали и стали смотрѣть на Якова Петровича.

— Слушай, Бакланъ! обратился къ нему на этотъ разъ Али-Бегъ.—Когда ты выѣзжаешь на работы, ты становишься всегда на верхушкѣ кургана. По ту сторону рѣки, какъ разъ противъ кургана стоитъ наша старая батарейка, которую мы давно уже бросили. Такъ знай, что завтра утромъ въ эту батарейку засядетъ Джанебъ и будетъ дожидаться, когда ты появишься на курганѣ.

— Ого! заговорили офицеры.—Яковъ Петровичъ, что вы на это скажете? Онъ у васъ не вретъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ спокойно Баклановъ,—онъ всегда говоритъ правду.

— Я пришелъ сказать тебѣ, Бакланъ, закончилъ лазутчикъ,—чтобы ты былъ осторожнымъ и завтра не выѣзжалъ на курганъ.

— Спасибо за предупрежденіе.

Баклановъ досталъ изъ шкатулки горсть серебра и, не считая, всыпалъ въ протянутыя горсти лазутчика. Тотъ повторилъ еще разъ свои предостереженія, пожелалъ спокойной ночи и скрылся.

— Что вы думаете объ этомъ? спросили Якова Петровича гости.

— Ничего не думаю! отвѣтилъ онъ совершенно спокойно.

— Но на курганъ, конечно, не поѣдете?

— Какія глупости! Всенепремѣннѣйше поѣду. Держите только все въ секретѣ, господа!..

Настроеніе присутствовавшихъ стало приподнятымъ. Забывъ все остальное, заговорили только о завтрашнемъ выстрѣлѣ.

— Неужели вы, Яковъ Петровичъ, въ самомъ дѣлѣ выѣдете завтра на работы и станете на курганѣ? посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Конечно, поѣду.

Но вѣдь это—безразсудство!

— А что прикажете дѣлать?

— Помилуйте, подставлять свой лобъ подъ заранѣе подготовленную пулю—вѣдь это чортъ знаетъ, что такое!

— Это, Яковъ Петровичъ, прямая нелѣпость!

— Не выѣхать—значитъ показать, что я струсилъ, а я, слава Богу, трусомъ никогда еще не былъ! отвѣчалъ Баклановъ, пыхтя трубкой.

— Въ вашей храбрости никто никогда не сомнѣвался. Вы ее доказали тысячу разъ, но такъ рисковать, какъ вы намѣрены завтра рискнуть, это уже, извините за выраженіе, совсѣмъ неблагоразумно.

— Это, милѣйшій Яковъ Петровичъ, будетъ скорѣе смахивать на ребяческій задоръ... И притомъ безполезный задоръ...

— Ну, что же дѣлать!.. Выѣхать все-таки надо! добродушно возразилъ Баклановъ.

— Что же вы заколдованы отъ пуль, что ли? досадливо спросилъ полковникъ.

— А, можетъ-быть, и заколдованъ! отвѣтилъ съ улыбкою Баклановъ.—Вѣдь говорятъ же горцы, что я заговоренъ и даже съ чортомъ знаюсь. И казаки увѣрены, что я заколдованъ. Спросите любого изъ нихъ. Нарочно сейчасъ же позовите перваго встрѣчнаго, и пусть войдетъ сюда и скажетъ. Мнѣ, по правдѣ сказать, и самому интересно провѣрить ходячую про меня молву. Сдѣлайте мнѣ одолженіе. Чтобы дѣло было безъ сомнѣній, я уйду на это время въ сосѣднюю комнату.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ бойко выскочилъ изъ хаты и скоро вернулся съ молодымъ, высокимъ донцомъ. Увидя почти все начальство въ сборѣ, казакъ вытянулся въ струнку у притолки.

Не видѣлъ Якова Петровича? спросилъ его полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, не видѣлъ! отвѣтилъ казакъ.

— Странное дѣло: вышелъ на улицу на одну минуту, а пропалъ на цѣлый часъ. Тебѣ на улицѣ онъ не встрѣчался?

— Никакъ нѣтъ, не встрѣчались.

— Гдѣ же онъ, чортъ возьми? Ужъ не пырнули ли его гдѣ-нибудь зъ углюмь кинжаломъ? А

то, можетъ, изъ ружья ахнули?... Въ нашихъ краяхъ все возможно. Ты выстрѣла не слыхалъ, казаче?

— Никакъ нѣтъ,не слышалъ! отвѣчалъ казакъ. — Только этого, ваше скородіе, быть не можетъ, чтобы Якова Петровича кто-нибудь тронулъ изъ ружья или кинжаломъ.

— Почему?

— Ихъ ни пуля, ни кинжалъ не берутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Такъ точно. Имъ отъ Бога дано всѣ дороги знать, а отъ пули и кинжала у нихъ молитва и травка есть.

— Какая травка?

— Не знаю, какая; только весь полкъ говоритъ, что когда Яковъ Петровичъ маленькіе были и ихъ окрестили, такъ бабушка ихняя имъ тихонько отъ всѣхъ въ пеленки заговоренную травку положила. Съ тѣхъ поръ они дороги знаютъ и пуль не боятся.

— Ты куда шелъ?

— По своимъ дѣламъ, ваше скородіе.

— Ну, ступай себѣ съ Богомъ. Если попадется по дорогѣ Яковъ Петровичъ, доложи ему, что намъ безъ него скучно.

— Слушаю-съ.

Казакъ вышелъ. Вышелъ изъ другой комнаты и Яковъ Петровичъ съ добродушною улыбкой, выглядывавшей изъ-подъ огромныхъ нависшихъ усовъ.

— Слышали, господа? Убѣдились? спросилъ онъ.

— Да. Чудеса... Увѣренность полная! отвѣтилъ полковникъ.

— Послѣ этого и толкуйте съ этимъ народомъ! сказалъ Баклановъ.—Теперь и судите, господа, могу ли я при такихъ обстоятельствахъ не выѣхать завтра на работы и не рискнуть своей шкурой? Съ мнѣніемъ всего полка шутить нельзя.

— Да кто же будетъ знать о стрѣлкѣ? Только мы одни.

— Э, полноте. Можете ли вы поручиться, что тотъ же лазутчикъ, выйдя отсюда, не шепнулъ кому-нибудь на ушко? Я увѣренъ, что уже весь полкъ знаетъ.

Гости стали расходиться. По уходѣ ихъ Яковъ Петровичъ помолился передъ образомъ, раздѣлся, улегся и скоро захрапѣлъ богатырскимъ храпомъ. Сердце его билось ровно и спокойно. Трусости или робости онъ не зналъ.

На утро казаки и солдаты въ обычный часъ потянулись на работу—рубить просѣку. На ихъ лицахъ была написана легкая озабоченность. Ясно было, что въ полку было уже все извѣстно.

— Выйдетъ, или не выйдетъ? разсуждали между собою взволнованно офицеры.

— Должно-быть, у него теперь на душѣ—ой-ой, не дай Богъ!..

— Мда... И выѣхать—плохо, и не выѣхать скверно...

Яковъ Петровичъ выѣхалъ въ урочное время, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ совершенно спокоенъ, точно предстоящая опасность касалась не его, а кого-нибудь посторонняго.

По ту сторону гарцовали горцы. Были между ними и пѣшіе. Скоро ихъ набралось около тысячи. Всѣ они обнаруживали явное безпокойство, озабоченность и любопытство и смотрѣли то на Бакланова, то на старую, покинутую батарейку, о которой вчера говорилъ лазутчикъ. Съ нашей стороны всѣ взоры тоже были обращены на Якова Петровича.

Отдавъ нужныя распоряженія и приказанія, Баклановъ тронулъ коня, выѣхалъ на холмикъ противъ батарейки и остановилъ лошадь на его вершинѣ. Изъ-за насыпи батарейки чуть замѣтно мелькнула чалма и скрылась. Всѣмъ стало ясно, что подосланный Шамилемъ стрѣлокъ занялъ свою позицію.

У всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ нервы натянулись, какъ струны. На той сторонѣ горцы пріумолкли. Яковъ Петровичъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно и былъ совершенно спокоенъ.

Изъ-за насыпи батареи показалась чалма, блеснулъ стволъ винтовки, вздулся облачкомъ дымокъ и грянулъ выстрѣлъ. Всѣ ахнули. Яковъ Петровичъ попрежнему былъ неподвиженъ.

Стрѣлокъ промахнулся!

Убѣдившись въ промахѣ, онъ началъ быстро заряжать ружье второй священной пулей.

Яковъ Петровичъ, въ свою очередь, схватилъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ. Тѣло горца въ чалмѣ покатилось на землю.

— Ура!! закричали радостно казаки и солдаты.

— Алла! Алла! закричали горцы. — Бакланъ-Боклю! Бакланъ-Даджалъ!..

Смятеніе среди нихъ поднялось невообразимое. Нѣсколько человѣкъ подскакали къ батарейкѣ, захватили тѣло безжизненнаго стрѣлка и умчались съ нимъ въ горы. Остальная толпа безпорядочно разбѣжалась вразсыпную.

Офицеры бросились радостно поздравлять Бакланова. Яковъ Петровичъ закинулъ винтовку за спину и продолжалъ, не мѣняя позы, слѣдить за работами. Радостное «ура» раскатывалось эхомъ по лѣсу...

Съ этихъ поръ, если среди горцевъ кто-нибудь хвасталъ своимъ умѣньемъ стрѣлять, то ему насмѣшливо отвѣчали свои же:

— Ужъ не собираешься ли ты убить Баклана?..

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ событій Яковъ Петровичъ былъ неожиданно вызванъ начальствомъ съ Кавказа въ Петербургъ и уже болѣе къ своему

полку не возвращался. Онъ былъ оставленъ «для пользы службы» въ сѣверной столицѣ и до конца жизни тосковалъ по своей прежней боевой дѣятельности. Вскорѣ Шамиль былъ взятъ княземъ Барятинскимъ. Баклановъ горько сожалѣлъ, что ему не суждено было участвовать во взятіи неприступнаго Гуниба, съ судьбою котораго была рѣшена и судьба всего Кавказа.

Тосковалъ Яковъ Петровичъ и по родномъ тихомъ Донѣ. Ему и на Дону не удалось побывать.

Умеръ онъ въ Петербургѣ. Похоронили его на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Благодарное казачество поставило на его могилѣ памятникъ, обращающій на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей кладбища. Это—гранитная глыба, поверхъ которой накинута кавказская бурка, а на буркѣ—папаха. Тутъ же свѣшивается и боевой значокъ Якова Петровича.

Страшный для Шамиля кавказскій герой Баклановъ покоится уже много лѣтъ въ сырой землѣ, а память о немъ еще и до сихъ поръ свѣжа среди горъ и ауловъ Кавказа.

А. Сѣдой.